

НАИРИ ЗАРЬЯН

**ДАВИД
САСУНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

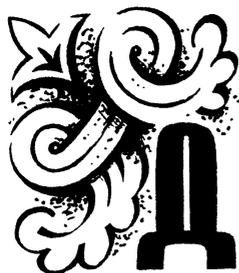
Scan Kreyder - 11.04. 2019 - STERLITAMAK

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Наир Зарьян

**ДАВИД
САСУНСКИЙ**

Повесть по мотивам армянского эпоса

Перевод Н. Любимова

МОСКВА .ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1973

Армянский эпос «Давид Сасунский» — одно из древнейших народных сказаний. Он живёт уже второе тысячелетие. Всякий эпос составляет духовное сокровище народа, является его своеобразной историей. «Давид Сасунский» в этом смысле не исключение. В нем отражены заветные думы и мечты армян, многовековая борьба за независимость, быт и характер народа, его художественная история. И не случайно, что эпос этот волновал воображение многих художников Армении — скульпторов, живописцев, писателей. Он послужил источником творческого вдохновения классикам армянской литературы Ованесу Туманяну, Аветику Исаакяну, Егише Чаренцу и нашим современникам.

Издательство «Детская литература» в течение двух последних десятилетий выпустило в свет целый ряд эпических сказаний в переложении для юношества. Для этой работы были привлечены известные художники слова.

В начале шестидесятых годов издательство обратилось к известному армянскому поэту и прозаику Наири Зарьяну (1901—1968) с предложением пересказать в прозе эпос «Давид Сасунский».

Так была создана эта книга, которую затем перевел на русский язык Н. М. Любимов, хорошо знакомый читателям по переводам бессмертных произведений Сервантеса и Рабле.

Наири Егиазарович Зарьян — один из зачинателей армянской советской литературы, поэт, прозаик и драматург, автор нескольких сборников стихотворений, романов и пьес. Его поэма «Ара Прекрасный» вошла в золотой фонд национальной литературы.

Рисунки

М. Сосояна

1

Почти сто лет назад, в 1874 году, в одной из типографий Константинополя, тогдашней столицы Оттоманской империи турок, была напечатана книга известного армянского ученого-фольклориста Гарегина Срвандзтянца «Гроц у броц ев Сасунци Давид кам Мгери Дур», что в переводе означает: «Из книг и из уст и Давид Сасунский или Дверь Мгера». Книга эта стала событием в истории армянской национальной культуры. Она знакомила читателей с первой записью (первым вариантом) армянского героического эпоса, сохранившегося в устах сказителей под несколькими названиями: «Сасна црер» («Неистовые из Сасуна»), «Джоджанц тун» («Дом великих», «Дом исполнителей»), «Каджанц тун» («Дом храбрых»), но более всего известного как «Давид Сасунский» — по имени главного героя третьей части («ветви») повествования.

В богатейшей сокровищнице духовных ценностей, созданных армянским народом на протяжении многих столетий, эпос «Давид Сасунский», конечно же, самое прекрасное творение, проникнутое сильным и неподдельным чувством любви к родине, утверждающее добро, красоту, благородство, верность и братство между людьми. Связанный с одной из горных областей Армении — Сасуном, эпос «Давид Сасунский» — наиболее полное выражение надежд и чаяний всего армян-

ского народа, и потому его герои — герои не только Сасуна, но всей земли армянской, всей Армении.

Эпосу армян — тысяча лет. Его начали слагать в десятом веке, под впечатлением событий того времени — борьбы армянского народа против Багдадского халифата за свою свободу и независимость. Эпос изустно передавался из поколения в поколение сказителями, пользовавшимися огромным уважением у слушателей. Это были по преимуществу кочевавшие в поисках заработка ремесленники — шерстобиты, чесальщики, ткачи и крестьяне-земледельцы. Они не давали погибнуть эпосу, ревностно следили за точностью повествования, берегли чистоту и прозрачность его. Память о героях эпоса была священна: их имена, как имена самых близких людей, сказители с особым чувством уважения произносили в зачине каждой «ветви» (части) эпоса... Но шли годы, пролетали десятилетия и века. На армянском языке, начиная с конца четвертого века, когда Месроп Маштоц создал армянскую письменность, были написаны сотни стихотворных, прозаических, научных книг, но эпос «Давид Сасунский» между тем существовал лишь в формах устных сказов.

Здесь хочется снова вспомнить о научном подвиге, совершенном Гарегином Срвандзтянцем. Более трех лет он посвятил поискам эпоса, его сказителей. В июне 1873 года пришла удача. Ученый из Константинополя познакомился с Крпо — деревенским церковным старостой из Арниста, который оказался на редкость интересным человеком. Он сообщил много любопытных сведений о среде, в которой распространялся эпос, о своем учителе и его двух учениках, знавших в совершенстве все повествования, и еще о многом другом. Целых три дня Крпо, на мушском диалекте армянского языка, «сказывал свой сказ», который и был записан, а вскоре и обнародован Г. Срвандзтянцем. Так произошло «письменное закрепление» первого варианта «Давида Сасунского». Спустя тринадцать лет, в 1886 году, крупнейший исследователь армянского народного творчества Манук Абегиан записал второй, так называемый мокский, вариант эпоса. Еще через три года ученик Манука Абегиана Гарегин Овсепян в поселениях на склонах горы Арагац открыл сразу четыре варианта.

В это время страницы многих армянских журналов и сборников щедро отводились публикациям различных вариантов эпоса.

После победы Советской власти в Армении в 1920 году работы по

собирацию и записи произведений народного творчества, в частности эпоса «Давид Сасунский», получили исключительно широкий размах. К середине тридцатых годов насчитывалось уже сорок пять записанных вариантов эпоса, а еще через пятнадцать лет их число достигло семидесяти. Так, со времени Г. Срвандзтянца, «первооткрывателя» армянского героического эпоса, на волшебную нить повествования о богатырях из Сасуна были нанизаны десятки сказов, каждый из которых, подобно драгоценному камню, сверкает своими неповторимыми красками.

В 1939 году народы нашей многонациональной Родины отметили тысячелетие эпоса «Давид Сасунский». Ученые Советской Армении — М. Абегян, Г. Абов, А. Ганалаян — подготовили и издали сводный текст эпоса, содержащий свыше десяти тысяч строк; его перевели на русский язык поэты Владимир Державин, Александр Кочетков, Константин Липскеров, Сергей Шервинский, а мастер художественного чтения Сурен Кочарян стал как бы современным сказителем «Давида Сасунского» — его литературная композиция прозвучала на русском и армянском языках с эстрад и сцен сотен городов и сел нашей страны.

Слава и известность «Давида Сасунского» пересекли границы Армении. Десять столетий не приглушили его звучания, не стерли его красок.

К великому творению народа пришло подлинное бессмертие.

2

«Давид Сасунский» — не историческое повествование или хроника о далеком прошлом, это — живой отклик на события, имевшие место в Армении в девятом веке. Как и эпосы других народов, армянский эпос не был с самого же начала чем-то единым и цельным. По мнению профессора К. Мелик-Оганджяна, он состоит из трех поначалу самостоятельно существовавших эпических произведений: сказания о братьях Санасаре и Багдасаре — основателях «сасунского дома», сказания о Мгере Старшем и Мгере Младшем (первоначально — один Мгер) и сказания о Давиде. Эти части («ветви») эпоса, дополняя друг друга, составляют одно целое, отражая представления народа о своей судьбе, его думы о мирной, счастливой жизни.

Исследователи проделали большую работу, чтобы уточнить историческую основу, определить организующее ядро эпоса, иными словами — ответить на вопрос: как сложился эпос, какое из сказаний стало основой этого великолепного творения?

Анализ вариантов позволил установить следующую закономерность. Сказание о Санасаре и Багдасаре — чисто мифологического характера, оно восходит к библейской легенде об ассирийском (или багдадском) царе Сенекериме, который обещал идолу, в случае благополучного возвращения из очередного похода на Иерусалим, принести в жертву двух своих сыновей — Санасара и Багдасара. Узнав об этом, братья убили отца и бежали в Араратскую долину — в Армению, где и основали крепость Сасун.

Образ главного героя второго сказания — Мгера принято считать сложным видоизменением образа бога солнца — Митры (Михра), встречающегося у многих народов. Это некогда единое сказочное божество, оказавшись на земле, как бы раздвоилось: в армянском эпосе живут и действуют два Мгера: сын Санасара — Мгер Старший, Львораздиратель, и сын Давида — Мгер Младший, в бесконечных странствиях по белу свету ищущий справедливости, защитник и покровитель слабых, заточивший себя в скалу и поклявшийся выйти из нее к людям, когда на земле воцарятся добро и счастье.

Наконец, сказание о Давиде Сасунском — наиболее разработанная «ветвь», занимающая господствующее положение среди других сказаний, сердцевина всего эпоса. Значение этой «ветви» образно объяснил академик Иосиф Орбели. «Вспомним, — писал он, — процесс образования жемчужины в раковине. Пока в раковину моллюска не проникает постороннее тело в виде ничтожной песчинки, пока в силу этого обстоятельства животное не заболевает и не образуется у него совершенно незначительный, не видимый глазу известковый нарост, никакой жемчужины нет. А затем вокруг этого нароста наслаиваются отложения, образующиеся под влиянием солей, и в конце концов вырастает замечательная жемчужина. То же самое происходит и с любым народным сказанием. В основе его лежит, быть может, и незначительное по размеру ядро, которое принимает на себя все новые и новые наслоения и превращается нередко в жемчужину, являющуюся результатом творчества десятков и сотен поколений людей. Вот так именно обстоит дело со сложением эпоса о Давиде Сасунском».

Давид — наиболее реальный, наиболее земной из всех героев эпоса. Подобно своим предкам — деду Санасару и отцу, Мгеру Старшему, — он наделен сверхчеловеческой, титанической силой, одарен многими доблестями, но он особенно привлекателен именно потому, что и людские слабости, людские переживания ему не чужды.

Каждая «ветвь» имеет присущие только ей композиционные, языковые, стилистические особенности. Вместе с тем в каждой из четырех можно найти своеобразное отражение всех других, так как Санасар — Мгер Старший — Давид — Мгер Младший связаны между собой не только родственными узами, но, что особенно важно, и общностью благородных устремлений и жизненных целей, общностью, которая сложилась исторически, в процессе освободительной борьбы армянского народа против Багдадского халифата. А борьба эта была поистине драматической, она длилась почти четыре столетия — с сороковых годов VII века вплоть до XI.

В 640, 642—643 и 650 годах отряды багдадского халифа трижды совершали набеги на армянские земли, разоряя страну, уничтожая ее материальные и духовные ценности. Общеармянского войска с единым командованием в Армении тогда не было, и это, конечно, играло на руку завоевателям, которым на первых порах победы давались быстро и легко. Но когда борьбу армянского народа возглавил талантливый полководец и умный политик князь Теодор Рштуни (в эпосе он выведен под именем Кери-Тороса), халиф в 652 году был вынужден заключить с Арменией мирный договор, согласно которому армяне сохраняли свою внутреннюю независимость, обязуясь вносить в казну халифата небольшие налоги и дань. Однако не прошло и двух лет, как халиф Осман нарушил соглашение — Армению снова топтали копыта арабских скакунов. То тут, то там вспыхивали народные восстания, для подавления которых халифат направлял в армянские земли новые и новые наемные отряды. Содержание этих отрядов, естественно, требовало больших расходов, а чтобы покрыть их, Багдадский халифат увеличивал прямые и косвенные налоги, подати и незаконные поборы. Это, в свою очередь, ожесточало население, и волнения не утихали.

Крупное восстание против халифата прокатилось по всему Сасунскому краю в 849—851 годах. Возглавили это восстание, по свидетельству армянских и арабских историков, «князь князей» Багарат Багра-

туни и его сыновья — Ашот и Давид. Мы не будем касаться довольно сложных и драматических перипетий этой борьбы — истории пленения Багарата эмиром Юсуфом Абусетом и спасения сасунского князя его сыновьями, разгрома отрядов арабских наместников и прочего — отметим лишь, что период владычества Багдадского халифата в Армении и, в частности, восстание сасунцев нашли живое отражение в эпосе «Давид Сасунский», вернее, составили сюжетную канву центрального эпизода третьей «ветви», посвященного единоборству Давида с Мсра-Меликом (багдадским халифом) и изгнанию сборщиков дани из Сасуна. Конечно же, нельзя ставить знак равенства между историческими деятелями и героями эпоса, хотя и бесспорно, что многие факты биографии Багарата Багратуни и его сыновей нашли своеобразное преломление в биографии эпического Давида, деяния князя Теодороса Рштуни — в подвигах Кери-Тороса и так далее.

Сопоставление героев исторических с героями эпическими помогает с большей силой и очевидностью проникнуть в одну из тайн творческой деятельности гениальных создателей эпоса, проследить, как конкретная личность наделяется чертами, присущими всему народу, и, таким образом, перерастает в фигуру подлинно эпическую, способную пережить — и переживающую — своего исторического прародителя.

Отталкиваясь от конкретного события, от конкретного лица, эпизода, факта, народные сказители не фотографировали их и не снимали с них копий. Они создавали новые события, новые лица, новые факты, историческая достоверность которых обогащалась достоверностью художественной, и тогда герои эпоса, полнее и обобщеннее своих реальных предтеч, выражали существеннейшие черты народного характера и народного мировоззрения — бескорыстную любовь к отчизне, гуманизм и великодушие, жажду мира и созидательного труда, надежду и веру в будущее.

3

Открытый Гарегином Срвандзтянцем замечательный памятник армянской культуры привлек внимание не только ученых — фольклористов, историков, филологов, этнографов, — но и поэтов и художников, для которых эпос явился благодатным источником творческого

вдохновения. Классики армянской литературы Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Егише Чаренц создали по мотивам эпоса поэмы; драматург В. Вагаршян написал большую пятиактную трагедию; народный артист республики Сурен Кочарян составил литературную композицию; художник Акоп Коджоян сделал серию иллюстраций к эпосу, а скульптор Ерванд Кочар изваял фигуру Давида Сасунского на коне Джалали, украшающую привокзальную площадь в Ереване.

И вот теперь мы стали свидетелями нового художественного переложения всех четырех частей эпоса, сделанного выдающимся армянским советским писателем Наири Зарьяном. Более сорока лет он работает в литературе, увлеченно обращаясь ко многим ее жанрам — к лирической поэзии и поэме, к прозе и драматургии, к публицистике и критике.

Книги Наири Зарьяна — это своеобразная художественная летопись жизни армянского народа. Они воскрешают и картины исторического прошлого, и героические страницы гражданской войны, и переломные этапы социалистического строительства, и подвиг советских людей на фронтах Великой Отечественной войны, и сегодняшний день нашей Родины.

Обращаясь к истории, Наири Зарьян всегда стремится постичь ее значение для современности, раскрыть и показать историю как деяние народных масс. Этот идейно-эстетический принцип с наибольшей полнотой осуществлен писателем в трагедии «Ара Прекрасный», написанной в 1944 году. События седой древности — девятый век до нашей эры, — судьбы героев трагедии — благородного царя армян Ара и сладострастной владычицы Ассирии Шамирам, олицетворяющих противоборствующие жизненные начала — добро и зло, — глубоко взволновали современного читателя, стали близкими и понятными ему. Почему и как это случилось? Конечно же, прежде всего потому, что остро злободневным оказалось само содержание трагедии, в которой воспеты верность народу, нравственная чистота, одухотворенная любовь, святость и незыблемость супружеской клятвы, поэзия гряда и осуждены насилие, ложь, коварство, измена, кровопролитие, необузданные вождедения владык.

Мотивы социальные и политические, нравственные и философские в этом произведении то и дело переплетаются, дополняя и проясняя

друг друга. Но удача «Ара Прекрасного» не только в современном звучании его главной темы. Писатель исполнил свое произведение таким образом, что все его составные части предстали как гармоническая цельность, и древняя легенда обрела впечатляющую силу действительной жизни.

Точно так же создана эта книга — первое полное переложение четырех «ветвей» эпоса в прозе.

Работая над «Давидом Сасунским», Наири Зарьян изучил обширный историко-литературный материал, свидетельства летописцев времен покорения Армении Багдадским халифатом, десятки вариантов эпоса, исследования ученых, он обратился к опыту Туманяна, Исаакяна, Чаренца в поисках собственного художественного решения задачи.

Писатель избрал прозаическую форму повествования, как бы заявляя о своем стремлении подчеркнуть реальную, земную суть описываемых событий. Он услышал и почувствовал живую музыку эпоса, его захватили многообразие дум и чаяний героев, наделенных разными характерами и разными темпераментами, он увидел их в любви и в ненависти, в страданиях и в радости, веселыми и грустными и таковыми, именно такими представил их на страницах своей книги. Проза, которой написан «Давид Сасунский» Наири Зарьяна, глубоко поэтична, и потому герои этой книги, наделенные живыми человеческими качествами, лишены какой-либо приземленности, это люди, какими увидел их автор сквозь века, в столь привычной для них эпической атмосфере. При этом Наири Зарьян избежал как внешней стилизации, так и искусственного «осовременивания» повествования. Писатель до конца верен духу эпоса, следуя которому он и рисует образы героев, десять столетий бережно хранимых в памяти народной.

Подлинному успеху этой книги, несомненно, будет способствовать блестящая работа ее переводчика — Н. Любимова, донесшего до русского читателя богатство мыслей, буйство красок и поэтическую одухотворенность оригинала.

Ветвь первая

САНАСАР и БАГДАСАР

Пусть будет добром помянут армянский Царь-Агик!
Не добром пусть будет помянут жестокосердый халиф!
Мы добрым словом помянем праматерь Цовинар!
Пусть будет добром помянут доблестный Санасар!
Пусть будет добром помянут храбрый Багдасар!
Пусть будет добром помянут вещий Кери-Торос
И Дехцун-царь-красавица с львующимся золотом кос!

Часть первая

ЦОВИНАР

Багдадский халиф собрал войско и пошел на нас войной.

Взял город Берд-Капутин, много народу в плен взял, много добра захватил, много жилищ разгромил, многих поубивал.

Стала Армения халифу багдадскому дань платить.

Царь армянский Гагик был очень стар. Наследника у него не было. Была у него одна-единственная дочь, красавица дочь, по имени Цовинар.

Прошло некоторое время.

Халиф послал сборщиков дани в Армению.

Сборщики дошли до города Берд-Капутина. Стемнело. Во всем мире было темно, а в том городе свет горел.

Встретился сборщикам прохожий.

— Что это за свет горит в вашем городе? — спросили они. — Солнце зашло, ночь безлунная, а у вас в городе светло. Что это за свет?

— Это светится дочь нашего царя, — отвечал прохожий. — Каждый вечер, как солнце зайдет, Цовинар-ханум садится у окна и светит городу. И при ее свете все занимаются своими делами.

Когда сборщики проходили мимо дворца, то, увидев в окне Цовинар, пали без чувств.

Царь за ними послал.

Сборщики открыли глаза, ни слова не говоря поднялись, пошли обратно в Багдад и предстали перед халифом.

— Принесли мне дань? — спросил халиф.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказали они. — Какая там дань! Какая там брань! В Берд-Капутине мы девушку увидели и чуть не умерли от изумления.

— Да ну?

— Истинная правда. Сидела она у окна и говорила солнцу: «Ты не всходи — я за тебя посвечу». Во всем мире было темно, в Берд-Капутине — светло. Свет той девушки озарял город. Если б ты ее увидел, ты бы три месяца лежал без чувств на земле.

— Чья она дочь? — спросил халиф.

— Царя Гагика, — отвечали сборщики.

— А дань почему мне не принесли?

— Много лет тебе здравствовать, царь! — воскликнули сборщики. — На что тебе дань и богатство! У тебя столько земли, столько золота, серебра, драгоценных камней! Полмира принадлежит тебе. Если же царь Гагик отдаст за тебя свою дочь — в ней ты еще полмира приобретешь.

Дума эта запала в голову халифа.

Послал он гонца к царю армянскому и велел сказать:

— Отдай за меня свою дочь.

Царь Гагик ему на это ответил:

— Я — христианин, ты — язычник, как могу отдать за тебя свою дочь? Нет, не отдам!

А халиф сказал:

— Отдашь, царь Гагик, — не добром, так силой возьму. Не отдашь — я твой город Берд-Капутин сровню с землей, твой народ истреблю, полоню, твой трон и престол в прах обращу.

А царь Гагик ему на это сказал:

— Буду воевать, а дочь не отдам.

Халиф своего полководца позвал.

— Собирай войско, иди на Берд-Капутин, — повелел он. — Отдаст за меня гяур свою дочь — хорошо. Не отдаст — камня на камне у него не оставляйте, всё сметайте с лица земли, всё у него отбирайте.

Полководец созвал войско, пришел в страну армян и сказал:

— Царь Гагик! Отдай свою дочь, и мы увезем ее в Багдад. А не то мы камня на камне у тебя не оставим, всё сметем с лица земли и царство твое упраздним.

Царь Гагик взглянул — и что же он увидел!.. Звезд на небе есть счет, воинам халифа нет счета.

Схватились.

С обеих сторон много воинов полегло.

Рать царя Гагика смешалась.

Цовинар направилась к отцу.

— Что ты закручинился, отец? — спросила она.

— Неисчислимая эта рать пришла за тобой, — отвечал царь Гагик. — Если ты не будешь женой багдадского халифа, он вырежет наш народ, страну нашу разрушит, царство наше упразднит.

Цовинар подумала-подумала да и говорит:

— Лучше я одна погибну, — не погибать же из-за меня всей Армении... Отец! Отдай меня за того язычника!

Царь Гагик созвал совет. На совет сам царский тесть, епископ Вардпатрикский, явился; пришел и семнадцатилетний Кери-Торос.

Царь созвал все свое семейство, всех мудрецов страны и повел с ними такую речь:

— Армяне! Что скажете? Отдать мою дочь тому язычнику или уж биться до конца? Что вы мне посоветуете?

Один из тех, кого он позвал, молвил:

— Нет больше сил воевать. Из-за одной девушки не стоит проливать столько крови. Отдадим ее, пусть халиф увезет ее к себе!

А другой сказал:

— Нет, будем воевать! Пусть лучше все мы погибнем, а Цовинарханум язычнику не отдадим!

И впрямь: что же может быть дороже чести народной?

Наконец встал Кери-Торос и поклонился царю.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — начал он. — Я знаю: народ готов сражаться до последней капли крови, лишь бы девушку не отдать иноверцам. Но я своим коротким умом так смекаю: лучше потерять одну девушку, чем целый народ. Давай отдадим Цовинарханум и тем избавимся от напасти. Вообрази, как будто у тебя никогда дочери не было.

Епископ с ним согласился.

— Из-за одной души обречь на истребление целый народ? — воскликнул он. — Нет, джанум, пусть лучше погибнет одна душа!

Царь Гагик видит, что выхода нет, поневоле согласился и послал весть багдадскому халифу: приходи, мол, и увози мою дочь.

Халиф тотчас стал собираться в дорогу, взял с собой поезжан и пришел в Армению.

Цовинар направилась к отцу.

— Отец! — сказала она. — Передай халифу, чтоб он мне построил дворец и чтоб он целый год не приходил ко мне и к ложу моему не приближался. Ты же отправь со мной мамку и духовника, чтобы службы служил, а я буду молиться и вере своей не изменю.

Царь Гагик пришел в стан халифа и передал ему условия дочери.

Халиф сказал:

— Хорошо, джанум. Будь по-твоему. Отдай за меня свою дочь, а я с тобой замирюсь и дани у тебя не возьму. С меня довольно и того, что я стану зятем армянского царя. Обещаю тебе: не то что год — целых семь лет не подойду я к Цовинар и к ложу ее не приближусь. Велю воздвигнуть для нее дворец как раз напротив моего дворца — пусть там и живет. Отправляй с ней мамку, отправляй и духовника — в том ты волен. И пусть твоя дочь исповедует свою веру, а я свою: ведь мы — арабы, а вы — армяне.

Халиф раскинул стан в Техтисе, а Гагик пребывал в долине Норагех. Там у него среди цветущих лугов, среди благоуханных пастбищ стоял летний дворец. Там протекал Молочный родник. В этой самой долине разбили шатры и семь дней и семь ночей пировали на свадьбе.

Наконец Цовинар-ханум сказала отцу:

— Отец! Завтра вознесенье. Позволь мне с подружками пойти погулять.

Царь сказал:

— Ну что ж, погуляй.

Цовинар вместе с мамкой и подругами пошла к Молочному роднику. Гуляли до вечерней зари.

Смотрит девушка — всюду солнце светит, каждый занят своим делом: один стадо пасет, другой землю поливает, третий пашет.

— Ах, как прекрасен божий мир! — воскликнула она. — А я и не знала.

Взобрались они на гору, сели на травку, попили-поели. Внизу было видно синее море. Спустились к морю, погуляли. Цовинар сказала: — Девушки! Вы гуляйте, а я пойду искать ключ — всем хочется пить.

Взяла она с собой мамку и пошла по берегу. Потом взобрались они на скалу, смотрят — нет конца морю. Тут обе сели и заплакали. Обе устали от ходьбы, обеих мучила жажда. А в море вода соленая, а питьевой воды нет. И взмолилась Цовинар:

— Господи! Сотвори здесь источник, свет мне во тьме укажи!

И вот по милости божьей море отхлынуло, обнажился покрытый белой пеной валун. Из того валуна бьет белопенный источник. Цовинар подставила под струю руку, набрала полную пригоршню воды, испила, еще подержала руку, но на этот раз полной пригоршни не набралось — иссяк родник. Цовинар испила еще полгорсти — и зачала.

То был источник живой воды!

Утром халиф со своим войском покинул страну армян и возвратился восвояси.

Царь Гагик собрал своей дочери приданое, и повезли ее в Багдад.

Халиф семь дней и семь ночей свадьбу праздновал, для Цовинар дворец построил, пищу ей туда послал, молвил:

— Ты сама этого хотела — вот я тебя здесь и заточу.

Цовинар-ханум двери за собой заперла и погрузилась в скорбь.

ДЕТИ МОРЯ — САНАСАР И БАГДАСАР

Немного спустя стало заметно, что Цовинар беременна.

— Что нам с ней делать? — спросил халиф.

— Много лет тебе здравствовать, халиф! Убить ее! — отвечали ему.

Халиф позвал палача:

— Иди вместе с визирем и отсеки этой женщине голову.

Визирь и палач пошли к Цовинар, объявили ей волю халифа. А Цовинар им сказала:

— Или у вашего царя нет закона? Нет правосудия? Отсежь голову беременной женщине — значит убить двух человек. Скажите халифу: пусть потерпит, пока родится ребенок, посмотрим, каков он, тогда пусть и голову велит мне отсежь. Знайте, — добавила Цовинар, — мой ребенок по воле божьей зачат от моря.

Визирь и палач пошли от нее к халифу.

— Много лет тебе здравствовать, халиф! Цовинар-ханум молвила то-то и то-то.

— Ну что ж, — согласился халиф. — Потерпим!

Прошло девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут, и тогда Цовинар-ханум двух мальчиков родила. Старший был крепыш, младший — послабей.

Священник Меликсэд окрестил младенцев над тониром¹. Старшему дали имя Санасар, младшему — Багдасар.

Халифа пришли поздравлять.

— Много лет тебе здравствовать, халиф! Тебе послана радость великая: у тебя родились мальчики-близнецы. Другие растут по годам, твои — по часам.

Халиф пошел посмотреть на мальчиков — и в глазах у него потемнело от злости. Позвал он визиря и сказал:

— Пойди с палачом к этой женщине — отсеките ей голову.

Пошли визирь и палач к Цовинар-ханум. А Цовинар им сказала:

— Или у вашего царя нет закона? Или у него совести нет? Если вы убьете кормящую мать, кто же будет кормить детей? Скажите халифу: пусть подождет, пока подрастут мои детки, а тогда пусть убьет меня. Ведь мне отсюда не убежать.

Визирь передал слова Цовинар халифу.

— Что ты мне посоветуешь? — спросил халиф.

— Дай ей десять лет сроку, пока подрастут сыновья, — отвечал визирь. — Тогда и отрубим ей голову. Цовинар отсюда не убежать. Пусть сидит взаперти.

Прошло полгода. Цовинар-ханум послала к халифу сказать:

---

¹ Тонир — печь для выпечки хлеба; устроена в земле.

— Я не птица — почему же меня держат в клетке? Я не узница — почему же меня держат в темнице? Ты не позволяешь нам выйти на свет божий, взглянуть на солнечный лик.

Халиф сказал:

— Ну ладно, пусть погуляет с детьми.

Мальчуганы росли не по месяцам, а по дням; не по дням, а по часам. Исполнился им годик, а выглядели они пятилетними.

Прошло лет пять, а то и шесть. Стали Санасар и Багдасар могучими пахлеванами. Мать позвала священника и сказала:

— Учи моих детей, отче. Пусть они учатся читать и писать.

Священник научил детей и читать и писать.

Однажды утром Санасар и Багдасар играли на улице с багдадскими детьми. И вдруг те накинулись на них и стали дразнить:

— Приблудыши! Приблудыши!

Санасар сыну визиря дал оплеуху и свернул ему шею, а потом они с братом пошли домой и, обливаясь слезами, обратились к матери:

— Мать, скажи нам: кто наш отец?

— Ваш отец — халиф, дети мои, — отвечала им мать.

Сын визиря так и остался на всю жизнь кривошейкой. Визирь пошел к халифу.

— Наказанье господне! — сказал он. — Христианские щенки каждый день калечат наших детей!

Халиф позвал к себе Санасара и Багдасара, речей их послушал, оглядел, испугался их богатырского вида и поскорей отослал к матери, а визирю сказал:

— Подрастут — в бороду мне вцепятся. Надо на них управу найти.

Как-то утром Санасар и Багдасар опять играли с детьми. И опять задразнили их дети:

— Приблудыши, приблудыши, приблудыши, приблудыши, приблудыши!..

И опять оба брата с плачем вернулись домой и бросились к матери:

— Мать, скажи: кто наш отец, а не то мы бросимся в реку!

Цовинар сказала служанке:

— Я пойду с детьми погулять к реке — тоску развеять.

На берегу реки Санасар снова обратился к матери:

— Мать, скажи: кто наш отец, иначе я утоплюсь!

И тогда Цовинар рассказала все:

— Дитя мое! Как-то раз я пошла с мамкой к морю. Мне страх как захотелось пить. Вдруг море отхлынуло, и потекла вкусная вода. Я выпила сперва полную, а потом неполную пригоршню воды. Вы оба от нее родились: ты — от полной пригоршни, а бедокур Багдасар — от неполной. Вот как вы произошли.

— Теперь мы узнали, кто мы такие, — молвил Санасар. — А ты кто?

— Дети мои! — отвечала Цовинар. — Я армянского царя Гагика дочь.

Прошло много времени. Санасар и Багдасар стали замечать, что мать с каждым днем тает.

— Мать! Что с тобою? — спросили они. — Ты с каждым днем таешь, плачешь, не осушая глаз. Бог подарил тебе двух сыновей-пахлеванов, ты дочь армянского царя, царица Багдада, — чего тебе недостает? От какой кручины таешь ты с каждым днем?

А царица Багдада им на это сказала:

— Ах, дети мои! Как же мне не таять? Не сегодня-завтра халифовы палачи придут и отрубят головы мне и вам.

Санасар расхохотался:

— Так вот оно что? Ну хорошо, посмотрим, как это они отрубят нам головы!

И вот прошло десять лет.

Халиф позвал палачей и велел:

— Ступайте отрубите им головы.

Санасар с Багдасаром сидят у себя на скамейке, покрытой ковром, шутят, хохочут, а в соседней комнате плачет мать. Палачи вошли к ней.

— Нынче будем головы вам рубить, — объявили они.

— А руки у вас поднимутся на моих деток? — спросила Цовинарханум.

Главный палач ей на это сказал:

— Поднимутся не поднимутся, а что нам делать? Такова воля халифа.

— Тише! — сказала Цовинар. — Деток моих испугаете. Пусть еще немного поиграют и посмеются. А вы покуда сядьте да отдохните.

— Нет, — сказал главный палач, — нам не велено садиться. Вставайте, идем во двор. Если здесь отрубить вам головы, то мы кровью зальем дворец.

— Тише! — снова промолвила Цовинар. — Не пугайте деток!

— А мне что? — крикнул главный палач. — А ну пошевеливайтесь!

Санасар услышал его голос. Отворил дверь, смотрит: в комнате матери стоят с мечами наголо палачи.

— Вы что за люди? Что вам здесь нужно?

Цовинар шепотом сказала палачам:

— Не говорите моим деткам, что вы пришли отсечь им головы. Выведите их из комнаты, станьте по сторонам и рубите им головы так, чтобы они ничего не успели увидеть, чтобы они не успели испугаться.

— Ладно, — молвили палачи.

— И еще у меня есть к вам просьба: сначала убедите меня, а потом моих деток.

— Матушка! Куда ты? — спросил Санасар.

— Сейчас приду, моя деточка.

— Тут что-то не так. Куда они тебя ведут? Я не пушу...

— Хочешь правду знать, сынок? Халиф послал этих людей, чтобы они отсекали мне голову.

Санасар подошел к главному палачу:

— Это ты будешь рубить моей матери голову?

— Халиф велел всем вам головы с плеч долой, — отвечал палач.

— Ну так вот же тебе наши головы!..

И тут Санасар так хватил главного палача по лицу, что голова палача отлетела — только туловище на ногах держится.

А подручные наутек — и к халифу.

— Много лет тебе здравствовать, халиф! Твой сын так хватил главного палача по лицу, что голова у него отлетела — только туловище на ногах держится.

Халиф послал против Санасара и Багдасара войско. Санасар с Багдасаром еще засветло успели перебить половину этого войска и вернулись домой.

На другой день халифова рать уже не появилась.

Халиф приказал полководцу:

— Ударь на гяуров!
— Нет, падишах, — возразил полководец, — нам этих пахлеванов не одолеть. Они силачи, разрушат они твое царство, лучше с ними не связываться.

Понял халиф: выхода нет. Смягчился, сказал:

— Теперь я уверился: Цовинар невинна, а богатыри зачаты ею от моря. Цовинар мне жена, а ее дети будут моими детьми.

БЕГСТВО ХАЛИФА

Протекли годы.

Халиф вновь собрал войско, чтобы идти войной на армянскую землю.

Цовинар сказала:

— Халиф, послушайся ты меня: не воюй!

— Почему?

— Я видела сон: мелкие звезды накинудись на большую звезду. Большая звезда блеснула — ниже, ниже и, наконец, упала возле наших ворот.

Халиф рассмеялся.

— Разумница моя Цовинар! Ты спишь в свое удовольствие, а сны за других видишь. Нет! Пока я молод, я должен воевать.

— Воля твоя, — молвила Цовинар, — но ведь ты же дал слово моему отцу.

— Я раздумал, — отвечал халиф. — Пойду на него войной, соберу дань за десять лет.

...Пришел халиф со своею ратью, осадил Берд-Капутин.

Семь лет длилась война.

Ни людям, ни скоту нельзя было выйти из города. Поля оставались невспаханными, незасеянными, в целину превратились. Все в городе вздорожало. Цены так поднялись, что и за золотой хлеба не купишь. Люди умирали с голоду.

— О господи! — говорили друг другу горожане. — Неужели мы когда-нибудь наедемся досыта?

Царь Гагик скорбел душой, думу тяжкую думал, наконец набрал отважных юношей, составил из них полки. Когда смерклось, он отдал тайное распоряжение:

— Без моего приказа в бой не вступать!

В полночь, когда все стихло, царь Гагик крикнул:

— С нами бог! В бой!

И бой завязался. Вражеское войско дрогнуло. Передовые отряды противника побежали, тыловые части стали их рубить. Кери-Торос и все юные бойцы с мечами и пиками врезались в самую гущу вражеских войск, крушили их, крошили, уничтожали. В этой яростной сече арабы друг друга не узнавали — били, рубили, убивали своих же.

Халиф пребывал в одиночестве. Как увидел он, что его люди уничтожают своих и что бой приближается, сел на дамасского верблюда и пустился в бегство, взывая к идолам:

— Спасите меня, идолы мои, вырвите меня из рук армян, дайте мне благополучно возвратиться домой, а я своих сыновей Санасара и Багдасара в жертву вам принесу!

Вновь увидела сон Цовинар: будто в каждой руке у нее по свече, и те свечи, кажется, вот-вот погаснут, а то вдруг разгорятся еще жарче и ярче.

Цовинар встала в кромешной тьме, позвала сыновей и сказала:

— Халиф — в беде, и дал он обет своим идолам принести вас обоих в жертву. Спасайтесь, дети мои! Бегите в страну армян. Ночью укажет вам дорогу ясная звезда, днем спрашивайте, где страна армян, спрашивайте и мчитесь.

Санасар сказал:

— Едем, Багдасар. Мы могли бы одним ударом сразить и халифа

и все его войско, да что в этом проку! Чужбина никогда не заменит нам родину.

Тут мальчишки встали, взяли каждый по луку, палице и мечу, взяли с собой в дорогу еды, вывели двух ретивых коней, сели, подъехали к матери, поцеловали ее, сказали:

— Прощай, матушка! Пусть теперь халиф приносит нас идолам в жертву!

Помолились своему богу и ночью пустились в путь.

— Армянская земля, где ты?.. Мы спешим к тебе.

На утренней заре Цовинар поднялась на дворцовую кровлю поглядеть, как далеко отъехали от города ее сыновья. И что же она видит! Едет халиф на дамасском верблюде, без войска, без полководцев. Почернел халиф, ровно смола. Вот он спрыгнул с верблюда и бросился прямо к воротам.

Цовинар-ханум молвила:

— Здравствуй, халиф! Ой, что это с тобою случилось? Семь лет о тебе добрая шла молва. Что же случилось? Где твоё войско? Где полководцы?

Халиф ей на это ответил:

— Ох, жена! Гяуров я прижал к стенам города и уж думал: настал их последний час, город сдастся, как вдруг на заре посыпался огненный град на войско мое и на полководцев, огненный меч пламенел меж рядами, наши крушили друг друга, крошили, уничтожали, я сам чуть было в плен не попал, да сел на верблюда — и скорее домой.

Прошло еще некоторое время.

Однажды халиф сказал:

— Знаешь что, царская дочь?

— Нет, не знаю, царь.

— Мои идолы жертвы хотят.

— За чем же дело стало? Экий ты недогадливый! Разве нет у тебя овец или жирных телок? Зарежь и принеси их в жертву!

— Нет, — молвил халиф, — мои идолы хотят человечины. Я в тот день обещал им за свое спасенье твоих детей.

— Бога ты не боишься! — сказала Цовинар. — Разве дети мои — не твои дети? Делай как знаешь. Возьми зарежь моих детей. Но только где сейчас Санасар, где Багдасар? Где твои идолы? Где мои дети?..

...Санасар с Багдасаром всё гнали и гнали коней, наконец приблизились к городу Му́шу и предстали перед царем Муше́гом. Семь раз склоняли они головы, затем сложили на груди руки и стали как вкопанные.

Царь Мушег спросил:

— Что вам, дети мои? В чем вы нуждаетесь?

— Мы ни в чем не нуждаемся, — отвечали они. — На небе заступник наш — бог, а на земле — ты, государь. Прими нас под свою державу, оберегай нас, пусть взор твой будет покровителем нашим, а уж мы в долгу у тебя не останемся.

— Чьи же вы дети?

— Халифа багдадского, — отвечали они.

— Коли так, — рассудил царь Мушег, — я вас не смею задерживать. Отец ваш могуч. Он придет, добычу у нас возьмет, подданных моих в плен угонит. Нет, не могу я вас приютить. Ступайте с богом!

Санасар и Багдасар покинули тот край и дорогой надумали, куда им идти.

Пришли они в Арзрум, к эмиру, стали перед ним, поклонились. Оба брата были широки в плечах, настоящие богатыри — любо-дорого было на них смотреть. Эмиру оба пришлось по душе, и спросил он:

— Что вы за люди? Какого племени? Из какого края?

— Мы сыновья халифа багдадского, — отвечал Санасар.

Эмир насупился и сказал:

— Ай-ай-ай!.. Мы от их мертвецов бежали, а наткнулись на живых. Нет, я вам не покровитель! Ступайте туда, откуда пришли.

Дорогой Санасар сказал Багдасару:

— Слушай, брат: ведь мы от халифа бежим. Так зачем же мы его имя на шею себе навязали? Не будем больше называть поганое имя, а то мы так покровителя и не сыщем. Вперед, когда спросят, скажем: «Нет у нас никого — ни матери, ни отца, ни дома, ни отчизны».

И вот прибыли они в крепость Маназкёрт. Сидел в той крепости царь Теваторо́с. Братья остановились у ворот. Царская стража окликнула их:

— Вы откуда? Чего вам надобно?

— Царю послужить хотим.

Доложили о них царю.

Царь позвал братьев к себе. Семь поклонов отвесили они царю,

Сложили на груди руки и стали как вкопанные. Теваторосу приглянулись златокудрые эти красавцы, и он спросил их:

— Зачем вы сюда пришли, дети мои?

— На небе заступник наш — бог, а на земле — ты, государь. Прими нас под свою державу, оберегай нас, пусть взор твой будет покровителем нашим, а уж мы в долгу у тебя не останемся.

— Вы откуда, из какой страны?

— Сами не знаем.

— Отец и мать есть у вас, родина есть?

— Ничего у нас нет, — отвечали они. — Ни дома, ни семьи, ни родины. С тех пор как нас мать родила, мы ни разу не видели ни ее, ни отца, мы — круглые сироты.

— А зачем скитаетесь? Зачем явились сюда?

— Хотим тебе послужить.

Их ответ царю тоже понравился, и сказал царь:

— Проведите этих юношей в чистую горницу, накормите их и спать уложите. Отныне быть Санасару моим стольником, а Багдасару — виночерпием.

Еще один год прошел.

Однажды разбойники угнали городское стадо. Визирь сказал царю:

— Давай испытаем Санасара и Багдасара. Посмотрим, какова у них сноровка, смогут ли они наше стадо отбить у разбойников.

— Добро, — молвил царь.

Отобрал он тридцать всадников и хотел послать их вместе с богатырями вдогон за разбойниками. Но Санасар сказал:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Всадники нам не нужны. Мы и без них обойдемся.

Взяли они оружие, вскочили на коней и поскакали. Настигли разбойников, схватили, побили. Стадо освободили, разбойников вместе со скотиной в город погнажи.

Царь обрадовался и с того дня возлюбил еще больше обоих братьев.

В одно прекрасное утро Санасар с Багдасаром пошли погулять по городу. Видят: на площади ребята, заграждаясь щитами, играют в войну, палками друг дружку охаживают.

Решили братья:

— Давай играть с ними!

Стали играть Кого ни хватят по шиту, тот без чувств падает наземь. Царь про это узнал и позвал к себе братьев.

— Ребята! — говорит. — Что вы делаете? Разве так можно?

— Много лет тебе здравствовать, царь! — отвечали братья. — Мы же не нарочно — это мы так играли.

— Вы же богатыри, вы себя с ними не равняйте. Вперед так не делайте.

— Больше не будем.

Царь отпустил их, позвал визиря и сказал:

— До сих пор они были уверены, что среди нас есть настоящие мужчины. Сегодня они узнали, что сами они мужчины, а наши ребята — бабы.

— Государь! Выгони ты их из города! — молвил визирь. — А то гляди: беды с ними не оберешься.

И задумался царь.

Спустя несколько дней братьев предупредил один из их товарищей:

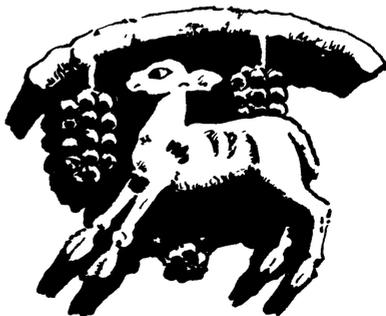
— Государь разгневался, хочет вас отсюда прогнать.

Обиделись братья.

— Багдасар! Нам здесь пристанища не найти, — сказал Санасар. — Уйдем отсюда и построим себе дом.

— Будь по-твоему, братец, — сказал Багдасар. — Идем!

САСУН

Царь Теваторос пробудился от сна, глядит: ни Санасара, ни Багдасара при нем нет. Он позвал их, спросил:

— Чем вы недовольны, дети мои? Что случилось?

Санасар молвил:

— Государь! У нас просьба к тебе.

— Какая просьба?

— Отведи нам уголок в твоём царстве. Мы дом поставим себе.

Царь подумал-подумал да и говорит:

— Сын мой! Наследника у меня нет. Умру — страна моя достанется вам, вот и будет вам дом.

— Нет, — отвечал Санасар, — на это мы не согласны. Отведи нам уголок. Не отведешь — возьму брата за руку, и пойдём мы с ним дальше по белу свету.

Сжалился царь над ними:

— Коли так, сын мой, ищите сами уголок на моей земле. Где понравится, там и стройте себе дом.

На заре братья тронулись в путь. Долго ли, коротко ли — видят они: течёт по долине большая река, а с высокой горы сбегает ручеек, вливается в реку, перерезает её, светлый след за собой оставляет, бьёт в противоположный берег, затем оборачивается, сливается с рекой и течёт вместе с ней. Братья в изумлении переглянулись.

— Ну и диво! — сказал Багдасар. — Ручеек перерезает широкую реку! Что это за таинственный источник?

Санасар подумал-подумал да и говорит:

— Это богатырский родник. Кто напьётся воды у его истока, тот станет могуч, как сама эта вода, и никто уже его на лопатки не положит.

— Да ну? — удивился Багдасар. — Так что же нам делать?

— Хлеб, вино, вездесущий господь!.. — воскликнул Санасар. — Отыщем исток этого ручейка и там построим себе дом. Мы сильны, и вода сильна. Кто напьётся этой воды, тот превратится в богатыря, всех на свете сильнее станет. И сын его будет силач и сильных внуков ему родит, и у внуков родятся сыновья-силачи.

— Воля твоя, старшой, — сказал Багдасар.

Перебрались они на тот берег, пошли берегом ручья, всё выше и выше, и наконец глазам их открылся невиданный мир: горы, а на горах ещё горы, ущелья, а в ущельях опять ущелья, бездны, пропасти, скалы, утёсы, за лесами снова леса. Медведи, тигры и львы, завидев друг друга, в страхе разбежались. Кругом ни жилья, ни души. Прекрасный край!..

Братья отыскали исток, напились воды. Санасар сказал:

— Хороша вода! Давай здесь крепость построим!

Очертили братья место, где стоять крепости, сели у истока, поели, выпили еще этой живой воды, дали имя ключу Катнахбур, что значит Молочный родник, и вернулись в Маназкерт.

На заре вновь предстали они перед царем.

Царь спросил:

— Ну как, дети мои, нашли место для вашего дома?

— Нашли, бессмертный царь! — отвечал Санасар. — А теперь у нас еще одна просьба к тебе. Жить там будет тоскливо. Как мы там будем коротать время вдвоем? Пошли с нами несколько бедных и несколько богатых семей: пусть пойдут с нами, пусть рядом строят дома, а вечерами мы будем собираться, беседовать, весело проводить время, все будем жить в одном городе.

Царь послал с ними сорок семейств. Ну уж и семьи! В каждой семье по одному ослу да по одному веретену.

Утром царь отправил в город визирия. Тот собрал сорок семейств, дал им сорок мешков муки, сорок мешков всякого другого добра и сказал: «Ступайте!»

Санасар и Багдасар простились с царем, вместе со всем караваном поднялись в горы и наконец достигли Молочного родника, добрались до того места, где порешили они крепость воздвигнуть.

Багдасар спросил старшего брата:

— Что будем строить сперва — крепость для нас или дома для них?

— Сперва дома, а потом уже крепость, — отвечал Санасар. — Тяжел беднякам палящий зной.

Начали с домов.

Санасар выкапывал в день выемки для десяти домов, а Багдасар камни и бревна таскал — строили вдвоем. Много деревьев вместе с корой притащили с вершины горы, под стропила дома подвели, крыши покрыли, выстроили дома. За четыре дня сорок домов поставили. Кому строили, у того и кормились. У кого кормились, у того опустили и мешки и корчаги.

Когда все новоселы разместились в домах, братья взялись за крепость. Санасар приволок большущие камни, Багдасар — стволы исполинских деревьев. Потом оба в город пошли, мастеров, рабочих позвали и привели.

Главный мастер на камни взглянул — ужаснулся:

— Санасар! Как будем строить? У меня сил не хватит поднять эти утесы.

— Кто же поднимет? — спросил Санасар.

— Никто.

Тогда Санасар сказал:

— А ну-ка, мастер, натяни нить и покажи, куда камни класть. Я каждый камень положу на место.

Вот так и воздвигли они крепость. Ствол на ствол возносили, столб на столб громоздили. Целый год трудились, через год выстроили крепость. А построив крепость, построили церковку.

— Ну хорошо, — сказал Санасар, — крепость мы возвели, а как нам назвать ее?

— Как хочешь, братец, — отвечал Багдасар. — Строить было нашим общим делом, а назвать — дело твое.

Братья прохожих останавливали. Просили:

— Дайте крепости нашей название.

Никто не мог придумать ей достойное имя.

Поутру Санасар вышел пройтись. Смотрит: седой старик землю пашет. Взял Санасар старика за руку и сказал:

— Не бойся, дедушка! Пойдем к нам в гости.

Пошли. Санасар угостил старика, побеседовал с ним. Наконец спросил:

— Дедушка! Ты знаешь, зачем я тебя к нам привел?

— Эх, молодо-зелено! Почему же я знаю, зачем ты меня привел?

— Ну так вот, — сказал Санасар. — Мы эту крепость только что построили, а назвать еще не назвали. Ты много по свету бродил, много ума нажил — дай нашей крепости достойное имя.

— Вот что, сынок, — промолвил старик. — Сейчас темно, завтра утром встанем, я погляжу на вашу крепость и подходящее название для нее подыщу.

На рассвете взвалил Санасар старика себе на плечи и понес вокруг крепости: вынес из восточных ворот, а вечером к тем же воротам принес.

— Что скажешь, дедушка? — спросил Санасар.

Старик опять в изумлении поглядел на крепость, на ее скалистые стены, что уступами поднимались ввысь, на клиновидные башни, посмотрел-посмотрел и сказал:

— Ну, храни вас господь! Знать, сила у вас богатырская, коли вы эти дикие, эти яростные скалы взнесли, коли вам удалось эти огромные — эти *сасунские* камни поднять, столб на столб взгромоздить.

Обрадовался Санасар:

— Стой, дедушка! Больше — ни слова! Имя нашей крепости будет *Сасун*, имя страны — *Сасунское царство*.

КОНЕК ДЖАЛАЛИ И МЕЧ-МОЛНИЯ

Как достроили, dokonчили крепость, Санасар обратился к брату:

— Багдасар! Пойдем к морю, доброго коня добудем.

Рожденные от моря, чуяли они, что есть в море конь-огонь. И пошли они к морю.

Санасар сказал:

— Пойдем прямо по морю и увидим, тонет человек в воде или нет.

Багдасар отказался:

— Нет, брат. Мне жизнь дорога. Я в море не кинусь.

— Ладно. Ты подожди тут, а я пойду.

И вот по воле божьей расступилась вода. Санасар увидел перед собой сухое дно, Багдасар видел перед собой воду.

— Ой-ой-ой! Поглотила брата пучина морская! — закричал Багдасар и упал замертво.

А Санасар тем временем по дну морскому шел, точно посуху; шел, шел и наконец достиг самой что ни на есть глубины. Там был подводный сад, а в саду водоем. Там стоял дворец, а перед дворцом сверкал водомет. Там был привязан конь, на коне седло перламутро-

вое и меч-молния. И еще увидел Санасар церковь. Как вошел Санасар в церковь, так и задремал, на пол упал и сон увидал — стоит перед ним божья мать и говорит:

— Эй, Санасар, подымись! Тут стоит Ратный крест — стань перед ним, семь раз поклонись, помолись. Если ты достоин его, он — твой. Приложи его к правому плечу — и ты всех одолеешь, с ним тебе вражьи мечи не страшны. Вон стоит морской конек Джалали, на нем с неба упавший меч-молния. Конь оседлан, от нетерпенья грызет удила. Если ты достоин его, он — твой. Здесь есть потайной ларь. Открой и бери себе бранную справу:

Бранный кафтан,
Бранный кушак.
Бранный шелом,
Бранные сапожки,
Бранный щит,
Грозный меч,
Копье, лук, стрелу.

Всё возьми себе, искупайся в водоеме — и ты окрепнешь, в семь раз станешь сильнее и достигнешь всего, чего хочешь.

Санасар пробудился от сна, молвил:

— Неужто мне это снилось?

Открыл ларь и увидел в нем все, о чем слышал во сне. Примерил бранный шелом, видит: целый пуд хлопка надо туда запихнуть, чтобы шелом не сползал ему на плечи. Примерил бранные сапоги — по пуду хлопка надо туда запихнуть, чтобы были они ему впору. Бранный кушак семь раз обвил его стан.

Вышел Санасар из церкви, пошел к водоему, сбросил одежду, искупался, испил ключевой воды и уснул. Пока спал, он по воле божьей вытянулся, раздался вширь, богатырем настоящим стал, а как проснулся, пошел надевать доспехи —

И бранный кафтан впору теперь ему,
И бранный кушак впору теперь ему,
И бранный шелом впору теперь ему,
И кованые сапожки впору теперь ему.

Тут он семь раз поклонился, прочел молитву — и Ратный крест

снизошел к нему на правое плечо. Санасар приблизился к Джалали, взял меч-молнию и совсем уж было собрался вскочить на коня.

Но Джалали заговорил человеческим голосом:

— Чего тебе надобно, Санасар?

— Хочу сесть на тебя.

— Я умчу тебя к солнцу, сожгу!

— Я от моря рожден, я под твоим брюхом укроюсь.

— Я оземь ударю тебя — и ты уйдешь в землю.

— Я рожден от огня, я на спину к тебе вспрыгну.

Санасар схватил поводья, вскочил в седло.

Конь взметнул всадника, чтобы тот сгорел от солнечного жара, — всадник спрятался под брюхо коня. Конь ринулся вниз, чтобы вдавить его в землю, — всадник взмогнулся на спину коня. Конь летал то вверх, то вниз, метался из стороны в сторону, к земле припадал, на дыбы взвивался, на губах у него выступила кровавая пена, но сбросить Санасара он так и не сбросил. Наконец укротился, смирился, сказал:

— Ты мой хозяин, я твой конь.

Санасар слез с коня, в глаза его поцеловал, к брату на берег морской поскакал.

А Багдасар сидит на камне и плачет. Вдруг видит он: идет гора верхом на горе. «Что же это за чудище? Оно меня сожрет», — подумал Багдасар и скорей бежать.

А Санасар ему вслед:

— Это я, Багдасар, не бойся!

— Ой-ой-ой! — закричал Багдасар. — Он брата моего утащил в море, а теперь идет за мной.

Санасар за ним вскачь, догнал, молвил:

— Чего ты, молодец, плачешь?

— Как же мне не плакать? Был у меня один-единственный брат, да и тот бросился в море и утонул. И остался я один на всем свете. Кому ж еще плакать, как не мне?

— Багдасар! Если ты встретишь брата, узнаешь его?

— Еще бы! Как не узнать!

— Да ведь я же и есть твой брат.

— Как бы не так! Мой брат был не такой громадный, он только

на локоть был выше меня. Да и где бы нашел он блестящие эти доспехи, меч-молнию, борзого коня?

Санасар спешился, поцеловал брата в лоб и сказал:

— Багдасар! Я — твой брат, я — Санасар. Не плачь, не бойся. Ведь мы оба с тобой рождены от моря. Эти доспехи, оружие и Конек Джалали спрятаны были для нас на дне морском. Я их сыскал и вытащил на свет божий. Посмотри мне в глаза — и ты узнаешь меня.

Багдасар обрадовался, поцеловал брата в голову и сказал:

— Братец! Пока ты не скрылся у меня из глаз, мне было не страшно. А как скоро скрылся, я сел и заплакал.

Братья еще раз поцеловались и пошли домой.

Прошел месяц. Стал Санасар замечать: брат пожелтел с лица, поскуцнел — видать, заболел...

— Что с тобой, брат?

Отвечал Багдасар:

— Я не сплю по ночам. Вот уж месяц, как главный идол является мне в обличье козла, до рассвета блеет у меня над головой, прыгает, спать не дает. Я в Багдад пойду: или халиф идолу в жертву меня принесет, или уж я халифа.

— Я тебя одного не пушу, — сказал Санасар. — Мы вместе пойдем, халифа уьем, вызволим нашу несчастную мать.

Пришли братья в Багдад.

Доложили визири халифу:

— Тебе радость — сыновья твои пришли.

Обрадовался халиф, сказал визирям:

— Вот вы меня попрекали тем, что я их не устерег. Удостоверились вы теперь, сколь могучи идолы? Они жертвы свои притянули — жертвы пришли к ним сами.

Поднялся халиф на дворцовую кровлю, подбоченился, ходит взад и вперед. Как увидел он беглецов, завопил:

— Собачьи дети! Где, в какой преисподней укрывались вы столько лет? Видно, было вам невдомек: куда бы вы ни ушли, главный идол все равно притянул и вернул бы вас.

— Батюшка, родимый! — сказал Санасар. — С тех пор как нас мать родила, мы не видели света. Мы пошли свет поглядеть — и обо всем

позабыли. А потом бросились на восток, бросились на запад — нет нам спасенья от главного идола. Он являлся нам по ночам, спать не давал.

А Халиф злорадствовал:

— Так, так, так!.. Ну пойдите, я принесу вас в жертву багдадским идолам.

— Много лет тебе здравствовать, халиф! — отвечали братья. — Ведь мы царевики, и сан наш не дозволяет, чтобы нас закололи тихонько. Позови всех твоих подданных в капище, чтобы все на жертвоприношение могли поглядеть и прославить идолов.

— Ин будь по-вашему, — молвил халиф.

Санасар с Багдасаром пошли к Цовинар.

А Халиф указ написал и послал гонцов в города и села созывать на праздник жертвоприношения. Отовсюду потекли толпы, собралось видимо-невидимо разного люду, все поле усеял народ — иголке негде было упасть.

Многие злорадствовали, а многие плакали.

Санасар с Багдасаром взошли по ступеням в капище. Халиф с мечом наголо стоял возле главного идола.

— Я идолопоклонник, а вы крестопоклонники, — сказал он. — Я вас обезглавлю. Поглядим, как-то вам поможет ваш бог!

Санасар нащупал под кафтаном меч-молнию.

— Ты обоих нас сразу убьешь? — спросил он.

— Да, я обоих вас принесу идолам в жертву.

— Хлеб, вино, вездесущий господь! — воскликнул Санасар, взмахнул мечом и нанес халифу удар.

Голова у халифа свалилась, а туловище осталось стоять на ногах.

Багдасар поднял одного из малых идолов, хватил им по главному идолу, молвил:

— Поглядим, как-то вам идола ваши помогут!

Голова у главного идола слетела, а туловище осталось на месте.

Люди выбежали из капища, разнесли молву по всему городу. Халифово войско окружило капище. Санасар с Багдасаром вышли на площадь; один держал в руке меч-молнию, другой — заместо палицы — медного идола. Конек Джалали как завидел хозяина, зубами, копытами,

хвостом пробил себе дорогу в толпе, подбежал. Братья вскочили на него и дважды промчались из конца в конец площади. Пыль столбом поднялась и затмила солнце. Полегло халифово войско — циновкой по земле расстелилось.

А Санасар с Багдасаром пришли во дворец, поцеловали матери руку, гранатного вина выпили, попиrowали на славу.

Несколько дней спустя двинулись они в Армению и взяли с собою мать. В окрестностях Берд-Капутина у студеного ключа шатер разбили.

Царь Гагик и Кери-Торос, узнав про то, пошли им навстречу, кинулись друг другу на шею, расцеловались от радости и смеялись и плакали. Потом во дворец пошли и семь дней и семь ночей пиrowали и веселились.

А как семь дней прошло, сказал царю Санасар:

— Дедушка! У меня к тебе просьба.

— Проси чего хочешь.

— Мы себе дом построили. Отпусти нас домой.

— Дитя мое! — сказал царь. — Наследника у меня нет. Умру — царство мое достанется вам, это и будет ваш дом.

Отвечали ему Санасар с Багдасаром:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Мы с тобой повидались. Слава богу, ты жив-здоров, тоска наша прошла. А теперь отпусти нас домой.

И стали они собираться в Сасун.

Цовинар посоветовала сыновьям:

— Сыны мои! Просите у царя Черную гору, Чапахджур, Мараткаджур и Коде. Коли поклянется он вам хлебом, вином и вездесущим господом, то отдаст.

Санасар вновь предстал пред царем:

— Дедушка! Еще у нас есть просьба к тебе.

— Сын мой! Кроме души, чего ни попросишь — хлебом и вином клянусь, — отдам!

И отдал царь Гагик своим внукам Черную гору, Мараткаджур, Чапахджур и Коде. Цовинар-ханум и ее сыновья собрались и отправились в путь. Присоединился к ним и Кери-Торос. Впереди ехал Санасар. И вот взобрались они на гору и въехали в крепость Сасун.

...Могуч был Санасар.

От Черной горы до горы Цмакаки́т, от Муша до горы Сеханса́р, до берегов реки Мура́д — все объединил он под своей рукой, страну по имени своей крепости назвал — Сасун. И стал он царем сасунским.

Молва о Санасаре прошумела по всему свету.

Сила крылья славе дала,
Слава силу крыльям дала.

Уж Санасар дошел до Ангхадзоба́, до Батманского моста, до Мсыра.

Как прослышали о том чужеземцы, сказали друг дружке:

— Братцы! Чего мы тут сидим? Досидимся, пока лиходеи вконец разорят нас. Пойдемте в Сасун, право, пойдемте! Там властвуют Санасар с Багдасаром, два пахлевана могучих и справедливых. Там ни с кого не берут ни поборов, ни податей и никого не грабят.

С этими мыслями чужестранцы начали мало-помалу перебираться в Сасун.

Сасун разросся, стал большим, многолюдным.

Часть вторая

ДЕХЦУН-ЦАМ

О чем же мы теперь рассказ поведем?

Поведем мы рассказ о Медном городе и о дочери царя каджей — о красавице Дехцун-цам.

Слава Санасара и Багдасара все росла, разнеслась по всему свету и наконец дошла до Медного города, до дочери царя каджей, сорока-косой Дехцун-цам.

Налила девушка полный кувшинчик воды, яблочком его заткнула, потом взяла другой, пустой кувшинчик, тоже яблочком его заткнула и написала Санасару письмо:

*От дочери царя каджей, от Дехцун-цам Санасару душев-
ный привет.*

*Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кув-
шинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Гос-
подь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран
просили моей руки — я всем отказала. Тебя я увидела во
сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать?
Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай!
Если даже ты намылил себе голову, то брисься приезжай
сюда.*

Написала, начертила свой облик, рисунок вложила в письмо, двух девушек позвала, письмо с кувшинчиками привязала им к крыльям, молвила:

— Летите в Сасун, проберитесь через дымоход, бросьте письмо на постель к Санасару, а кувшинчики поставьте у него в изголовье.

Девушки-чаровницы преобразились в белых голубок, в Сасун прилетели, на кровлю спустились, заглянули в дымоход, видят: спит молодой парень, цветущий, румяный, такой румяный, что мог бы солнцу сказать: ты, мол, зайди, а я за тебя посвечу.

Девушки шепнули друг дружке:

— Это и есть Санасар!

Влетели в дымоход, бросили письмо на постель, кувшинчики в изголовье поставили и полетели назад, в Медный город.

Багдасар на рассвете проснулся, надел кафтан, смотрит: на постели у него письмо. Взял, раскрыл, прочитал:

От дочери царя каджей, от Дехцун-цан Санасару душевный привет.

Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кувшинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Господь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран просили моей руки — я всем отказала. Тебя я увидела во сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать? Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай! Если даже ты намылл себе голову, то бриться приезжай сюда.

— Ай-ай-ай! — сказал Багдасар. — Брат женится, не сказавшись мне, посватался без моего ведома, от меня таится, меня ни за что считает!..

Разгневался Багдасар, сел на постели, из комнаты не идет. Вдруг увидел он изображение девушки, увидел и обомлел; из носу кровь у него потекла, он упал без чувств, а когда наконец опамятовался, то сказал себе:

— Клянусь богом, не сяду я больше за его стол и не буду с ним есть. Вскочу на своего коня, в далекие края умчусь, без вести пропаду.

Сложил письмо, сунул за пазуху, в сердце затаил злобу. С Санасаром не разговаривает; тот его спрашивает — Багдасар не отвечает.

Санасар с матерью утром встали, скатерть постелили, сели за стол — Багдасар не идет.

Мать к нему пошла.

— Багдасар! Чего ты завтракать не идешь? Что с тобой? Уж не захворал ли ты?

Отвечал Багдасар:

— Если б не ты, моя мать, а кто другой эту дверь отворил и вошел, я разорвал бы его на куски.

— Да почему? — спросила Цовинар. — Что случилось, сынок?

— Черт бы меня, Багдасара, побрал!

Мать, сколько ни старалась, ничего у Багдасара не выпытала. И тут она вспомнила, что на берегу моря она выпила полную пригоршню чистой воды и неполную пригоршню мутноватой воды. «Верно, оттого, — подумала она, — Багдасар послабей брата будет и слегка взбалмошным уродился».

Вечером Санасар возвратился с охоты, поздоровался — брат не ответил. Санасар спросил:

— Братец! Чем ты недоволен?

— Или я тебя убью, или ты меня! — отвечал Багдасар.

— Почему? За что?

— Сам знаешь, за что!

— Ничего я не знаю. Скажи, так узнаю.

— Нет, — сказал Багдасар, — ты знаешь, только скрываешь от меня.

— Я ничего от тебя втайне не делал.

— Нет, делал! — крикнул Багдасар. — Мы должны биться. Или я паду, или ты.

Мать засмеялась:

— Санасар! Уведи брата в поле и поиграй с ним в войну, так у него злость и пройдет. Что-то парень, верно, слышал. А может, во сне ему что приснилось?

Санасар с Багдасаром выехали в поле, сошли с коней, схватились, и началось единоборство. До самого полудня кости друг другу ломали. Земля дрожала у них под ногами.

В полдень встревожилась мать:

— Что-нибудь случилось! Их нет как нет!

Пошла на поле битвы и как увидела сыновей, дыхание у нее захватило. От ужаса хлопнула она себя ладонями по коленям. Санасар бьет шутя, а Багдасар бьет изо всей силы-мочи. Мать громким голосом закричала:

Ветер, летящий с гор!
К Торосовым мчись дверям —
Пусть он во весь опор
Скачет к богатырям!

Еще час подождала мать, видит: Багдасар слабеет, еле стоит на ногах, но все еще яростно бьется.

А Цовинар плачет, зовет:

Ветер, о ветер морей!
К Торосу несись скорей —
Пусть он сюда летит,
Богатырей усмирит!

Санасар продолжал бить шутя. Багдасар бил изо всей мочи. Санасар спросил:

— Брат! Неужто ты бьешь изо всех сил, чтобы убить меня?

— Да, — пыхтя, отвечал Багдасар. — Либо я тебя нынче убью, либо ты меня.

Осердился тут Санасар, по лицу ударил Багдасара — тот без чувств грянулся оземь с коня. Санасар спешился, застонал:

— Пусть ослепнут мои глаза! Что я наделал! Не рассчитал своих сил — брата убил!

Подбежали мать и сын к Багдасару. Санасар взвалил его на плечи, принес домой, растер ему сердце, живот — очнулся Багдасар. И тут у него из-за пазухи выпало письмо. Санасар подобрал с полу письмо и прочел:

Юный Санасар! Сердце мое чисто, словно пустой кувшинчик, голова моя, словно полный кувшинчик, полна. Господь одарил меня щедро. Сорок женихов из сорока стран просили моей руки — я всем отказала. Тебя я увидела во сне, и ты пришелся мне по сердцу. Долго ли мне тебя ждать? Приезжай за мной! Как получишь мое письмо, приезжай! Если даже ты намылил себе голову, то бриться приезжай сюда.

Пока Санасар письмо читал, Багдасар снова лишился чувств. Санасар снова растер ему сердце, просил, умолял, в чувство привел, молвил:

— Брат мой родной! Так ты из-за этой бумажки со мной враждовал?

— Да, — отвечал Багдасар, — я потому с тобой враждовал, что о тебе идет слава, а обо мне нет. Дехцун-цам из Медного города тебе прислала привет, а мне не прислала.

— Брат мой единокровный! — воскликнул тут Санасар. — Из-за ее приветов ты так разгневался, что порешил убить брата. Коли так, Дехцун-цам мне не нужна — бери ее себе в жены.

— Брат! — сказал Багдасар. — Ты гордость моего сердца, ты корона и венец моей головы. Я не знал, что ты настолько сильнее меня телом и шире душой. Давай помиримся. Вперед поднять на тебя руку я буду почитать за грех. Я — младший твой брат, ты — старший мой брат. Впредь, что ни скажешь, послушаюсь и подчинюсь. Даю тебе полную волю: привози девушку и женись на ней.

Санасар поцеловал брата в голову и сказал:

— Девушка мне не нужна. Коли хочешь, поезжай и женись на ней.

— Нет, — возразил Багдасар. — Дехцун-цам письмо тебе писала, во сне тебя видала, она — твоя. Чего же ты ждешь? Собирайся в дорогу, садись на коня и поезжай с богом.

— Не хочу, — сказал Санасар, — Дехцун-цам — чародейка, она рассорила нас.

Багдасар опять рассердился:

— Говорят тебе, поезжай! Слава о нас до нее долетела, и она нам письмо написала. Если ты не поедешь, то это унижит нас. Люди скажут: не сумели мы увезти к себе девушку. Поезжай за ней. Чары ее на нас не подействуют, ведь мы рождены от моря.

Санасар пошел к Цовинар.

— Матушка! — сказал он. — Собери меня в дорогу, я в страну каджей еду за девушкой.

— Не ездь, сын мой, — сказала Цовинар-ханум, — ведь мы только недавно избавились от багдадского плена!

— Нет, — сказал Санасар, — поеду, пропадай моя голова!

Мать собрала его в путь-дорогу.

Санасар поцеловал матери руку, попрощался с ней, сел на коня.
— Багдасар, душа моя! — крикнул он брату. — Еду я за той де-
вушкой. Если вернусь, то не позже чем через три дня. Если же через
три дня не вернусь, стало быть, беда со мною стряслась — приезжай
выручать.

Друг дружку они снова простили, друг дружке добра пожелали,
перстнями обменялись. И Санасар тронулся в путь.

Долго ли, коротко ли, выехал Санасар из страны Сасунской и всту-
пил на землю каджей.

Среди долины текла многоводная река. Огромный лохматый урод —
одна нога на этом берегу, другая на том — припал к воде, и вся вода
вливалась к нему в глотку. Увидел он Санасара и завопил:

— Эй, проезжий! Ради бога, дай мне глоток воды, а то у меня
сердце в груди высохло от жажды.

Санасар обомлел.

— Ну и жадюга! — сказал он. — Вся вода в реке идет тебе в брю-
хо, из-за тебя высохли деревья, травы, цветы, а ты еще воды у меня
просишь.

— Лишнего не болтай, — сказал живоглот. — Дай мне капельку
водички, чтобы утолить жажду.

— Хочешь, я утолю твою жажду?

— Как не хотеть!

Санасар взмахнул мечом-молнией, снес живоглоту голову с плеч
и сказал:

— Больше тебе не будет хотеться пить.

Теперь путь для воды был открыт, река вновь начала орошать по-
ле, зазеленели деревья, зазеленели, ожили цветы, и все заговорило:

— Куда ни пойдешь, Санасар, пусть везде на твоём пути зеленеет
зелень!

Простился Санасар с деревьями, с цветами и поехал дальше.

На склоне Островой горы паслась отара овец. Стерег стадо
гороподобный исполин. То был пастух из Медного города, славный
пахлеван. Как завидел он Санасара, тотчас окликнул:

— Эй, удалый молодец, куда путь держишь?

— В Медный город, — отвечал Санасар.

— Слезай с коня. Я молока надою, напьюсь — поедешь дальше.

— Нет, — сказал Санасар, — я тороплюсь.

Пастух горой встал перед конем:

— Нет тебе проходу! Тем, кто не выпьет молока, проходу нет.

Санасар волей-неволей слез с коня, стал на колени.

У пастуха было огромное корыто, в нем четыре человека могли бы выкупаться. Пастух поставил перед Санасаром корыто, полное молока, дал ему хлеба, сказал:

— Кушай!

Не успел пастух обойти свое стадо, слышит — кричит ему Санасар:

— Эй, чабан, возьми свое корыто! Спасибо! Прощай!

Пришел пастух, видит: Санасар все молоко выпил, да еще и корыто перевернул. Чабан задрожал, догадался: «Стало быть, это и есть Санасар Сасунский».

— Счастливого пути, Санасар! — молвил пастух. — Поезжай и ничего не бойся! Куда бы ты ни направил путь, никто тебя не одолеет. Я всегда так испытываю проезжих, силу их узнаю. По этой дороге сорок пахлеванов проехало — сватать Дехцун-цам. Всех я угощал молоком из корыта. Никто из них корыта не опорожнил. Дехцун-цам всех их заколдовала, в белобородых стариков превратила. Ну, поезжай с богом! Супротив тебя ее чары бессильны.

Санасар поехал дальше, доскакал до Медного города, смотрит: у стены стоят сорок человек с желто-белыми бородами.

— Здравствуйте, седобородые пахлеваны! — воскликнул он.

— Добро пожаловать, удалый молодец! — отвечали они. — Завтра и ты станешь седобородым.

— Почему?

Один из старцев ему ответил:

— И мы были такими же юными удальцами, как ты. Приехали за этой девушкой, а у нее сердце — камень. И она погубила нас.

— Как же это случилось? — спросил Санасар.

— Она колдунья, — отвечали старцы, — и у нее птица есть. Завтра в полдень птица прилетит, сядет на стену, закричит — и ты постареешь, как мы.

А деревья шепнули ему:

— Санасар! Повороти коня и, пока не смеркнется, к городу не приближайся. Волшебная птица днем прилетит, а ночью не прилетит.

Санасар послушался их совета.

МЕДНЫЙ ГОРОД

Стемнело.

Санасар к городу поскакал. В городской стене ворот не оказалось. Санасар подобрал поводья, промолвил: «Хлеб, вино, вездесущий господь!» — припустил коня, одним прыжком перемахнул медную стену, в город вступил.

Долго кружил он по городу, наконец нашел постоянный двор. Содержал его седой армянин. Спросил Санасар:

— Сколько за постой возьмешь, дедушка?

— Сребреник за коня, полсребреника за человека.

— Я тебе, дедушка, дам два сребреника за коня и три за себя, только береги пуще глаза коня моего!

Привязал Санасар Джалали в стойле, пошел в пекарню, купил себе каравай, вернулся на постоянный двор, сел рядом со стариком, поел и сказал:

— Дедушка! Надо бы мне тебя расспросить. Можно?

— О чем, сынок?

— Как называется этот город?

— Медный город.

— У вашего царя есть дочь. Какова она собой?

— Какая бы она ни была, тебе-то что, сынок? — сказал старик.

— Да это я так, дедушка, из любопытства.

— Наша царевна — кодунья, сынок. Сколько царевичей приехало сватать ее — у всех она разум затмила, всех невесть куда угнала. Уж не за ней ли приехал и ты? Жаль мне тебя, мой сердечный. Коли ты за Дехцун-цам приехал, поезжай обратно, забудь про волшебницу. Многих она погубила.

— Нет, дедушка, не за ней я приехал. Какое мне до нее дело! Но,

дедушка, ради спасения души отца твоего, открой мне: в чем сила колдовских ее чар?

Подумал-подумал старик и ответил:

— Сила колдовских ее чар таится в алмазе, алмаз тот схоронен на дне морском, в пасти дракона. В священной книге сказано, что придет от огня и воды рожденный человек, сойдет в море, схватит огненный камень и на рассвете увидит ту девушку в ее горнице. Если он все это как должно исполнит, то ворожке Дехцун настанет конец. И он сумеет ее увести.

У Санасара глаза разгорелись.

— Дедушка! А что, если б ты указал мне ее палаты?

Старик испугался:

— Зачем тебе ее палаты, сыночек?

— Дедушка! Ради бога, покажи ее палаты пришельцу из стран далеких! Я погляжу, вернусь на родину и соотчичам расскажу: есть, мол, в мире и такой город.

Старик взошел с молодым на кровлю и показал пальцем:

— Во-он, видишь черные окна? Это башня царевны, это ее палаты. Окна черными занавесками завешены, чтобы девушка на улицу не выглянула, чтобы кто-нибудь с улицы ее не увидел.

— Дедушка! А что это за светильник горит наверху?

— Это золотое яблоко, лежит оно на верее дворцовых ворот. А на башенной кровле лежит палица. Кто яблоко схватит и спрячет за пазуху, кто палицу наземь метнет, кто камень из пасти дракона достанет, кто царя на бой вызовет и пахлеванов его одолеет, тот уведет девушку.

— Эх, дедушка, подвиги эти не по плечу мне! — сказал Санасар. — Я тебя расспросил единственно для того, чтобы рассказать у себя на родине про Медный город. Пойдем! Мне спать охота.

Оба спустились вниз, спать легли.

Старик уснул. А Санасару не спалось.

Встал Санасар, вышел наружу, сел на коня, выехал со двора. Ночь выдалась лунная, светло было как днем. Санасар помолился:

— Хлеб, вино, вездесущий господь! Ратный крест, что на моем правом плече, помоги мне!..

Поскакал он к дворцу, взбодрил коня, подпрыгнул до столба, яблоко золотое схватил и за пазуху сунул. Еще раз подпрыгнул, протянул руку к башенной кровле, схватил палицу и метнул ее наземь. Палица полчаса летела в воздухе, а потом на целый аршин в землю ушла. Санасар коня к морю погнал, на дно опустился. Дракон вытянул шею. Санасар ударил его палицей. Пошатнулся дракон, алмаз вылетел у него из пасти и упал далеко на берегу.

Дракон расвирепел, повернулся, море вздулось, над городом водяной смерч взметнулся и затопил его, словно ливень.

А Санасар возвратился на постоянный двор, лег, уснул и проспал до рассвета.

Утром горожане проснулись — глядь, окна у Дехцун-цам отворены, и оттуда свет идет.

Санасар поднялся на кровлю, смотрит: у окна девушка стоит. Увидел Санасар Дехцун-цам у нее в горнице, и тут настал конец ее вожбе. Спустился молодец с кровли, сказал старику:

— Дедушка! Ночью был сильный ветер, море взволновалось, черная туча надвинулась со стороны Сасуна, облегла все небо, пролилась ливнем и затопила Медный город.

На заре царские глашатаи зычными голосами кричали:

— Гей!.. Кто волшебный алмаз из пасти дракона достал? Кто яблоко золотое у царевны взял? Найдите, приведите — мы ему голову напрочь снесем!

Глашатаи ходили по всему городу, долго искали, но так и не нашли. Заглянули на постоянный двор. Спрашивают старика:

— Дедушка! Нет ли у тебя чужеземцев?

— Нынче ночью ко мне на постоянный двор заехал только вот этот юноша, — отвечал старик. — Как приехал, сейчас спать завалился и до сих пор еще спит. — Старик полюбил Санасара, а потому сказал: — Чужестранцев у меня нет.

Тут Санасар поднял голову и сказал:

— Эй, старина, как так нет чужестранцев? А я что, по-твоему, не чужестранец?

Старик осерчал.

— Молчи! — сказал он. — А то схватят тебя и убьют.

— За что? — спросил Санасар и обратился к глашатаям: — Я — чужестранец. Чего вам надобно?

Смотрят глашатаи: стоит перед ними пригожий юноша. Дрогнуло у них сердце, и сказали они:

— Парень! Жаль нам тебя. Ты к царю не ходи.

— А почему не ходить? Что с ним приключилось?

— Сынок! — отвечают глашатаи. — Ночью кто-то яблоко золотое у царевны похитил. По цареву указу тот, у кого яблоко найдут, должен биться. Коли победит — ничего ему не будет, коли не победит — не снести ему своей головы.

Санасар достал из-за пазухи золотое яблоко.

— Ступайте доложите царю: похититель яблока здесь, — сказал он.

— Ты — узник царя, — сказали глашатаи. — Идем!

— Ступайте к царю и передайте ему: я не для того прибыл сюда, чтобы стать узником вашего царя. Я пришел биться с царем.

Воротились глашатаи к царю и сказали:

— Похититель яблока здесь. Хочет биться с тобою.

Царь сказал:

— Он приехал за моею дочерью. Пусть предстанет пред мои царские очи. Погляжу я, каков человек, и отдам ему дочь.

Санасар явился к царю. Царь спросил:

— Это ты яблоко золотое снял со столба?

— Я снял, своими руками.

— Снял, а теперь изволь положить на место, только днем, чтобы я видел. Тогда я отдам за тебя свою дочь. А не изловчишься — голову с плеч долой.

Вскочил Санасар на Конька Джалали, взбодрил его, взял разбег, конь до столба допрыгнул, Санасар яблоко золотое на место положил, поворотил коня и к царю прискакал.

Царь сказал:

— Так-то оно так, но только ведь это не твоя заслуга, а твоего коня. Теперь, раз ты палицу наземь метнул, изволь на моих глазах забросить ее на кровлю. Тогда я отдам за тебя свою дочь. А не исхиришься — голову с плеч долой.

Санасар палицу взял, покрутил ею над головой, забросил на башню, и башня мигом обрушилась.

— Ну, парень! — воскликнул царь. — Да ты, как я погляжу, из

молодцов молодец! А все-таки я тебя еще разок испытаю. Есть у меня шестьдесят пахлеванов. Я их всех в цепи заковал и в темнице заключил, чтобы они жителей не обижали. Вот я их выпущу, а ты с ними дерись. Побьешь — отдам за тебя свою дочь, увози ее к себе.

Спросил Санасар:

— Ты выставишь против меня всех своих шестьдесят пахлеванов одновременно или поодиночке?

— Санасар! — молвил царь. — Если я всех шестьдесят пахлеванов выставлю одновременно, то от тебя останется мокрое место. Ты будешь драться каждый день с кем-нибудь одним.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — воскликнул Санасар. — Шестьдесят дней я здесь не пробуду. В запасе у меня только три дня. Выпусти их против меня всех сразу, поборемся, а там уж как бог даст.

— Ишь ты какой! — воскликнул царь. — Жаль мне тебя, молодец. Бейся лучше с каждым в отдельности, бейся шестьдесят дней подряд!

— Нет, государь, — отвечал Санасар, — я не могу у тебя шестьдесят дней пробыть. Выпусти против меня всех своих шестьдесят пахлеванов зараз!

Царь всех своих шестьдесят пахлеванов выпустил одновременно. Санасар сел на Конька Джалали, вынул меч-молнию и выехал в поле.

Пахлеваны, взревев ровно буйволы, двинулись на Санасара, съехались, сшиблись.

А Дехцун-цам стоит у окна и глядит.

Санасар врубился в их строй, направо и налево разит мечом. Не подступиться к нему. До вечера двадцать пахлеванов убил Санасар.

Пахлеваны бились и ночью. Говорили промеж собой:

— Нападем на него ночью и убьем. В темноте он нас не увидит. До утра Санасар еще десять пахлеванов убил. Бились с утра и до вечера. Еще десять пахлеванов убил Санасар. Осталось всего только двадцать.

Кругом мертвые тела лежат. Ноги у Санасара увязли в густой крови. Пахлеваны бродят вокруг да около, а ближе подойти не смеют. У Санасара затекла рука, разить он не в силах, только обороняется. Нет ни на чьей стороне перевеса.

Но возвратимся к Багдасару.

БРАТ ВЫРУЧАЕТ БРАТА

Встал Багдасар поутру, умывается, глядь — почернело кольцо, что дал ему в обмен Санасар.

— Горе мне, горе! — воскликнул он. — Брат мой в беде. Скорей выводите из стойла коня — я помчусь к брату на помощь.

— погоди, сынок, — молвила мать, — покушай перед дорогой.

Вывел Багдасар могучего коня, оседлал его, палицу взял, вскочил в седло, помолился богу, помчался. А поесть забыл.

Доскакал до высокой горы. Пастух-исполин преградил ему путь.

— Всадник! — сказал пастух. — Выпей молока, а потом можешь ехать.

— Э, да ты кто — сам сатана? Мой брат гибнет, а ты — «Выпей молока»? Нет, мне недосуг.

— Шалишь, брат, — молвил пастух. — Пока молока не выпьешь, я тебя не пропущу.

Багдасар видит, что пастуха не переупрямить, соскочил с коня, сел наземь. Пастух полное корыто молока надоил, подвинул к Багдасару, дал ему хлеба, а сам принялся обходить свою отару.

Семь раз обошел он ее; наконец Багдасар допил молоко, опрокинул корыто, позвал:

— Эй, пастух, возьми корыто, я уезжаю!

Пастух подошел к нему и сказал:

— Багдасар! Брат твой в семь раз сильнее тебя. Смотри ни в чем

ему не перечь. Ну, поезжай! Санасар сорок пахлеванов осилил, а двадцать осталось. Этих ты перебеешь, и вы вернетесь домой. Не бойтесь: таких двух братьев, как вы, никто на свете не победит.

Домчался Багдасар до стен Медного города, видит: стоят сорок стариков.

— Здравствуйте, краснобородые, белобородые, рыжебородые! — крикнул он им.

Самый из них древний поздоровался с Багдасаром.

— И ты, бедняга, угодил в силки к той девице, у которой не сердце в груди, а камень? — спросил он.

— Дедушка! — сказал Багдасар. — Не то вчера, не то позавчера тут один молодец проезжал, мой однолеток. Вы его, часом, не видели?

— Видели, — отвечал старик. — Не вчера, а позавчера проезжал тут один молодец. Был он сильнее, смелее тебя. Конь у него был как вихрь. Взвился и перемахнул через городскую стену. До нынешнего дня шум битвы к нам сюда долетал. А сегодня тихо. Нам неизвестно, что там случилось.

— Горе мне! Это мой брат! — вскричал Багдасар. — Если шум битвы не слышен — значит, убили его. Даю обет: Медный город разрушу, за брата отмщу!

Поскакал Багдасар. И чуть только замечал он вокруг какое движение, кто ни попадался ему навстречу, всех убивал — людей и животных. Хватил палицей по стене, стену свалил, в город ворвался. Прогнал под окном девицы, спросил:

— Девушка! Где идет битва?

Девушка узнала его, показала пальцем:

— Вон там идет битва.

Багдасар погнался коня, примчался на поле сражения, смотрит: Санасар и двадцать уцелевших пахлеванов стоят друг против друга. Веки у Санасара слиплись от крови, он слабо обороняется.

Багдасар ринулся в бой с другой стороны и давай пахлеванов крушить.

— Эй, Санасар, брат мой родной!.. — крикнул он.

Узнал Санасар голос брата и сказал себе: «Слава богу, помощник мой вовремя подоспел, теперь мне бояться нечего!» Да как крикнет:

— Эй, Багдасар! Брат мой родной! Неужто это ты?

— Да, это я! Стань им поперек дороги, а я двинусь к тебе навстречу и, пока доеду, всех уложу.

И вот наконец приблизился он к Санасару, вытащил его из моря крови, вымыл ему лицо. У Санасара открылись глаза.

— А где же враги? — спросил он. — Ведь их оставалось двадцать.

— Я их всех перебил, — отвечал Багдасар. — Я свою лепту внес.

Все шестьдесят пахлеванов полегли на поле сражения. Санасар с Багдасаром предстали перед отцом Дехцун.

Царь Медного города молвил:

— Ты, Санасар, из четырех испытаний вышел со славой: вырвал из пасти дракона алмаз, яблоко золотое снял со столба, палицу с башенной кровли наземь метнул, а затем вы вдвоем перебили шестьдесят моих пахлеванов. Осталось последнее испытание.

— Какое еще испытание?

— Теперь надлежит вам отправиться в город Зеленый.

— А что там такое?

— Там у родника сидит дракон, и город умирает от жажды. Убейте того дракона — тогда я свою дочь Санасару отдам.

Санасар с Багдасаром вскочили на коней. Сасунских храбрецов хлебом не корми — дай сразиться с врагом!

— Ау, Зеленый город! Где ты? Жди нас! Мы едем!

Ехали братья по безводной пустыне. Вечером достигли города, туда-сюда, наконец постучались в один дом.

— Кто там?

Вышла старуха.

— Мы, бабушка, чужеземцы. Пусти нас к себе.

— Почему не пустить, сынки? Гость — от бога.

Старуха распахнула дверь, впустила юношей в горницу, молвила:

— У меня-то у самой деток нет. Вот вы и будете мне вместо детей, а я вам вместо матери. Будем жить вместе, и господь нас не оставит.

После ужина Багдасар сказал:

— Бабушка! Мне пить хочется, дай мне глоточек водички.

— Ох-ох-ох! Нету у меня воды, — отвечала старуха.

— Как же так, бабушка?

— Утешный ты мой! Это не Зеленый город, а безводный, засушливый край. Только на вершине горы бьет родник. Да у того родника дракон сидит, припал к воде и не дает ей течь к городу. Раз в неделю мы приносим в жертву дракону девицу, чтоб он нам дал хоть немного воды, чтобы народ не вымер от жажды. У нашего царя есть красавица дочка. Завтра ее черед.

— Бабушка! — сказал Багдасар. — Неужели во всем вашем городе не найдется человека, который мог бы убить дракона?

— Что ты! — воскликнула старуха. — Его не убьешь. Сколько раз государь с войском ходил на него, да все без толку!

На зорьке старуха прислушалась и сказала:

— Слышите вопли? Знать, девицу к дракону ведут.

Братья на улицу бросились. Так и есть: красавицу девушку в черной одежде ведут на гору, а девушка плачет и рыдает. Вслед за ней идут женщины с кувшинами.

Братья тоже стали взбираться на гору. Влезли на самый верх — там должны были привязать девицу, — и тут Багдасар ей сказал:

— Девушка, ты не бойся! Стой здесь, а мы пойдем сразимся с драконом.

А девушка подумала: «Я убегу. Дракон этих двух молодцов проглотит, и я избавлюсь от смерти».

Жители Зеленого города смотрят: дракона еще нет, а девица бежит. Поймали ее, привязали.

Внезапно по горам прокатился гром. Смотрят сасунские удальцы — перед ними дракон ростом с буйвола, а длиною с пять буйволов. Он еще издали увидал смельчаков. Заместо одного целых трое к нему на съеденье явились! Обрадовался дракон, зубами заляскал, пасть разинул, хвостом покрутил, зашипел и к девице полез. Девица зубы стиснула, обомлела, горючие слезы брызнули у нее из глаз.

Сасунские удальцы кинулись на дракона. Санасар взмахнул мечом-молнией и отрубил дракону голову. Багдасар отрубил ему хвост. Затем оба подошли вплотную, мечи в бока дракону всадили и убили его. Багдасар девушку отвязал, молвил:

— Девушка, иди домой!

Дракон издох. И вновь забил родник, полилась вода, и все текла и текла, люди брали ее кто сколько хотел. Весь город вдосталь наполнился.

Царь Зеленого города сасунских пахлеванов позвал к себе, молвил:

— Просите у меня все, что хотите!

— А мы ничего не хотим, — отвечал Багдасар. — Отдай нам только девушку, которую мы от смерти спасли.

— Девушка, которую вы от смерти спасли, ваша по праву, Багдасар. А еще чего вы хотите?

Багдасар повторил три раза:

— Мы хотим спасенную девушку.

Царь обрадовался:

— Девушка, вами спасенная, по праву твоя, Багдасар-молодец! Я поженю вас.

— Я пока еще не могу жениться, — возразил Багдасар. — Дело за старшим братом.

Сасунские удалыцы в Медный город поехали, чтобы силой увезти Дехцун-цям в Сасун. Злы они были на ее отца за все его козни.

Царь каджей сказал:

— Знаешь что, Санасар? Дехцун выехала из города, заперлась в своем замке. Если сможешь, уведи ее.

Санасар тот же час выехал из города. Вдали, на скале, увидел он белый замок.

«Верно, это и есть замок Дехцун», — подумал он, погнал коня к тому замку и осадил его у ворот. Тяжелые ворота были заперты. Санасар постучал: зынг, зынг, зынг! Крикнул:

— Откройте! А не то и ворота и кровля вам на голову упадут.

Дехцун выглянула в окно, золотые башмачки обула, побежала встречать Санасара, отворила калитку.

— Как я рада тебе, мой повелитель! — сказала она.

Санасар соскочил с коня, и они, обнявшись, направились к замку.

— Любимый мой Санасар! — снова заговорила Дехцун. — С хорошей ли вестью ко мне ты приехал?

— Я хочу на тебе жениться.

— В добрый час! Где я еще найду такого, как ты, молодца?

А уж красива была Дехцун — в семь раз прекраснее той, что явилась во сне Санасару! Поменялись они кольцами, и сказала Дехцунцам жениху:

— Мне так тебя жаль, Санасар, что ты, такой молодой, скитаешься ради меня по горам и ущельям!

Санасар возмутился:

— Да чего меня жалеть?

— Оттого я жалею тебя, — отвечала Дехцун, — что тебя могут убить. Это заклятый край. Тут деревья, кусты, камни крикнут: «Увез! Увез! Санасар увез Дехцун-цам!» Мы уедем с тобою ночью, тайком, когда весь город будет спать. Коли город проснется, то увозом тебе не жениться.

— Я ничего не боюсь, — объявил Санасар. — Я увезу тебя днем. Да что там говорить! Пойдешь за меня замуж — садись на коня, а не пойдешь — мигом поворочу и уеду в Сасун.

— Как же мне за тебя не пойти, мой повелитель? — сказала Дехцун. — Только у меня и свету в оконце, что ты, только тобой я и живу, одного тебя и люблю. Что ж, по-твоему, я вызвала тебя из Сасуна, чтобы отказаться ехать с тобой?

С этими словами вспрыгнула Дехцун на коня. Санасар дернул поводья и поскакал. Что бы ни встретилось ему по пути — куст ли, камень ли, зверь, — со всеми здоровался Санасар. И никто не выдал его, никто не проронил ни звука. Все помнили, что Санасар умертвил ненасытное чудище, освободил воду и вода хлынула на поля.

Вдруг видит Санасар: отвратительная птица летит. Санасар с нею не поздоровался. Птица вскрикнула, хотела Санасара в старика обратиться. Чары ее на него не подействовали. Тогда птица в поднебесье взвилась, громким голосом закричала:

— Увез, увез! Сасунский удалец Санасар увез царевну Медного города!

Крик злой птицы донесся до Медного города. Люди проснулись, стали друг дружку скликать, вскочили на коней, погнались за Санасаром. Песку морскому есть счет, звездам небесным есть счет, травам полевым есть счет, всадникам Медного города не было счету.

Санасар отвез девушку на высокую гору, в укромное место, а сам помчался навстречу всадникам, меч-молнию выхватил, молвил:

Хлеб, вино и ты, вездесущий господь,
Ратный крест, что на правом моем плече!
Помогите врагов одолеть, побороть!..

С этими словами ударил Санасар на всадников, стал их крушить и крошить — мертвые тела циновкой расстелились вокруг него. Немного спустя поглядел: одни от него к городу мчатся, другие со стороны города к нему летят. Что за притча! Ба, да ведь это удалой Багдасар стремится на помощь к своему брату и по дороге убивает врагов!

Багдасару издали видно: белый всадник, весь в крови, одну за другой головы сносит.

Багдасар подумал: «Верно, это он убил моего брата». Приблизился — и ударил Санасара палицей в грудь. Санасар откинулся, но тут же снова укрепился в седле. Удалец еще раз ударил палицей брата. И опять Санасар выпрямился, укрепился в седле и запел:

Хлеб, вино, вездесущий господь!
Узнаю страшной силы удар:
Это бьет удалец Багдасар.

Тут только Багдасар узнал брата, сказал:

— Брат! Ты весь в крови! Вот почему я так долго не узнавал тебя. Ты с добычей или с пустыми руками?

Отвечал Санасар:

— Я дочку Медного царя привез. Вон она там, на высокой горе.

Повлек он Багдасара к девице и издали подал ей знак, чтобы она его брату руку поцеловала. Дехцун приблизилась к Багдасару и поцеловала ему руку. Багдасар обрадовался, девушку похвалил, сказал:

— Невестушка! Выстирай одежду моего брата, — она вся в крови. А я поеду добивать вражье войско.

Взял он палицу и копьё, напал на всадников — и давай крушить и крошить! Уцелели те, кто дома сидел. Некому было недобрую весть принести в Медный город.

Царь каджей прибыл на поле брани.

— Эй, сасунские удалыцы! — крикнул он. — Полно вам убивать моих верноподданных! Чего ни запросите, все вам отдам. Дочь мою хотите — отдам, вместе с царством отдам.

— Мы хотим твою дочь, а царство оставь себе, — сказали Санасар с Багдасаром.

«ДЕХЦУН-ЦАМ ДОСТОЙНА ТЕБЯ»

Санасар и Багдасар взяли девицу с собой и поехали к сорока старцам.

— Девушка Дехцун! — сказал Санасар. — Эти сорок человек приехали сватать тебя. Ты их заколдовала, в дряхлых стариков превратила. Вот теперь ты их и расколдуй, верни им тот возраст, в каком они сюда прибыли.

Дехцун-цам ему на это ответила так:

— Да, они приехали сюда за мною. Но если я молодость им возвращу, они вызовут вас на бой. Лучше едем скорее к вам!

— Нет, так не годится, — сказал Санасар.

Дехцун покликнула свою птицу. Птица прилетела, опустилась на городскую стену, запела — и к людям вернулась молодость.

— Добро! — сказал Санасар, приблизился к пахлеванам и такую речь с ними повел: — Юные удалцы! Вы все явились сюда за девицей. Но вам надлежало вступить в бой и с боем взять ее. Мы, два брата, бились, врагов одолели и только после этого взяли девицу и сюда привезли. Теперь вы вновь обрели силу и молодость. Девушка пусть отойдет в сторонку, а мы с вами будем здесь биться. Коли вы возьмете верх над нами обоими, девушка достанется вам, а если мы вас поборем, нам достанется девушка.

Пахлеваны в один голос заговорили:

— Эй, Санасар, эй, Багдасар! Вы из беды нас выручили, молодость нам вернули, так разве же станем мы с вами сражаться? Это была бы черная неблагодарность. Нет, братья, сражаться мы с вами не будем. Отпустите нас с миром — мы поедем в родные края.

— Чужеземные братья! — сказал Санасар. — Так, значит, вы согласны, чтобы я женился на этой девушке и пополам с ней делил и горе и радость?

— Женись и будь с нею счастлив! — сказали они. — Мы тебя поздравляем. Дехцун-цам достойна тебя, Санасар!

Распрощались тут с братьями все сорок пахлеванов и разъехались по домам.

Санасар сказал брату:

— Хочешь, бери себе Дехцун-цам?

А Багдасар ему на это ответил:

— Что ты говоришь, братец! Дехцун тебе писала письмо, тебе призналась в любви! Ты за нее сражался. Дехцун-цам твоя, бери ее себе в жены! Где ж это видано, где ж это слыхано, чтобы брат у брата невесту отбивал? Притом у меня ведь тоже невеста есть — та девица, которую мы от дракона спасли.

Тут братья расцеловались, сели на коней и вместе с сорококозой девицей направили путь в Сасун.

Долго ли, коротко ли, смотрят: едет кто-то на сивом коне. Всадник тот издали крикнул им:

— Эй вы, шелудивые псы! Эта гурия, эта пери создана для меня. Куда вы ее везете?

— Брат! — сказал Санасар Багдасару. — Подержи моего коня, а я пойду с ним потолкую.

Разгневался Багдасар:

— Да что же это? Каждый раз ты идешь в бой. Нет уж, на этот раз пойду я.

Санасар рассмеялся:

— Да иди, иди! Чего ж ты так кипятишься?

Багдасар погнал коня навстречу незнакомцу. Слово за слово — прыгнули оба с коней, сцепились. Багдасар разъярился, схватил незнакомца и на обе лопатки его положил. А тот распахнул ворот, грудь обнажил, молвил:

— Багдасар! Я — твоя невеста, Луснѳаг. А девушка, которую брат твой везет, это моя сестра Дехцун-цам. Я из-за нее семь лет назад убежала из дому и, как разбойник, все бродила по горам и ущельям. Сестра моя колдовала, молодых людей губила. Невмоготу мне было

на это смотреть. Вот и пришла я в Зеленый город, и царь меня приютил. А как услышала я, что вы рассеяли чары Дехцун и что Санасар увозит ее, я, с тобой обрученная, примчалась к тебе.

И вот сели они вчетвером на коней и двинулись по дороге в Сасун.

Повстречался им молодец из Сасуна, и они его послали вперед, чтобы оповестил он Цовинар-ханум, что едут Санасар с Багдасаром и везут из Медного города сорокакошую Дехцун и сестру ее Луснтаг.

Цовинар-ханум собрала сорок пар труб и сорок пар бубнов, призвала сорок гусанов с бамбирами¹, призвала сорок священников, сорок архимандритов и всех жителей Сасуна пригласила на свадьбу.

Дехцун-цам обвенчали с Санасаром.

Луснтаг — с Багдасаром.

Сорок дней и сорок ночей свадьбу играли, пировали и веселились.

Прошло некоторое время.

Как-то раз удалец Багдасар ни с того ни с сего разгневался, взял жену свою и ушел с ней в Иран-Туран.

И родилось у них там два мальчика.

Санасару Дехцун-цам родила трех сыновей: Верго́, Ога́на и Мге́ра.

Верго уродился никудышным, да к тому же еще трусишкой, и прозвали его Пачкун Верго.

Оган был умница, грамотей; голос у него был красивый и такой громкий, что, когда он кричал, голос его сорокадневный путь пролетал. Семью буйволиными шкурами обматывал он себя, чтобы не лопнуть от крика. Его прозвали Горлан Оган.

А Мгер был сильнее и даровитее всех.

Настал день смерти Санасара. Созвал он своих сыновей и сказал:

— Дети мои! Пришел мой конец. Вот вам мое завещание: правьте так, чтобы Сасун благоденствовал. Слушайтесь мать, Джалали берегите как зеницу ока. Не будьте коварны в борьбе с врагом — бейтесь так, как пристало сасунским удалцам.

Умер Санасар.

Цовинар-ханум и другие тоже скончались.

Пришло время Мгера.

---

¹ Б а м б и р — щипковый музыкальный инструмент.

Ветвь вторая

МГЕР СТАРШИЙ

В пусть будет добром помянут Львораздиратель Мгер!
Пусть будут добром помянуты вещи' Керн-Торос
И Дехцун-цам-красавица с льющимся золотом кос!
Пусть будет добром помянут мудрый' Горлан Оган!
Мы добрым словом помянем чистую Армаган!
Недобрым... нет, добрым словом помянем Исмил-хатун!

С ЖЕРЕБЕНКОМ НА ПЛЕЧЕ

Когда Санасар скончался, звезда халифа багдадского уже затмилась. Взошла звезда другого могучего царя. Правил он городом Мсыром. И звали его Мсра-Мелик.

То был уродливый великан, тучный, заплывший жиром, так что веки свисали ему на щеки. Мсра-Мелик укреплял их железными зубьями и связывал на лбу, иначе он ничего не видел.

Как скоро узнал Мсра-Мелик о кончине Санасара, то собрал войско и пошел войной на Сасунское царство.

Где твоя былая сила, Сасун?.. Нет у тебя вождя, некому за тебя постоять!

Богатырь Санасар приказал долго жить; сорвиголова Багдасар покинул отчизну; Дехцун-цям — женщина, мать троих детей, колдовство свое она давно бросила. У кого достанет сил поднять палицу Сасунского царства? Кто дерзнет взять в руки меч-молнию?..

Попытался Верго поднять отцову палицу — даже с места не сдвинул, надорвался, нажил себе грыжу. Оган был мал, Мгер еще моложе, от Мсра-Мелика его скрывали. Конька Джалали привязали в темной конюшне, землей завалили окошко и дверь.

Остался Сасун без хозяина, без заступника.

Мсра-Мелик без боя занял Сасун, данью его обложил, объявил:

Каждый год доставляйте мне много добра:
Сорок полных-преполных вьюков серебра,
Сорок золотом чистым набитых вьюков,
Сорок дойных коров, сорок добрых быков,
Сорок женщин высоких — верблюдов грузить,
Сорок ростом помене — чтоб жернов крутить,
Сорок дев, чтоб натешился ими я всласть,
Сорок телок и сорок коней — чтоб под масть!

Наложил эту дань Мсра-Мелик на Сасунское царство и вместе с войском воротился к себе в Мсыр.

Была Армения данницей арабского халифа, стала Армения данницей Мсра-Мелика.

Прошло некоторое время.

Однажды Кери-Торос созвал сасунских князей на совет и с такою речью к ним обратился:

— Правитель Сасунского царства должен быть из рода Санасара. Что скажут его дети?

Горлан Оган молвил:

— Верго! Ты старший брат, тебе и надлежит править.

— Не могу, — отвечал Верго. — У меня грыжа.

— Так кто же тогда будет править? — спросил Кери-Торос. — Оган и Мгер еще малы.

Судили-рядили, наконец Кери-Торос молвил:

— Пока подрастут ребятишки, пусть правит Дехцун-цям.

Дехцун-цям вывела из стойла Конька Джалали, набросила на него седло перламутровое, надела стальную уздечку, сама облеклась в Санасаровы доспехи, взяла меч-молнию, заградилась щитом и села в седло — хотелось ей по Сасунским горам поездить, государство Сасунское своими глазами увидеть.

Весь город вышел поглядеть на сасунскую царицу: ведь она после смерти Санасара еще ни разу солнца не видела, на глаза народу не показывалась.

Поздоровалась она с народом, припустила коня и ускакала.

Долго ли, коротко ли, достигла она того самого Молочного родника, из которого некогда пили Санасар с Багдасаром.

Тут сошла она с коня и уздечку сняла, чтобы конь пасся на воле. Сама села у родника, попила-поела, Джалали напоила, а потом растянулась на зеленой траве и уснула. И она и Конек Джалали были изнурены, от обоих остались кожа да кости.

Проснулась Дехцун-цам, смотрит: и она и конек поправились, раздобрели, вновь в силу вошли. Диву далась Дехцун-цам. Помчалась домой, рассказала домашним про чудо.

— А что же тут удивительного? — молвил Кери-Торос. — Ведь Санасар с Багдасаром богатырскую свою мощь от этого самого родника получили. Он упоминается в священных сасунских книгах.

Минуло Мгеру семь лет. Росту он был семь кангунов¹.

Мать учиться его отдала. Мгер быстро всему обучился, понаторел в разных науках.

И вот однажды обратился он к Дехцун-цам с такою речью:

— Матушка! Что же мне, в недорослях век вековать? Дозволь мне сесть на коня, погарцевать, погулять по горам и ущельям, поохотиться, стать настоящим мужчиной, на людей посмотреть и себя показать!

— Дитя мое! — молвила мать. — Ты еще мал, это тебе не по силам. Потерпи. Вырастешь — тогда и делай что хочешь.

— Нет, матушка, — возразил Мгер. — Нет у нас в доме мужчины. На нас могут дэвы напасть, дом наш дотла разорить. Мне надобно упражняться, готовиться к встрече с врагом.

Поняла Дехцун-цам, что не переспорить ей сына.

— Иди, сынок! — сказала она.

Взял Мгер стрелы и лук, пошел в горы охотиться.

И пристрастился он с того дня к охоте. Ходил пешком — коня у него не было.

Однажды он долго гонял за лисицами, совсем из сил выбился, запыхался, но так и не поймал ни одной. Вечером, усталый, сердитый, вернулся домой и зашвырнул лук.

— Что ты такой сердитый, мой мальчик? — спросил Кери-Торос.

---

¹ Кангун — мера длины, равная примерно пятидесяти сантиметрам, соответствует древнерусскому «локтю».

— Ах, дядя! — отвечал ему Мгер. — Чтоб этим лисицам подохнуть! Убегают они от меня. Вымотали мне всю душу.

Мгер к тому времени растолстел и бегал с трудом, ногами в земле увязал.

— Чудной ты парень! — воскликнул Кери-Торос. — Сумасброд ты сасунский! Да разве человеку угнаться за зверем пешком?

— А что же мне делать, дядя?

— В городе Битлисе у тебя есть дядя, князь Горгик, — отвечал Кери-Торос. — У него сорок коней. Пойди и доброго коня у него возьми — его от этого не убудет. Сядешь на коня и поедешь на охоту.

Утром, чуть свет, Мгер объявил матери:

— Матушка! Дай мне хлеба — я в Битлис иду.

Взял два хлебца, за пояс их заложил, взял дубину и пошел путем-дорогой.

— Битлис! Где ты? Я к тебе спешу!..

И вот вступил он на окраину города Битлиса.

На улице детишки играли. Смотрят: идет великан с целым бревном на плече.

— Ну и ну! — сказали ребятишки. — В первый раз видим такого человека! С бревном на плече идет!

Мгер подошел к ним, спросил:

— Эй, ребята! Где дом князя Горгика?

Дети обступили его.

— Мы тебя проводим, — сказали они.

И довели до места.

Мгер дубину свою приставил к стене и вошел. Князь Горгик вел беседу со своими друзьями-князьями. Мгер отвесил поклон. Князь Горгик и внимания не обратил на него. Он сидел выше всех. «Уж верно, это мой дядя и есть», — подумалось Мгеру. Подошел он к князю, взял его за руку, стиснул слегка, а князю Горгику показалось, будто рука у него сломалась в семи местах. Подивился Горгик, спросил:

— Откуда ты, здоровяк?

— Я твоей сестры сын, — отвечал Мгер.

— А кто твой отец?

— Санасар.

— Ах, вот ты кто! Милости просим, милости просим!

Дядя подобрел, после того как восчувствовал Мгерову силу. Мгер присел отдохнуть. Принесли ему угощение, а когда он поел, обратился к нему дядя с вопросом:

— Как тебя звать?

— Мгер.

— Мальчик мой Мгер! Зачем же ты ко мне пожаловал?

— Дядя! — отвечал ему Мгер. — Я до того растолстел, что не могу догнать зверей на охоте, — уходят, убегают они от меня. Я пришел доброго коня у тебя попросить.

— Одного коня мало, — сказал князь Горгик. — Я тебе десять коней подарю.

Утром после завтрака дядя сказал:

— Иди, Мгер, в конюшню. Там привязаны сорок коней. Какой из них придется тебе по нраву, того бери и седлай!

— А ведь отец ему оставил Конька Джалали, — сказал один из гостей.

— Конька Джалали он должен еще заслужить, — отвечал Горгик.

Пошел Мгер в конюшню. Там были привязаны сорок коней: двадцать в одном ряду, двадцать в другом. Какому коню Мгер ни положит на спину руку, всяк пригибается, брюхом к земле припадает.

Все сорок коней Мгер испытал и сказал:

— Ай, пусть они все подохнут!.. Ни один мне не подходит. Кому ни положу руку на спину, всяк сгибается, брюхом к земле припадает. Ни один из них меня не выдержит.

Совсем уж было собрался уходить Мгер, как вдруг видит — лохматый жеребенок-двухлетка прыгает, носится из конца в конец конюшни.

«Раз нет здесь подходящего для меня скакуна, — сказал себе Мгер, — ударю-ка я этого кулаком по хребту. Околет паршивый жеребенок, тогда я и уйду».

Как треснет Мгер жеребенка по спине кулаком — жеребенок взвился, десять коней покалечил, копытом ударил о каменную стену, аж искры посыпались. «Если уж подымет меня конь, так только этот, — подумал Мгер, — а больше никакому коню меня не поднять! Я свою силу знаю. От моего кулака он непременно должен был сдохнуть. Отдаст мне князь Горгик жеребенка — возьму, не отдаст — уйду ни с чем».

Вернулся Мгер в княжеские хоромы, присел, поник головой.

— Что, Мгер? — обратился к нему князь Горгик. — Выбрал ты себе коня?

— Дядя! — молвил Мгер. — Пусть все сорок коней остаются у тебя. Рука у меня не поднимается, чтобы увести у тебя хотя одного. Подари мне только лохматого жеребенка, что резвится в твоей конюшне.

— Мальчик мой Мгер! — молвил дядя. — Мне будет стыдно людям в глаза смотреть! Я ведь не кто-нибудь, а князь Горгик! Негоже мне дарить тебе невзрачного жеребенка. Что скажут люди? «Мгер за конем к князю пришел, а князь пожалел для него доброго коня».

Мгер стоял на своем:

— Дядя! Мне понравился тот жеребенок. Только он и пришелся мне по душе. Отдашь мне его — возьму, не отдашь — уйду в Сасун без коня.

— Дело твое, мальчик, — рассудил князь Горгик. — Коли хочешь, бери жеребенка!

Вывел Мгер жеребенка из стойла, попросил веревку — дали ему веревку. Мгер жеребенку ноги спутал, дубину свою продел ему между ног, самого жеребенка взвалил себе на плечо, сказал:

— Прощай, дядя! Дай бог тебе счастья!

Попрощался и тронулся в путь.

Битлисская детвора бежала за Мгером, улюлюкала ему вслед, смеялась: вот, мол, дурак, коня на себе несет!

А Мгер как будто не слышит.

Дошел он наконец до Сасуна. Смотрит Кери-Торос — идет Мгер, а на плече у него дрянной жеребенок.

— Мальчик мой! — молвил Кери-Торос. — Зачем ты этого жеребенка притащил? Что ж, князь Горгик не мог тебе доброго коня подарить?

— Кери-Торос! — молвил Мгер. — У князя Горгика сорок коней, да вот беда: клячи они, а не кони. Какому ни дашь кулаком по спине, все поджимаются и брюхом к земле припадают. Только этот жеребенок мне и подходит.

— Что же это за особенный жеребенок?

— Ой, Кери-Торос, ты не знаешь, что это за жеребенок! Как хва-

тил я его кулаком по спине — взвился жеребенок, десять коней покалечил, копытом ударил о каменную стену, аж искры посыпались.

— Эге-ге, мальчик! — воскликнул Кери-Торос. — Этот жеребенок не от простого коня. Видать, он из породы Конька Джалали. Дай-ка я его выхолю, а через три года ты на него сядешь.

Спустя три года Мгер сел на коня. Весь Сасун объехал верхом. Сколько оленей и прочих зверей ни встречал, всех убивал, в Сасун привозил, мясо жителям раздавал.

Семь лет он Сасун своею добычей кормил.

ЛЬВОРАЗДИРАТЕЛЬ МГЕР

В Сасуне хлеб вздорожал. Народ умирал с голоду. Горожане к Мгеру пришли, остановились у ворот, сказали:

— Мгер! Мы умираем с голоду. Ради бога, окажи нам помощь! На небе нет у нас никого, кроме бога, на земле — никого, кроме тебя.

— Не знаю, как быть, — молвил Мгер. — Пойду поговорю с Кери-Торосом. Посмотрим, что он скажет, почему такая дороговизна.

Позвал Мгер Кери-Тороса.

— Дядя! — сказал он. — В Сасуне нет хлеба.

— Что ж я тут могу поделать, мой мальчик? — отвечал Кери-Торос. — В моих амбарах пусто. Может, ваши амбары еще не совсем опустели?

— У нас тоже нет хлеба. Народ с голоду мрет. Дядя! Почему у нас голод? Градом ли побило хлеба, засуха ли их сожгла, ветер ли зерна унес?

— Нет, — отвечал дядя. — Мы, сасунцы, не пашем и не сеем. Мы разводим ослов, мулов и коз и пасем их на пастбищах. Хлеб нам доставляли Шам и Алеп.

— Почему же теперь не доставляют?

— В горах объявился лев-людоед, никому от него ни проходу, ни проезду. Вот уж три года, как никто от нас не едет в Шам и Алеп, а оттуда никто не едет в Сасун. Льва бояться: бросается на людей и раздирает их в клочья. Вот почему такая дороговизна в наших краях.

— А что такое лев-людоед? — спросил Мгер.

— Это зверь такой. Его называют царем зверей.

— Что же он, издали людей ест или когда подойдешь?

— Когда подойдешь, тогда и съест.

— Клянись хлебом, вином и господом вездесущим, утром я выйду на льва! — объявил Мгер.

— Не ходи, Мгер, разорвет!

— Нет, я буду биться со львом!

На зорьке все, кто только мог взобраться на коней, вслед за Мгером направились к логову льва.

И вот появился лев. Хвостом бьет по земле, пыль и мгу поднимает. Подошел, стал перед Мгером и его войском и так зарычал, что эхо от его рыка по горам и дол... прокатилось.

— Хлеб, вино, вездесущий господь! — вскричал Мгер. — Если кто ударит льва мечом или палицей, я льва не трону, а того человека убью. Меня мать родила, льва тоже мать родила. Нет у льва ни оружия, ни доспехов, — стало быть, и мне следует оружие и доспехи наземь сложить и вступить в бой безоружным.

Побросал Мгер оружие и доспехи наземь, рукава засучил, хлеб и вино помянул, бросился на льва. Сцепились Мгер и лев. Мгер льва одной рукой за верхнюю челюсть ухватил, а другой рукой за нижнюю, пополам льва разорвал, одну часть налево швырнул, а другую направо.

Весть о том долетела до Дехцун-цам.

— Радуйся, — сказали ей, — твой Мгер убил льва.

Дали Мгеру грозное прозвище — Львораздиратель Мгер.

Вернулся Мгер вместе со всеми в Сасун.

Собрались сасунцы, пришли к Мгеру, сказали:

— Львораздиратель Мгер! Теперь ты наш царь. Правь Сасуном. Дехцун-цам поцеловала сына, достала оружие и доспехи сасунского царствующего дома, Мгеру все отдала и сказала:

— Ты — опора Сасунского царства. Для кого же мне это теперь хранить?

Мгер облекся в доспехи отца.

Бархатный надел он кафтан,
Серебряным поясом обвил стан,
Натянул и обул два стальных сапожка,
Вывел во двор Джалали-Конька,
Седлом перламутровым его оседлал,
Уздой золотою его взнуздал.
Только взялся он за молнию-меч —
Глядь: Ратный крест у него оплечь.

Сел Мгер на коня и умчался в горы Сасунские — погулять и царство свое своими глазами увидеть.

Враги признали себя побежденными и покинули горы Сасунские. Был теперь у Сасуна вождь и заступник.

АРМАГАН

Мгер, вождь и заступник Сасуна, был холост.

Однажды Кери-Торос и другие князья пришли к Дехцун-цам и сказали:

— Дехцун-хатун! Сын Санасара вырос, надо его женить.

А Дехцун-цам им в ответ:

— Я сама об этом подумываю. Сыщите для моего Мгера невесту. Хоть горожанку, хоть поселянку — лишь бы была хорошая девушка.

Стали князья совещаться: чья дочь достойна Мгера?

Наконец Кери-Торос сказал:

— Поедем в Маназкерт! У царя Теватороса славная дочь, зовут ее Армаган. Высватаем ее Мгеру.

Сваты Кери-Торос и Горлан Оган выбрали себе в спутники кого поудалей, сели на коней, поехали в Маназкертскую крепость, остановились у ворот, спросили:

— Царь Теваторос дома?

— Нет, — сказали им. — Теваторос уехал в город Ван.

Припустили сваты коней, к завтраку прибыли в Ван.

— Царь Теваторос здесь?

— Нет, — сказали им, — он крепость заложил, позавтракал и уехал в Арзрум.

Помчались сваты в Арзрум, спросили:

— Царь Теваторос здесь?

— Он был здесь, — сказали им, — крепость заложил, пообедал и уехал в Карс.

Понеслись сваты в Карс, спросили:

— Царь Теваторос здесь?

— Нет, — сказали им, — он крепость заложил, поужинал и отбыл в Маназкерт.

Царя Теватороса уведомили, что к нему едут в гости Кери-Торос и Горлан Оган с удальцами.

Теваторос выслал им навстречу гонца и отвел для гостей покои: один для князей, другой для удальцов.

Когда гости насытились, царь обратился к ним:

— Добро пожаловать, Кери-Торос, и ты, Оган! Что привело вас ко мне?

— Много лет тебе здравствовать, царь! — молвил Кери-Торос. — Мы хотим с тобой породниться.

— Как — породниться?

— Отдай свою дочь Армаган за нашего Мгера.

— За Мгера? Я о нем слышал! Чей же он сын?

— Сын Санасара, брат Огана.

— Кери-Торос! — молвил царь. — Вы приехали ко мне и тем ока-

зали мне честь, а честь выше мощи, и я отдал бы дочь свою в жены Мгеру, но вот уже семь лет, как томится она в полону у хлатского царя Белого Дэва. Пусть Мгер вызволит мою Армаган из плена и возьмет ее в жены — это будет ему награда!

Пусть царь Теваторос продолжает беседовать со сватами, а мы тем временем рассказ поведем про Белого Дэва.

Царь Хлата Белый Дэв, прослышав о том, что слава Мгера облетела все концы света, сказал:

— Не сегодня, так завтра сасунский удалец на меня нападет, Хлат у меня отберет.

Сел, письмо написал, вручил его пахлевану Ками, приказал:

— Мчи в Сасун, передай Мгеру.

Ками взял письмо и помчался.

В тот день Мгер охотился в горах. Пахлеван Ками разыскал его и сказал:

— Здравствуй, Мгер! Стало быть, ты так повзрослел, что охотишься в горах? Но да будет тебе известно, что Белый Дэв вызывает тебя на бой!

С последним словом он вручил Мгеру письмо. В письме было написано:

Мгер! Приходи и в бой со мною вступи, не то я Сасун разрушу, а твой народ в плен угоню.

Прочитал письмо Мгер и сказал:

— Добро! Иди скажи Белому Дэву: пусть, мол, готовится к бою, я скоро к вам буду.

Пахлеван Ками сказал:

— Мгер! Есть у меня просьба к тебе. Обещай, что исполнишь!

— Мое слово свято, — сказал ему Мгер. — Вы — дэвы, а мы — сасунские удалцы, пахлеваны. Мы свое слово держим. Поведай мне просьбу.

— Мы ненавидим Белого Дэва. Приди и убей его, сними с нас гнет.

— Даю слово.

Мгер вернулся домой, поцеловал матери руку.

— Матушка! — сказал он. — Белый Дэв письмо мне прислал: на битву меня вызывает. Благослови меня на ратный подвиг.

— Сыночек ты мой ненаглядный! — молвила Дехцун-цам. — Ты еще молод, куда тебе сражаться с Белым Дэвом? Он изо всех земных царей самый сильный. Для меча он неуязвим. Обожди немного. Подрас-тешь, тогда и сражайся с Дэвом.

— Нет, — сказал Мгер. — Подождать, конечно, можно, но я слово дал пахлевану Ками, что приду.

С этими словами надел Мгер отцовы доспехи, вооружился, сел на Конька Джалали и поехал.

Взобрался на высокую гору, где был стан Белого Дэва. Стояла весна, гора была вся в цветах, воздух наполнился благоуханьем. В это время Белый Дэв со своею свитой поднялся на гору.

Мгеру пить захотелось, кинулся он искать родник. Вдруг видит: два исполинских дэва стоят у родника и держат в руках буйволиный мех, полный воды. Мгер поздоровался с ними, спросил:

— Можно мне из источника водицы испить?

— Нельзя, — отвечали дэвы. — То ключ Белого Дэва. Чужим лю-дям пить из него не велено.

— Братцы! — взмолился Мгер. — Дайте мне капельку водички — я попью и поеду своей дорогой.

— Не дадим, — молвили дэвы. — Белый Дэв поставил нас тут ключ охранять и строго-настрого приказал: как кто чужой из родника изо-пьет, тотчас дать ему знать.

Лопнуло у Мгера терпенье: одного из стражей он прикончил, а другого ранил, и тот спасся бегством.

Напился Мгер воды и по кровавому следу раненого дэва доехал до глубокой пещеры. Из пещеры вымахивало необъятное пламя. У входа в пещеру привязанная к дереву красавица девушка с изра-ненного дэва кровь отирала. Мгер дэва схватил, скрутил, целый утес на него навалил, а красавицу отвязал. Смотрит девушка: ее спаси-тель — юный прекрасный пахлеван. Залюбовалась она им.

— Ах, юный смельчак! — воскликнула красавица. — Ведь сюда ни птица на крыле, ни змея на животе не доберутся. Как же ты это отважился?

— А ты как сюда попала, как очутилась среди этих грозных гор? Девушка глубоко вздохнула.

— Не спрашивай! — сказала она. — Семь лет я томлюсь в полону у Белого Дэва. Этот нечестивец напал на наш Маназкерт. Я гуляла

в саду, как вдруг он нагрязнул, схватил меня и примчал сюда. Недавно сон мне приснился, и во сне услышала я голос, будто не в долгом времени придет сюда удалец по имени Мгер, Белого Дэва убьет и меня от плена избавит.

— А где же сейчас Белый Дэв? — спросил Мгер.

— Спит. Уже девять дней спит. Нынче проснется.

Мгер погнал коня в лес. Стал ждать под могучим дубом, когда Белый Дэв проснется. Нападать на спящего врага Мгер почитал грехом.

Белый Дэв воспрянул от сна, мяса наелся, вина напился, и смерть как захотелось ему воды. Ждет-пождет, когда ему принесут воды, а дэвы-водоносы всё не идут.

«Знать, повстречались они с силачом», — решил Белый Дэв.

Запыхтел Белый Дэв, поднялся, сел на вихря-коня и погнал его к роднику. Вдруг видит: под могучим дубом гороподобный великан сидит, а рядом пасется конь-огонь.

Белый Дэв возопил:

— Эй, земнородный! Сюда ни птица на крыле, ни змея на животе не доберутся. Как ты отважился переступить границу владений моих?

Мгер невозмутимо ответил:

— Ты вызывал Мгера на бой. Я и есть Мгер. Что ж, давай пере-
ведемся.

Как услышал Белый Дэв это имя, руки-ноги от страха у него за-
тряслись.

— Ух ты! — изумился он. — Добро пожаловать, Мгер, добро пожа-
ловать! Пойдем ко мне в шатер, до зари попируем, а там уж что
бог даст.

— Нет, — молвил Мгер. — Предки мои мне завещали: встретился
с недругом — бейся без промедленья.

Сел в седло Львораздиратель Мгер, сел в седло Белый Дэв, и по-
гнали они коней навстречу друг другу. Два дня и две ночи на копыях
сражались. Земля под их тяжестью оседала. Эхо отдавалось в горах и
ущельях. Наконец пахлеваны соскочили с коней и сцепились в руко-
пашную. Ухватит Мгер Дэва — рука так и увязнет у него в теле, слов-
но Дэв вылеплен из теста. Лишь к концу третьего дня Мгер убил
Белого Дэва, Армаган на коня посадил и воротился в Сасун.

Добрался Мгер до Сасуна в самый тот час, когда Кери-Торос и Горлан Оган прибыли из Маназкерта.

Радости их не было границ. Послали они царю Теваторосу весть: дескать, Мгер твою дочь вывел из плена.

Теваторос и его князья сели на коней, вскачь понеслись в Сасун, духом домчались, прекрасную Армаган обвенчали со Львораздирателем Мгером, семь дней, семь ночей свадьбу справляли, мясо оленьи ели, гранатное вино пили, радовались и веселились.

БОЙ МГЕРА С МСРА-МЕЛИКОМ

Слава Мгера достигла ушей Мсра-Мелика, и распалился Мсра-Мелик гневом. Ведь Сасун был его данником!

Мгер ничего про это не знал и дани Мсра-Мелику не посылал.

Мсра-Мелик повелел:

— Поезжайте в Сасун и передайте Мгеру: пусть готовится к бою — мне надлежит с ним схватиться.

Гонцы Мсра-Мелика примчались в Сасун.

— Мгер! Мсырский царь вызывает тебя на единоборство, — сказали они.

— На единоборство? — переспросил Мгер. — Что ж, пусть приходит. Поглядим, чего ему нужно от нас.

— Мгер! — молвил Горлан Оган. — Сядь на коня и поезжай в Мсыр,

с Мсра-Меликом как можно ласковее поговори, упроси его, умоли сбавить дань. Она для нас непосильна.

— Ай-ай-ай! — сказал Мгер. — Бога ты не боишься, Оган! Зачем же ты скрывал от меня, что мы Мсра-Меликовы данники?..

Мгер облекся в доспехи, сел на Конька Джалали и отправился в Мсыр.

А Мсра-Мелик той порой сидел в поле у своего шатра. Еще издали он увидел: кто-то едет на коне — словно высоченная крепость верхом на крепости мчится.

Подъехал Мгер, поздоровался с Мсра-Меликом. Мсра-Мелик оцепенел от страха, даже не поклонился в ответ. «Неужто такие люди водятся на свете?» — подумал он. Но потом все-таки пересилил себя.

— Подержите ему стремя! — велел он слугам.

Слуги подержали стремя, Мгер сошел с коня и опять поздоровался. На этот раз Мсра-Мелик ответил ему на поклон и спросил:

— Откуда ты, удалец?

— Я из Сасуна, сын Санасара.

— Ах, вот оно что! — сказал Мсра-Мелик. — Стало быть, ты на моей земле живешь. Ты — Мгер?

Разгневался Мгер.

«Скотина! — подумал он. — Ведь не скажет — Сасунская земля, а — моя земля». Но как ни был Мгер возмущен, ответил он, однако ж, спокойно:

— Да, я Мгер.

Тогда Мсра-Мелик сказал :

— Почему вы мне не платите дани? На моей земле живете, а дани не платите!

— Мсра-Мелик! — сказал сын Санасара. — Мы живем не на твоей, а на нашей земле, на нашей Сасунской земле!

— Еще чего! — вскричал Мсра-Мелик. — Сасун — моя земля!

— Еще чего! — вскричал Мгер. — Сасун — не твоя, а моя земля!

— Ты пришел, чтоб со мною сразиться? — спросил Мсра-Мелик.

— Ты меня вызвал, я и пришел.

— Воины наши будут биться или же мы с тобой вступим в единоборство?

— Воины-то чем виноваты? — сказал Мгер. — Решим спор единоборством.

— На заре будем биться?

— На заре, — отвечал Мгер. — Один из нас одолеет, один из нас околеет.

На рассвете Мгер и Мсра-Мелик схватились. Сначала палицами били друг друга. У каждого палица весила триста пудов. На востоке те, кто слышал грохот битвы, говорили: «Это гром гремит!» А на западе говорили: «Это землетрясение! Сейчас горы рухнут».

Видят Мгер и Мсра-Мелик, палицами победы не добьешься. Побросали они палицы и давай врукопашную биться. Землю ногами вспахали так, словно семь плугов по ней прошлись. Мгер силою брал, Мсра-Мелик — хитростью. Но в конце концов ослабел Мсра-Мелик; видит он, что с Мгером ему не совладать.

— Эй, Мгер Сасунский! — сказал он. — Я мнил себя самым могучим пахлеваном на всем белом свете. Нынче мы с тобой бьемся, и ни на чьей стороне перевеса нет. Давай заключим договор! Я отказываюсь от дани — Сасун мне больше не данник. Сасун — твой, Мсыр — мой. Возвращайся восвояси, царствуй в Сасуне, живи да радуйся. Согласен?

— Согласен, — отвечал Мгер.

Мсра-Мелик продолжал:

— Давай еще один договор заключим: если я с кем буду воевать, ты ко мне на помощь придешь; если же ты с кем будешь воевать, я к тебе на помощь приду. Если я умру, царицу мою и детей ты возьмешь к себе; если же ты умрешь, царицу твою и детей возьму я, чтобы люди сиротами их не называли. Согласен?

Договор заключили, пальцы себе порезали, кровь смешали — побратались. Мсра-Мелик пригласил Мгера во дворец и семь дней и семь ночей с ним пиروвал. Мгер приглянулся мсырской царице Исмилахун.

Мгер воротился в Сасун.

Горлан Оган поджидал его у ворот. Поздоровались братья, расцеловались. Горлан Оган спросил:

— Ну как, Мгер, удалось тебе нашу дань поубавить?

— Что там поубавить! — воскликнул Мгер. — Мсра-Мелик — хоро-

ший человек: от дани он отказался, долг Сасуна простил, сказал: «Мсырские земли — мои, Сасунские земли — твои». Побратался я с Мсра-Меликом.

Обрадовался Горлан Оган, еще раз Мгера поцеловал.

Никому не подвластен стал Мгер. Сколько мог, радел он об устройении, укреплении и о славе Сасуна.

Сорок лет он так правил, что ни один дэв и никакой другой враг не смели даже коситься в сторону нашего края.

Орел на крыле не смел летать по небу Сасуна, змея на животе не смела подползать к Сасунской земле.

Умер Мсра-Мелик.

Наследника у него не было.

Царица Исмил-хатун, пригожая вдова, надумала: «Мне нужен хороший муж, могучий пахлеван, чтобы он правил моей страной, чтоб он наших жестоковыйных князей укротил, примирил. Не послать ли мне письмо Мгеру в Сасун? Не позвать ли мне его к себе в гости? Может, он приедет ко мне, и я рожу от него сына-удальца, сасунской породы. Мсра-Мелик говорил мне: «Исмил! Если мы кровь Мгера Сасунского не вольем в жилы мсырцев, потомки Мгера нашим потомкам много вреда причинят, род наш сотрут с лица земли».

Села Исмил-хатун, ласковое письмо написала, затем пояс и покрывало с себя сняла, двух пахлеванов позвала и сказала:

— Свезите все это в Сасун и передайте Мгеру, скажите: тебя Исмил-хатун зовет, мол, к себе.

Мсырские пахлеваны прибыли в Сасун, письмо вместе с поясом и покрывалом отдали Мгеру.

— Исмил-хатун зовет тебя к себе, — сказали они.

В письме Мгер прочитал:

Мгер! Посылаю тебе мой пояс и покрывало. Приди и возьми Мсыр. Сасун — твой, возьми власть и над Мсырской землей. Ты обещал Мсра-Мелику, что его жену защитишь. Коли не явишься ты на мой зов — значит, ты женщина, да еще слабее меня, возьми мое покрывало и накройся им.

— Удальцы пахлеваны! — сказал Мгер. — Войдите в мой дом, заку-

сите, отдохните, а потом снесите мой поклон в Мсыр Исмил-хатун и скажите от моего имени: «Я своему слову хозяин. Спустя сорок дней приду в Мсыр — узнаю, какая у нее нужда до меня».

Мгер мсырских пахлеванов в обратный путь снарядил, а сам пошел к Армаган и сказал:

— Жена! Исмил-хатун письмо прислала — зовет меня в Мсыр.

— Не езд к ней, Мгер! — молвила Армаган. — Обманывает тебя Исмил-хатун. Ей твоя красота не нужна — ей сила твоя нужна. Ей ведома твоя мощь — вот она тебя и зовет, чтобы сына от тебя родить, чтобы Мсыра светоч зажечь, а Сасуна светоч задуть. Не езд к ней, муженек! Не покидай меня ради Исмил-хатун!

— Жена! Я Мсра-Мелику дал слово, — сказал Мгер. — Другого выхода у меня нет.

— Не езд! — сказала Армаган.

— Поеду, — сказал Мгер.

— Не езд! — сказала она.

— Поеду, — сказал он.

— Мгер! — сказала она. — Мне тебя не переупрямить. Позови сасунских князей — пусть они решат, ехать тебе иль не ехать.

Мгер созвал князей, епископов, архимандритов, священников, созвал родных и друзей, созвал и сказал.

— Мсырская царица письмо прислала, зовет меня, пишет: «Сасун — твой, возьми власть и над Мсырской землей». Я обещал Мсра-Мелику оберегать его жену. Выхода у меня нет — я должен у нее побывать. Что скажете?

Горлан Оган сказал:

— Мгер! Зачем тебе ехать? Исмил-хатун коварна, она враг нашему Сасуну. Она обманет тебя. Не езд! Наследника у тебя нет. Оставайся дома — может, бог пошлет тебе мальчика, сасунского удалца, чтобы было кому заменить тебя.

Князья и духовные лица так рассудили:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Мы не властны тебя удержать. Ты царь могучий и мудрый. Если считаешь за должное ехать — поезжай. Мы ведь только того и хотим, чтобы и другие земли объединил ты под своею рукой. Иные цари с боем берут чужие земли, а Мсыр тебе добром отдают. Так отчего ж не поехать и не взять? Поезжай!

— Не ездй, Мгер! — сказала Армаган. — Исмил-хатун — идо-лопоклонница, ты — крестопоклонник. Греха на душу не бери. Не ездй!

Разгневался Мгер.

— Горе мужчине, который не возьмет посланный ему женский пояс! — воскликнул он. — Я дал Исмил-хатун слово доблестного пахлевана, — как же я могу не ехать?

Армаган сказала:

— Мгер! Мне тебя не переспорить. Что я? Слабая женщина. Поезжай! Я тебя не проклиная. Но знай, я даю обет: коли уедешь, станешь ты мне отцом и братом. Сорок лет ты к моему ложу не подойдешь.

Тридцать девять дней прошло, всего один день остался до отъезда.

Мгер стал собираться в Мсыр.

А что Армаган? Армаган принесла черное покрывало, накрыла им ложе супруга и, скорбь в душе затая, а на лице изображая радость, попрощалась с Мгером.

Мгер сел на Конька Джалали.

Горлан Оган вслед побежал, повис у коня на шее, заплакал, взмолился к брату:

— Мгер, не ездй! Мгер, не ездй! Сасуна светоч не угаси! Мсырская блудница обманет тебя!

Мгер видит, что делать нечего, замахнулся палицей на Огана, ветер поднял, ветер тот сшиб Огана с ног, и Оган упал замертво. Мгер обомлел, соскочил с коня, растер Огану грудь и со слезами сказал:

— Оган, старший мой брат, приди в себя! Не тужи, родной! Я дал богу обет. Если я не поеду, то нарушу обет и умру.

Оган очнулся, встал и сказал:

— Что ж, поезжай, Мгер! Да цветут поля, средь которых пролегает твой путь, враги пусть будут от тебя дальше, а друзья — ближе.

ИСМИЛ-ХАТУН

Мгер снова сел на коня, взял с собой пахлеванов Батман-Буга и Чарбахар-Ками и поскакал в Мсыр. Дорогой вспомнились ему слова брата и жены, и сердце у него сжалось.

Выехал Мгер чуть свет, а приехал, когда вечерело.

Ту часть пути, которую конь мог бы за час проехать, мсырская царица коврами велела устлать, по обеим сторонам дороги светильники велела зажечь, а сама глаза подвела, локоны выпустила, села у окна в ожидании Мгера. Хотелось ей Мгера приворожить, прислушать.

Не сводит она глаз с дороги, ждет.

Вот мчится всадник, за ним еще двое. Словно крепость на крепости. А конь летит вихрем. «Уж верно, это Сасунский Мгер скачет», — решила Исмил-хатун.

Мгер прискакал, коня у окна осадил.

— Исмил-хатун! Зачем ты звала меня? — спросил он.

— Что с тобой, Мгер? — сказала Исмил-хатун. — Разве гости так с хозяевами говорят? Сойди с коня, проходи ко мне в дом, тогда я тебе все и скажу!

— Нет, — молвил Мгер, — говори сейчас. Я дал обет не вынимать ног из стремян, пока ты не скажешь, что тебе от меня нужно.

— Недаром говорят, что сасунцы — упрямый народ, — сказала Исмил-хатун. — Какой ты чудной! Иль ваш Сасун провалился сквозь землю, или огонь в вашем доме погас и ты приехал сюда за огнем и спешишь назад? Сойди же с коня, войди во дворец, отдохни, перекуси, а потом поезжай в свой Сасун!

— Нет, голубушка, — молвил Мгер. — Это все пустые разговоры. Ты мне скажи, чего ты от меня хочешь.

Видит Исмил-хатун: Мгер сейчас уедет.

— Экие вы недогадливые! — крикнула она служанкам. — Что вы рты разинули? Неужто нет у нас семилетнего вина? Сей же час подайте его сюда, а то Мгер уедет обратно!

Принесли служанки большой кувшин семилетнего вина.

Мгер, не слезая с коня, выпил, и голова у него закружилась.

— Подержите стремя! — приказала Исмил-хатун.

Слуги подержали стремя, и Мгер слез с коня.

Исмил-хатун вышла к Мгеру навстречу, провела его во дворец и еще раз ему сказала:

— Добро пожаловать!

— Так зачем ты меня звала? — спросил уже захмелевший Мгер.

— Я звала тебя, Мгер, чтобы ты страну мою усмирил, — отвечала Исмил-хатун. — Семь князей меня не признают. Мсырскому царству гибель грозит — вот почему я тебя звала.

— Это другое дело! — молвил Мгер. — Дай мне поесть, а поутру созови непокорных князей. Я знаю, как с ними надо говорить.

Обрадовалась Исмил-хатун, усмехнулась.

— Мгер! Я послала тебе пояс свой и покрывало, я звала тебя к себе. Вот для чего я тебя звала!

— Этому не бывать! — сказал Мгер. — Не могу я к тебе пойти. Я — христианин, а ты — иноверка.

Усмехнулась Исмил-хатун:

— Мгер! Я тебя полюбила давно, в ту самую пору, когда ты единоборствовал с Мсра-Меликом. И ты будешь мой! Волей иль неволей, а будешь. Я ждала тебя столько лет! Женись на мне, управляй моим царством, обороняй меня от врагов!

Исмил-хатун допьяна напоила Мгера сладкими словами и семилетним вином, напоила и к себе увела. Добилась она своего. А потом, когда Мгер заснул безмятежным сном, она конюхов своих призвала и сказала:

— Гоните Джалали к табуну наших кобылиц!

Поутру семь непокорных князей перед Мгером предстали.

Мгер сурово поглядел на них и сказал:

— Что ж, князьки, пришли?

Князья отвесили низкий поклон. От страха слова не могут вымолвить.

— Князь! — сказал Мгер. — Вам ведомо, кто я таков, что я за человек?

— Ты Львораздиратель Мгер из Сасуна, — отвечали князь. — На небе мы никого не знаем, кроме бога, а на земле — никого, кроме тебя.

— Теперь вы признаёте Исмил-хатун? — спросил Мгер.

— По твоему повелению признаём, — отвечали князь.

Тут семь мятежных мсырских князей поклонились Мгеру и Исмил-хатун до земли и, пятась, направились к выходу.

На другой день Мгер стал собираться в обратный путь, но Исмил-хатун устроила так, что хмель у него не прошёл.

Спустя девять месяцев, девять дней и девять часов Исмил-хатун родила сына. В память мужа назвала его Мсра-Мелик.

Семь лет Исмил-хатун поила Мгера вином, не давала ему отрезвиться. Вином и любовью опьяненный Мгер позабыл Армаган, позабыл Сасун, позабыл родных и друзей.

Однажды Мгер вернулся с прогулки и, услышав голос Исмил-хатун, остановился в дверях. Исмил-хатун качала на руках сына и пела:

Орленок ты мой, Мсра-Мелик!
Пусть всегда будет ясен твой лик!
Мсырский пламень жарче раздуй,
А сасунский пламень задуй!

Горько было Мгеру услышать эти слова. «Что же я наделал! — подумал он. — Пришел в эту страну, Мсыра пламень раздул, Сасуна пламень задул!»

Вошел Мгер в светлицу к Исмил-хатун и сказал:

— Исмил! Чему ты учишь сына? Он еще из яйца не вылутился, а ты его на дурные мысли наводишь? Разве затем я его породил, чтобы он погасил светоч армян?.. Чего ты смеешься?

— А почему бы мне не смеяться? — молвила Исмил-хатун. — Я рада, что у меня сын. Подрастет он и покорит мне весь мир!

— Ах, вот оно что! — вскричал Мгер. — Ты родила от меня сына, чтобы он погасил сасунский светоч? Чтобы он мой народ погубил,

а твой народ превознес? Так или не так?.. Знай же: на лишний день не останусь я в Мсыре и больше к тебе ни ногой! Еду в Сасун!

На это ему вдова Мсра-Мелика ответила так:

— Мгер! Я хотела иметь от тебя сына. Я хотела, чтобы у Мсыра был могучий наследник, чтобы светоч Мсыра горел всегда ярко, — для того-то я тебя и позвала, для того семь лет поила тебя вином. Цели своей я достигла. Теперь поступай как знаешь: хочешь — уходи, хочешь — оставайся.

Тут Мгер совсем отрезвел и крепко задумался:

«Горе мне! Пришел я в чужую страну и прожил здесь целых семь лет. Как я теперь покажусь на глаза Армаган или Огану? Видишь, Мгер: сбылись их пророчества! Говорила мне жена: «Не ходи», а я ее не послушал».

И взяло Мгера зло на себя:

«Лучше бы я тогда ногу сломал и в Мсыр не пошел. Семь лет чужую ниву поливал, а моя нива засохла. Ах, что ты наделал, Мгер!.. Светоч Армении погасил, светоч Мсыра возжег!»

Молча сел Мгер на коня, выехал из Мсыра и с поникшею головою воротился в Сасун.

РОЖДЕНИЕ ДАВИДА

Царицу Армаган известили:

— Радуйся, царица, Мгер воротился!

Армаган приказала двери запереть на замок, ворота — на засов, в черные одежды облеклась и села у окна.

Подъехал Мгер, видит: двери заперты на замок, ворота — на засов, кругом ни души. Приуныл Мгер. Палицей постучал в ворота.

— Что бы это значило? — сказал он. — Отчего двери моего дома от меня заперли, отчего меня не впускают в мой дом?

Армаган высунулась в окно и крикнула:

— Оттого, Мгер, что ты мне больше не муж! Раз ты меня бросил, раз ты меня опозорил, раз ты уехал к Исмил-хатун, ты мне больше не муж и ко мне не приходи.

Мгер, томимый раскаяньем, взмолился к ней:

— Отопри дверь, Армаган!

— Нет, не отопру, Мгер, — молвила Армаган. — Ты поехал в Мсыр разжигать очаг, а сасунский очаг загасил. Теперь ты должен свой грех искупить. Сорок лет надлежит нам с тобою жить врозь — только тогда бог тебе дозволит прийти ко мне.

Мгера ее слова озадачили.

— Армаган! — сказал он. — Спустя сорок лет будет поздно. Сын Исмил-хатун подрастет, возмужает и разрушит Сасун.

Сошел Мгер с коня, стал у ворот на колени, просил, уговаривал, но так и не уговорил — Армаган была непреклонна.

Горлана Огана уведомили:

— Радуйся, Мгер воротился из Мсыра!

Горлан Оган поспешил к царице:

— Армаган, высокородная моя невестка! Сегодня из Мсыра вернулся Мгер. Впусти своего властелина.

Армаган же ему сказала:

— Оган! Ты мне заместо старшего брата, заместо отца. Да, я знаю: воротился обманутый блудницею Мгер, — золото увез, а привез ржавчину. Я дала обет и нарушить его не могу, а то меня бог накажет.

— Ничего, невестушка! — молвил Оган. — Я призову епископов, священников, князей, — они от обета тебя разрешат.

Вот пришли князья, епископы, священники, собрались в покое Армаган и сказали:

— Благочестивая царица! Нарушь свой обет — нет в том большого греха. Мгер — земнородный, Мгер — человек, а людям сродно заблуждаться. Мы так на это взглянем: он ушел из Сасуна, потом раскаялся и воротился к тебе. Ты на сколько лет дала зарок?

— На сорок лет, — отвечала Армаган.

Тут к Армаган обратился старый епископ:

— Дочь моя! Закон в наших руках — в руках епископов. Мы тебе отпускаем твой грех. По воле божией

Сорок лет за сорок месяцев мы зачтем,
Сорок месяцев — за́ сорок недель,
Сорок недель — за́ сорок дней,
А сорок дней — за сорок часов.

Среди священников оказался блаженненький.

— А сорок часов — за единый миг, — подхватил он.

Седой епископ благословил Мгера и Армаган.

— Отпускаются вам грехи! — сказал он. — С этого дня вы снова муж и жена. Аминь!

— Армаган! — сказал Мгер. — Истинно говорят святые отцы. Может стать, господь сына пошлет нам, и тогда светоч Сасуна не угаснет.

— Что же мне делать? — молвила Армаган. — Муж — голова, жена — ноги. Ноги не могут не повиноваться голове. Бог даст нам сына, но мы нарушим обет и оба умрем, а дитя наше круглым сиротю останется.

— Пусть только господь нам сына пошлет, — сказал Мгер, — пусть только пошлет он наследника, который двинул бы рать на Мсра-Мелика. Тогда светоч царства Сасунского не угаснет, и мы с тобою можем умереть спокойно. Есть в мире закон: кто родился, тот умрет. Но если сын наш будет жить, мы снова в нем оживем. Сасунское царство не сгинет!

— Воля твоя, — молвила Армаган. — А все же обет мы нарушаем. Обнялись Мгер и Армаган. И тогда

Сорок лет за сорок месяцев им зачлось,
Сорок месяцев — за́ сорок недель,
Сорок недель — за́ сорок дней,
Сорок дней — за сорок часов,
А сорок часов — за единый миг.

Взыграл духом Мгер. Кровь в нем закипела. Вскочил он на Конька Джалали, поскакал на Сасун-гору. Созвал великое множество работников и мастеров, в честь Армаган неоглядный и прекрасный лес наса-

дил, для Армаган дворец построил, в лесу всяких разных птиц и зверей поселил, лес тот стеною обнес.

— Отныне будет имя этой горе — Цовасар.

И стал Цовасар с той поры местом царской охоты.

В двух часах ходьбы от дворца Мгер красивый монастырь воздвиг и назвал его Богородица-на-горе. Поселил в той обители послушников, монахов, архимандритов, епископов, возле монастыря приютовстроил — для слепых, для престарелых, для калек, для убогих. Много добрых дел совершил царь Мгер.

Совершив их, Мгер спустился с горы и воротился в Сасун.

Истекло девять месяцев, девять дней, девять часов, и родился у сасунской царицы сын. Имя ему дали — Давид.

Итак, Давид появился на свет. Отец же его и мать за то, что обет нарушили, один за другим в могилу сошли.

Остался Давид сиротой.

Весь Сасун горевал.

Дехцун-цам в черные одежды облеклась, за семью дверьми заперлась в своем покое, обет дала:

— Я из дома не выйду, света божьего не увижу до тех пор, пока не вырастет младенец Давид, не займет Мгеров престол и вновь не зажжет светоч Сасунского царства!

Ветвь третья

ДАВИД САСУНСКИЙ

Пусть будет добром помянут наш сасунский Давид,
Народа всего десница — наш ненаглядный Давид!
Пусть будет добром помянут еще раз Кери-Торос!
Пусть будет добром помянут добрый Горлан Оган!
Не добром пусть будет помянут мсвирский Владыка Мелик!
Не добрым словом помянем мы Пачкуна Верго!
Старуху сасунскую вещую помянем мы с вами добром,
И Дехцун-цям златокосую мы вновь помянем добром,
Хандут солнцеликую тоже мы с вами помянем добром!
Не добром пусть будет помянута дева Чымшик-султан!
Не добрым... нет, добрым словом помянем Исмил-хатун!
Красу всех армян — Давида мы вновь помянем добром,
А еще наших предков великих мы с вами помянем добром!

Вот уже и конец двум ветвям —
перейдем к ветви Давидовой.
Сказитель Ован из Мокса

Часть первая

ДАВИД В МСЫРЕ

Давид сиротою остался.

Кери-Торос и дяди Давида Верго и Горлан Оган посовещались. Оган спросил:

— Верго! Кто возьмет Давида на попечение — ты или я?

— У меня свои сыновья, — отвечал Верго. — Бери Давида себе.

Горлан Оган Давида усыновил. Но как его вскормить? Всех сасунских кормящих матерей Оган по очереди призывал. Давид ничьей груди не брал. Тогда Горлан Оган обратился к жене своей Сарьханум:

— Жена! Как же нам быть? Младенец умрет без молока.

— Пошли ребенка в Мсыр к Исмил-хатун, — предложила жена. — Она семь лет была Мгеру женой, ради Мгера она грудью своей вскормит его сына.

Горлан Оган созвал сасунских князей на совет. Сасунские князья сказали:

— Если и есть для Давида кормилица, то это Исмил-хатун. Только она и может его вскормить. Отошли Давида в Мсыр.

У Мгера было два верных и могучих пахлевана: Чарбахар-Ками и Батман-Буга. Горлан Оган позвал их, с рук на руки передал спеленатого Давида, вручил им письмо и сказал:

— Отвезите в Мсыр и отдайте Исмил-хатун.

Ками и Буга сели на коней, взяли спеленатого Давида и отправились в путь. Давида они держали на руках по очереди, потому что сын Мгера был тяжел, как взрослый мужчина.

Наконец добрались до города Мсыра, спеленатого младенца вместе с письмом отдали Исмил-хатун. Исмил прочитала письмо. Оган ей писал:

Исмил-хатун, сестра наша, достойная наша невестушка! Когда Мгер воротился в Сасун, у него сын родился, имя дали сыну — Давид. Мгер и жена его умерли, ребенок остался сиротой. Не берет он грудь у сасунских кормилиц. Если ты чтешь память Мгера, то вскорми нашего Давида, пока подрастет малость, а там я возьму его к себе на попечение.

Исмил-хатун подумала:

«Мгер делал мне добро, и я должна вскормить его сына. Это хорошо, что ребенок не берет грудь у сасунских кормилиц. Он будет питаться моим молоком, станет сыном моим, побратается с моим Меликом. Подрастут мальчики и будут властвовать над Мсыром, над Сасуном и надо всем миром».

Исмил-хатун несколько дней кормила Давида. Но вот однажды дала она ему грудь — Давид отвернулся; дала другую грудь — Давид опять отвернулся. Трое суток младенец ничего не ел. Исмил-хатун позвала Мсра-Мелика.

— Мальчик уже три дня грудь не берет, — сказала она. — Помрет он от голода. Как нам быть?

— Матушка! — сказал Мсра-Мелик. — Сасунцы — упрямы и сумасброды. С этим малым мы горя хлебнем. Он — армянин, мы — арабы. Не давай гяуру грудь!

— Сынок! — молвила Исмил-хатун. — Мальчик без молока умрет, и мы опозоримся в глазах всего сасунского народа. Раз уж мы за это взялись, надо довести дело до конца.

А визирь ей в ответ:

— Великая хатун! Ты напрасно волнуешься. Разве у них бедная страна? Разве в Сасуне нет меда и масла? Нет разве вкусных яств? Пусть Батман-Буга и Чарбахар-Ками съездят в Сасун и привезут бурдюк меда и бурдюк масла. Сасунский мед и сасунское масло мальчик из Сасуна съест и вырастет большой.

Чарбахар-Ками и Батман-Буга отправились в Сасун. Горлан Оган дал им бурдюк меда и бурдюк масла. Они привезли это в Мсыр и положили перед царицей.

Стала Исмил-хатун кормить Давида медом и маслом. Другие дети растут по годам — Давид рос по дням. Исмил-хатун глядела на младенца любящим взором.

«Подрастет Давид, — говорила она себе, — станет Мелику моему братом, помощником, и вместе они много стран завоюют, весь мир покорят».

Младенец Давид так был силен, что ремни колыбельные разрывал.

Стала Исмил-хатун обматывать Давида железной цепью. Но и железная цепь не выдержала — с лязгом оборвалась, звенья ее разлетелись в разные стороны, ударились о каменные стены дворца, от стен посыпались искры. Тогда сплели из пеньки нетугой канат и этим канатом привязали Давида к люльке. Выдержал нетугой пеньковый канат. Младенец вдохнет в себя воздух — растягивается канат нетугой, а выдохнет — стягивается.

Мгер лежал в могиле, Давид — в колыбели.

Мсра-Мелик войско собрал и пошел войной на Сасун.

Сасун разорил, взял дань, взял добычу, угнал много скота, много овец и коней, много золота увез в Мсыр, многих в плен забрал.

Стал Сасун подданным и данником Мсра-Мелика. Правителем Сасуна был назначен Пачкун Верго.

Мгер лежал в могиле, Давид — в колыбели.

БОЙ С ЛУЧОМ СОЛНЦА

Когда Мсра-Мелик добычу и пленников из Сасуна пригнал, Давид уже вышел из колыбели, начал выходить на улицу со мсырскими детьми играть. Однажды вышел он в царский сад, а в саду княжеские дети играли, на низких сучьях качались.

— Во что это вы играете? — спросил Давид.

— В «качалки», — отвечали ему.

Давид смотрел-смотрел и говорит:

— Это что! Поглядите, какая у меня «качалка»!

Недолго думая ухватился он за стройный тополь, верхушку к земле пригнул и крикнул:

— Эй, ребята! Идите в лошадки играть!

Дети сели верхом на макушку. Веселились они, смеялись, приговаривали:

— Добрый конь! Добрый конь!

Давид долго держал пригнутый тополь за макушку, наконец руки у него затекли, и он крикнул:

— Довольно! Слезайте! Руки устали!

Тут дети заговорили хором:

— Мы сидим на добром коне, нам хорошо! Зачем нам слезать? Нет, мы не слезем!

Давид умолял их:

— Ой-ой-ой! Руки отнимаются! Слезьте!

— Не слезем, не слезем, не слезем!

Обессилел Давид, тополь вырвался у него из рук, распрямылся, а ребята попадали кто куда; один руку себе сломал, другой — ногу, третий упал головою на камень и расшибся насмерть.

А ведь все это были дети знатных родителей!

Отцы их пришли к Мсра-Мелику, подняли шум.

— Государь! — сказали они. — Или ты сасунского сироту-сумасброда отсюда удали, или мы сами удалимся в другую страну.

Осерчал Мсра-Мелик и велел заключить Давида в темницу, чтоб он свету божьего не видал. Приставил к нему воспитателя и воспитателю наказал:

— Обучи сасунского сумасброда чтению и письму, уму-разуму его обучи и воспитай в нем покорность.

Всем слугам своим Мсра-Мелик приказал каждый раз, перед тем как Давида кормить, все до одной кости вынимать из мяса и все косточки из плодов. Однажды тот слуга, что кормил Давида, обиделся на наставника и сказал себе: «Погоди ж ты у меня! Я принесу малому обед с костями, малый станет давиться, взбесится и прибьет тебя!»

Положил Давид себе в рот кусок мяса, зубы щелкнули о кость. Вынул он кость изо рта, поглядел: что-то белое, опять положил себе в рот, но так и не разгрыз — зубам стало больно. Рассердился Давид, вынул кость изо рта, швырнул, угодил в стену, в стене щель пробил, и проник в комнату солнечный луч.

Удивился Давид:

— Эге-ге! Кто это вошел ко мне в комнату?

Засучил рукава, кинулся на солнечный луч — и давай с ним бороться! Руку протягивал, чтоб схватить солнечный луч, сжать его в кулаке, падал на него животом, чтоб под себя подмять, вскакивал, снова ложился — и все понапрасну: не ушел солнечный луч из комнаты. Так долго с ним дрался Давид, что пот лился с него градом.

Вошел наставник, глядит: Давид то подпрыгнет, то грянется об пол.

— Давид, — спросил он, — что это ты подпрыгиваешь, а потом об пол колотишься?

Давид указал на солнечный луч.

— Кто это? — спросил он. — Влетел в мою комнату, никак не могу его выгнать.

— Закрой глаза, Давид! — молвил наставник.

Давид закрыл. Наставник заткнул щель платком, и солнечный луч мгновенно исчез.

— Теперь открой глаза, — молвил наставник.

Давид открыл — и луча в комнате не увидел.

Подивился Давид:

— Вот тебе раз!.. Я с самого утра бился, но так и не выгнал его. Значит, ты сильнее меня? Как тебе удалось выгнать его?

Рассмеялся наставник.

— Давид, голубчик! — сказал он. — Ведь то не человек был, а луч солнца!

— Луч солнца? А разве на дворе есть солнце?

— Есть, мой драгоценный! И солнце есть, и звезды есть, и ночь есть, и день.

Тут Давид как заорет:

— Если на дворе есть солнце, почему же ты меня не выводишь, чтобы я на него поглядел? Почему я сижу в этих четырех темных стенах?

— Потерпи, голубчик, — молвил наставник, — я уведомя о твоём желании Мсра-Мелика. Посмотрим, что он скажет.

Наставник предстал перед Мсра-Меликом.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказал он. — Давид хочет выйти из темницы, хочет поглядеть на солнечный свет.

Мсра-Мелик приказал:

— Выведи его — пусть пройдет по солнцу.

КАК ДАВИД ПОЙМАЛ ДРОТИК МСРА-МЕЛИКА

Взял наставник Давида за руку, вывел из темницы и повел по городу. Давид обо всем его расспрашивал:

— Это что такое? А это? А вон то?

Наставник отвечал:

— Это — лошадь, вон то — осел, а это — буйвол.

Наконец они вышли за город. Давид вдали разглядел толпу, попросил:

— Учитель, пойдем туда!

Испугался наставник.

— Да там ничего такого нет, голубчик! Пойдем лучше сюда!

А Давид обозлился.

— Нет, веди меня туда! — сказал он.

— Да зачем? — возразил наставник. — Там и смотреть-то не на что.

— Поведешь ты меня туда или нет?

— Не поведу!

— Не поведешь?

Давид схватил наставника за ухо да как рванет — чуть напрочь не оторвал.

Испугался наставник.

— Ну ладно, ладно, пойдем! — сказал он и привел Давида на тот конец поля.

Здесь Мсра-Мелик со своими людьми метали дротики. Вот настал черед Мсра-Мелика. Метнул он дротик. Давид протянул руку, поймал, метнул, дротик просвистел над самой головой Мсра-Мелика и упал от него в десяти кангунах.

— Ого! — вскричал Мсра-Мелик. — Кто это мой дротик метнул дальше меня? Какан, Аслан! Пойдите посмотрите, кто он таков.

Пахлеваны пошли, поглядели и вернулись.

— Много лет тебе здравствовать, царь! То был Давид! — сказали они.

— Подведите его ко мне! — вскричал Мсра-Мелик. — Я голову ему отрублю.

Тут все визири и векилы¹ пали к ногам царя:

— Упаси тебя бог, государь! Ведь он же еще дитя. За что ему рубить голову?

Визирь бросился к наставнику:

— А, чтоб ты пропал! Не нашел другого места! Зачем ты ребенка сюда привел?

---

¹ В е к и л — наместник, посланник.

— Да разве я его по своей воле привел? Он мне ухо чуть не оторвал! Он меня силой сюда притащил!

— Уведи ты его, уведи! — сказал визирь.

Наставник долго упрасивал, долго уговаривал Давида и в конце концов повел домой.

Давид, придя домой, обратился к Исмил-хатун с вопросом:

— Матушка! Куда мой брат каждый день уходит?

— Ах ты желанный мой! — молвила Исмил-хатун. — Он гуляет, мечет палицу, дротик или толкает ядро.

— Почему же он меня с собой не берет? Я бы с ним играл, веселился. А то я сижу дома один и скучаю. Невмоготу мне! Пусть Мелик возьмет меня с собой в поле.

Исмил-хатун ему на это сказала:

— Дитя мое родное! Ты еще мал. Там кони могут тебя растоптать.

— Я стану подальше.

Вечером Исмил-хатун сказала Мелику:

— Мелик, ненаглядный ты мой! Возьми завтра Давида с собою в поле — пусть учится толкать ядро!

Мсра-Мелик обратился к Давиду:

— Давид! Ты же еще мал! Толкать ядро тебе не по силам.

Давид заупрямился:

— Нет, я пойду с тобой!

— Мелик! — молвила мать. — Возьми с собой Давида, ну, пожалуйста! Смотри, как он плачет!

— Ох уж этот народ-сумасброд! — сказал Мсра-Мелик. — Экие они все упрямы! Чует мое сердце: не обобратся нам с этим малым беды.

— С ним ничего не случится, — возразила Исмил-хатун. — Посади его на высокий холм — пусть себе с холма на игры глядит. К лошадям он не подойдет, не бойся!

Призадумался Мсра-Мелик:

«Коль не взять его, скажут: Мсра-Мелик сироту забросил...»

— Ладно, матушка, возьму с собой завтра утром Давида.

Поутру Мсра-Мелик увез Давида в поле.

По цареву указу пахлеваны Какан и Аслан привели упрянца Давида на холм, связали ему руки и ноги и стали его сторожить.

Давид до полудня глядел-глядел — ничего не увидел. Взыграло в нем ретивое, и сказал он своим сторожам:

— Развяжите мне руки и ноги!

— Нельзя, — молвили пахлеваны. — Мы сторожим тебя здесь по велению царя, чтоб тебя кони не растоптали.

Рассвирепел Давид и с рук и с ног путы сорвал. Пахлеваны навалились на него, да не под силу им было его удержать. Давид обоих доволок до самого города, пришел домой, повалился на полничком.

— Ты что, Давид? — спросила мать.

Давид ей пожаловался:

— Мелик связал меня по рукам и ногам, посадил на высокий холм, а сам пошел в поле ядро толкать. Так я ничего и не увидел.

Вечером Исмил-хатун спросила Мсра-Мелика:

— Почему ты не позволил Давиду подойти поближе — на игры посмотреть?

— Матушка! Ведь он же меня не послушается, — отвечал Мсра-Мелик. — Убьет его ядром — люди скажут: «Мсра-Мелик убил сироту, чтобы избавиться от лишнего рта».

Сели ужинать. Давид ни к чему не притронулся.

Взмолилась Исмил-хатун:

— Мелик, дорогой ты мой! Не обижай брата! Завтра возьми его с собой и подведи поближе к играм — пусть он посмотрит.

Поутру Мсра-Мелик с князьями и пахлеванами выехал в поле метать палицу. Давида посадили в сторонке.

— Смотри, Давид! — сказал Мсра-Мелик. — Это палица. Опасная вещь, очень опасная! Заденет — и наповал. Не вздумай соваться в круг. Стой здесь, в сторонке, и смотри.

Давид обещал:

— Ладно, брат! Я никуда не пойду.

Мсра-Мелик со своими сподвижниками палицу метал, а Давид играл, копался в песке, сыпал его себе на ноги.

До самого полудня метали палицу.

Давид поглядывал издали. Вот настал черед Мсра-Мелика. Ото всюду собрался народ поглядеть, как царь палицу метать будет. Весом царская палица была в триста пудов. Мсра-Мелик правой рукой подкидывал палицу, левой подхватывал. Как взмахнет он ею — во все сто-

роны искры летят. Оземь ударит — трескается земля, словно колея под тяжелым возом.

Как увидел Давид, что настал Мсра-Мелика черед, тот же час залез в одну из трещин, стал дырявой своей шапкой песок мерить. Меряет да приговаривает: «Оди-ин!» Высыпется песок, он опять наберет полную шапку и всякий раз приговаривает: «Оди-ин!» («Два» он еще не умел выговорить.)

— Эй, Давид! — крикнул Мсра-Мелик. — Уйди оттуда! Я сейчас палицу буду метать.

Три раза крикнул, а Давид будто и не слышит. Знай себе меряет да приговаривает:

— Оди-ин!

— Какан, Аслан! — завопил Мсра-Мелик. — Схватите его за шиворот и выбросьте из впадины.

Пять пахлеванов набросились на Давида и схватили за шиворот, чтобы вытащить его из впадины. Как ни старались, из сил выбились — Давид ни с места. Меряет песок, и все у него: «Оди-ин!» да «Оди-ин!».

Намучились с ним пахлеваны, но так и не сдвинули Давида — это было все равно что дерево с корнями вырвать.

Озверел Мсра-Мелик.

— Отойдите! — гаркнул он. — Сейчас я пушу в него палицей! Говорил я матери: «Не возьму его с собой — знаем мы сасунский норов». С ним, гляди, как бы беды не нажить. Он мне враг. Так лучше уж мне загодя с ним разделаться, прикончить его. Отойдите!

Давид услышал эти слова.

— Мелик! — крикнул он. — Кидай палицу, кидай палицу! Давши слово, держись!

— Прахом ты был, прахом тебе и быть! — загремел в ответ Мсра-Мелик и метнул палицу.

Давид руку протянул, палицу схватил, подкинул, поймал.

— Жаль, легковата, — сказал.

Так Давид осмеял Мсра-Мелика.

Теперь Давид метнул в свою очередь палицу — Какана, Аслана и еще пять пахлеванов на месте убил.

Люди сказали царю:

— Государь! Ради чего мы сюда пришли? Играть или же людей

убивать? Ты же знал, что Давид сумасброд! Зачем ты с собой его взял? Теперь что горожане скажут?

Осатанел Мсра-Мелик, вместе со слюной кровь выплюнул, меч поднял.

— Пустите! — рявкнул он. — Сейчас я этой паршивой сироте голову снесу!

Тут визири, векилы и пахлеваны обступили царя, пали к его ногам.

— Век живи, царь! — сказали они. — Он же еще дитя малое, неразумное!

— Пожалей сироту!

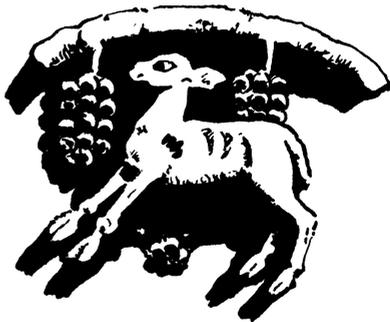
— Что люди скажут? «Мсра-Мелик кусок хлеба пожалел сиротке!»

Один из визирей молвил:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Хотя и сумасброд Давид, а все же царевич. Нет такого закона, чтобы царевичам головы сечь мечом.

Визири, векилы и князья отстояли Давида.

ДАВИДА ИСПЫТЫВАЮТ ОГНЕМ И ЗОЛОТОМ

Давид прибежал домой и уткнулся матери в колени.

Исмил-хатун испугалась.

— Что с тобой, Давид? — спросила она.

— Матушка! Сейчас придет Мелик и голову мне отрубит, — отвечал Давид.

— За что? Что ты наделал?

Давид ей все рассказал. Не успел он кончить свой рассказ, как вошел Мсра-Мелик.

— Где гяур? — рявкнул он. — Сейчас я ему голову срежу!

— Да за что же? — спросила мать.

— Опозорил он меня пред людьми.

— Что же такого он сделал?

— Я палицу метал, а он руку протянул и поймал.

— Ну так что же? — молвила Исмил-хатун. — Ведь он дитя!

— Какое он дитя!

Тут Мсра-Мелик схватил Давида за руку.

— Зачем ты ловил мою палицу? — крикнул он.

— Хорошо сделал, что поймал! — отвечал Давид. — Чем я хуже тебя? Я такой же молодец, как и ты. Я тоже хочу метать палицу.

— Слышишь, матушка?

Вскипел Мсра-Мелик, выхватил из ножен меч.

— Я его убью!

Исмил-хатун заслонила Давида:

— Мелик, ты с ума сошел!

— Ма-а-атушка, пойми-и-и! — взревел Мсра-Мелик. — Нынче он к моей палице потянулся, а завтра к рукам приберет мой дом, мое добро!

— Зачем ты так говоришь? — сказала Исмил-хатун. — Давид — твой брат, сила твоей десницы, меч в твоей руке. Оба вы от одного отца рождены, вспоены молоком одной матери. Курица и та где клюет зерно, где кормится, там и яйца несет. Так неужто же Давид уйдет от нас в Сасун? И к кому? Здесь он вырос, здесь ему и жить. Он тебе брат, и вместе вам царить над Мсыром, над Сасуном и надо всем миром!

Мсра-Мелик подумал-подумал и говорит:

— Нет, матушка, не могу я на это пойти. В кого бы палица моя ни попала, всякого бы насмерть сразила. Давид палицу мою словил, жив остался и метнул ее назло мне. Нет, я его убью!

— Так не годится, сынок! — возразила Исмил-хатун. — Созови визирей, векилов, князей, — посмотрим, что они скажут.

Мсра-Мелик созвал диван¹ из визирей, векилов, князей и с такою речью к ним обратился:

— Мсырские князья! Что вы мне посоветуете? Безумный этот гяур

---

¹ Д и в а н — совет.

уже сейчас тянется к моей палице, убивает моих пахлеванов. Что же натворит он, когда подрастет? Да он весь мир разрушит!

Тут один из визирей молвил:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Давид — ребенок, ум у него что вода, он еще не соображает.

— Нет, — возразил Мсра-Мелик. — Ума у него поболее, чем у меня и у тебя. Мал-то он мал, а уже говорит со мной на языке силы. А как подрастет, разрушит весь мир. Он прекрасно понимает, что делает. Отсеку я ему голову!

Визирь припал к ногам Мсра-Мелика:

— Век живи, царь! Давай испытаем Давида. И если у него окажется смекалка, тогда секи голову и ему и мне!

— Как же его испытать? — спросил царь.

— А вот как, — отвечал визирь. — Справа блюдо с огнем поставим, а слева блюдо с золотом. Коли схватится он за огонь, стало быть, ум у него не дозрел, стало быть, он еще дитя. А вот если он золото схватит, стало быть, у него уже есть смекалка, стало быть, он уже не дитя, — вот тогда и убей его.

Подвели Давида к столу. Справа был огонь, слева — золото.

Давиду сказали:

— На, Давид, бери что хочешь.

У Давида глаза разбежались. Протянул он руку к золоту, но по произволению божьему ангел взял его за руку и поднес ее к блюду с огнем. Давид схватился за огонь — огонь так и прилип к его пальцам. Тогда он палец с огнем сунул в рот и обжег себе язык. Заревел, завизжал Давид от боли. Исмил-хатун обняла его и сказала:

— Ну что, Мелик, теперь ты удостоверился? Давид — сущий младенец, смекалки у него еще нет, убивать его — грех.

Тут заговорил визирь:

— Давид — ребенок, ум у него еще не дозрел, грешно убивать Давида!

— Добро! — рассудил Мсра-Мелик. — Дарю я вам Давида. Пусть живет!

Обжег себе язык Давид и стал косноязычным. Так его с той поры и прозвали: «Тлол Давид» — Косноязычный Давид.

ДАВИД НЕ ПРОШЕЛ ПОД МЕЧОМ МСРА-МЕЛИКА

Недели две-три Давид жил-поживал во дворце.

Нрав у него был беспокойный, шальной. Вот как-то раз вышел он на улицу, пошел по городу, добрался до Мсра-Меликовой оружейной. Дверь в оружейную была отворена. Давид спустился по лестнице. В оружейной большущая палица лежала.

— Хорошая игрушка! — сказал Давид, взял палицу, взмахнул ею да как грянет об пол! Гром пошел по городу. Горожане перепугались насмерть: подумали, землетрясение.

Мсра-Мелик пробудился от сна.

— Это грохот от моей палицы, — сказал он. — Поглядите, кто взял мою палицу и что случилось с городом?

Визирь смекнул, что палицу мог взять только Давид. Побежал в оружейную, остановился у входа.

— Эй, Давид! — крикнул визирь. — Бога ты не боишься? Что ты там делаешь? Вылезай скорей! А то сейчас сюда Мсра-Мелик придет, и тебе достанется!

Давид бросился наутек.

Мсра-Мелик прибежал, совсем было задохнулся от быстрого бега, остановился у дверей оружейной, спросил:

— Визирь! Кто это палицей грохнул?

— Много лет тебе здравствовать, Мелик! — молвил визирь. — Когда я сюда прибежал, дверь была отворена, но в оружейной никого нет.

— Это, уж верно, Давид. Кто еще, кроме Давида, мог бы поднять мою палицу?

Мсра-Мелик рвал и метал. Кинулся искать Давида по всему городу, да так и не нашел и вернулся к себе во дворец. Давид спал около тонира.

Мсра-Мелик снял с лука тетиву — хотел удушить Давида. Но тут подоспела Исмил-хатун и схватила Мсра-Мелика за руку:

— Мелик! Что ты делаешь?

— Я удавлю этого щенка! — вскричал Мсра-Мелик. — Он с моей палицей играл, такой поднял грохот, что все подумали — землетрясение!

Исмил-хатун грудь обнажила.

— Мелик! — сказала она. — Убьешь Давида — в яд для тебя превратится мое молоко!

— Знай, матушка, — крикнул Мсра-Мелик, — Давид — змееныш! Каждый миг я жду от него беды. Довольно! Я с ним покончу.

На ту пору вошел к ним визирь и, услышав такие речи, сказал:

— Зачем убивать Давида, кровь проливать, грех на душу брать? Пошлите лучше Давида в его отчий край — в Сасун!

Приготовила Исмил-хатун хлеба на девять дней, девять пар трехов¹, девять пар чулок, благословила Мгерова сына.

— Иди, сынок! — сказала она. — Иди к дядям, иди в страну своего отца. Да хранит тебя господь!

Тут Мсра-Мелик поднял меч и сказал:

— Э, нет! Давид должен сначала пройти под моим мечом, только тогда отпущу я его в Сасун.

— Чтобы я прошел под твоим мечом? Как бы не так! — молвил Давид.

— А что ж тут плохого, Давид, если ты пройдешь под мечом? — вмешался визирь. — Пройди, а потом ступай себе с богом в Сасун.

— Не пройду! — объявил Давид. — Мсра-Мелик для того заставляет меня пройти под его мечом, чтобы впоследствии, когда я подрасту, я не поднимал меч на него, чтобы он поднял меч на меня, а я чтобы не трогал его. Пусть хоть тысяча Мсра-Меликов потребуют этого от меня — не пройду! Я скорее под покрывалом моей матери пройду, только не под мсырским мечом!

— Так ты не пройдешь под моим мечом? — заревел Мсра-Мелик.

---

¹ Т р е х — обувь из сыромятной кожи.

— Не пройду, — отвечал Давид. — Что хочешь делай со мной — не пройду!

Тут визирь взял Давида за руку, чтобы под мечом его провести. Но Давид увернулся, прошел мимо меча, задел мизинцем за камень — из камня искры посыпались.

Мсра-Мелик ужаснулся.

— Давид еще малыш, а что вытворяет! — молвил он. — Дай подрастет — весь мир разрушит!

Тут Исмил-хатун и визирь пали к ногам Мсра-Мелика, начали просить его, убеждать: Давид, мол, еще несмышлениш, да к тому же блажной, пусть себе идет в Сасун, и мы от него избавимся.

У БАТМАНСКОГО МОСТА

В Мсыре проживали два пахлегана: Батман-Буга и Чарбахар-Ками. Мсра-Мелик позвал их и сказал:

— Уведите Давида за семь гор, на Батманский мост. Там убейте Давида, а капу¹ его намочите в крови и мне принесите, чтобы я выпил эту кровь и душу отвел.

Пахлеваны собрались в дорогу. Давид поцеловал Исмил-хатун руку, попрощался с ней и пошел.

Долго ли, коротко ли, вот уже и пять, вот уже и шесть дней находятся они в пути. Батман-Буга и Чарбахар-Ками всё ищут, где бы им

---

¹ Капá — одежда.

удобнее Давида убить. А может быть, просто рука у них не поднимается на Давида?

Давид ни словом не обменивался со своими провожатыми. Не по дороге шел, а сторонкой, то опережал пахлеванов, а то отставал, бегал по горам и долам, камешки пошвыривал, через кусты перепрыгивал, птиц-зверей пугал, с пути сбивался, блуждал...

Пахлеваны усядутся при дороге, сами хлеб жуют, а Давиду не дают. Давид съедобные травы собирал, кореньями питался, перепелок и зайцев ловил, убивал, насыщался. Не смотрел из рук пахлеванов, хлеба у них не просил.

Так шли они, шли и наконец дошли до Батманского моста.

— Что же нам делать, Ками?.. — сказал Буга. — Покончить с Давидом, бросить его в реку?

— А как же иначе, Буга?.. — сказал Ками. — Таков приказ Мсра-Мелика...

Давид был далеко и слов этих не слышал. Пахлеваны сделали призыв и позвали Давида:

— Давид! Иди скорее сюда!

Давид приблизился к ним и сказал:

— Мы уже шесть дней идем, а вы ни разу у меня не спросили: «Давид! Тебе есть-пить хочется?» Что это с вами случилось, почему возле этого моста вы вдруг вспомнили о Давиде?

— Давид! — сказали они. — До сих пор мы по земле и воде Мсра-Мелика шли, а нынче дошли до земли и воды твоего отца. Вот почему мы тебя позвали. Подойди к нам, Давид, подойди!.. Подойди, хлебца пожуй!

— Нет, не подойду! — молвил Давид. — Исмил-хатун на девять дней хлеба нам запасла. Вы сами съели его, а мне ничего не дали. Нынче же, когда я ступаю по земле и воде отца моего, вы меня подзываете: «Подойди, Давид, хлебца пожуй». Не нужен мне ваш хлеб!

Пахлеваны встали, несколько шагов прошли и остановились у Батманского моста. Подошел к ним Давид и спросил:

— Что стали?

— Мы стали здесь ради тебя, Давид, — отвечали они. — Мсра-Мелик нам наказывал: «По мосту ведите Давида за руку, а то как бы он от страха не свалился в воду».

— Вот как! — молвил Давид. — От Мсыра досюда мы вместе шли, и ни разу вы не сказали: «Давид еще мал, ему страшно идти». А сейчас чего ради вы стали тут? Идите, идите по мосту, а я — вслед за вами.

Пахлеваны пошепту сказали друг другу:

— Один из нас впереди Давида пойдет, а другой сзади. Как дойдем до середины моста, схватим Давида — и в воду!

Тут они обратились к Давиду:

— Давид! Один из нас пойдет впереди тебя, другой сзади, а то ну как ты от страха свалишься в реку!

— Пусть будет по-вашему, — молвил Давид, а сам подумал: «Почему это они оба шли до сих пор впереди меня, а сейчас один прошел вперед, а другой идет сзади меня? Что-то у них недоброе на уме!»

Дошли до середины моста. И тут пахлеваны схватили Давида за руки — один спереди, другой сзади.

— Зачем вы меня схватили? — спросил Давид. — Ой-ой-ой! Вы хотите меня в реку бросить?

— Да, хотим, — отвечали пахлеваны, — иначе поступить мы не можем. Царь велел тебя порешить, в реку бросить.

— Что я сделал Мсра-Мелику? — воскликнул Давид. — Я не зарился ни на землю его, ни на воду его, ни на его сокровища, ни на царский его престол. Что он мне дал и чего не может получить обратно?

— Этого мы не знаем, — отвечали пахлеваны. — Он приказал тебя порешить, в реку бросить. А не то Мсра-Мелик головы нам обоим снесет.

— Так вы и впрямь собираетесь меня утопить? — спросил Давид.

— Вот ей-богу, нам велено тебя умертвить! — отвечали пахлеваны.

Тут Давид схватил одного из них правой рукой, другого — левой, друг о друга ударил и, держа их на весу по обе стороны моста, сказал:

— Не умеете вы бросать людей в реку. Вот я вам сейчас покажу, тогда вы научитесь.

Пахлеваны в ужасе завопили:

— Давид! Ради бога, не бросай нас в реку! Собачий сын Мсра-

Мелик силком заставил нас пойти с тобой и доро́гой тебя умертвить. Это мы из страха перед ним подняли на тебя руку. Ведь мы еще отцу твоему служили, Львораздирателю Мгеру. Он нас поил-кормил. Когда же твой отец умер, Мсра-Мелик пошел войной на Сасун, взял нас в плен и заставил служить ему. Смилуйся над нами, не губи ты нас! Раз ты такой силач-богатырь, отныне мы будем служить тебе. В память отца твоего пощади нас, Давид!

Давид поднял перепуганных пахлеванов повыше, затем поставил на мост и сказал:

— Ну, коли так, пойдемте со мною в Сасун!

Тут все трое расцеловались и двинулись по дороге к Сасуну.

Часть вторая

ДАВИД-ПАСТУХ

Давид с двумя пахлеванами дошел до сасунской границы, остановился, поглядел-поглядел и воскликнул:

— Эй вы, горы, Сасунские горы! Это вы?

Пастухи и подпаски бросили свои стада, пошли посмотреть на Давида, узнали, что он из рода богатырей. Давид поздоровался с ними, сказал, что идет к себе на родину, в Сасун. Пастухи друг друга локтем толкнули:

— Это, верно, и есть сын Львораздирателя Мгера, о котором всюду гремит молва.

Молодой пастух оставил свое стадо на товарища, а сам в город побежал, чтобы как можно скорее радостную весть принести Горлану Огану.

В ту ночь Горлан Оган видел сон: Сасуна стена нерушимо стоит, сасунский светоч ясно горит, сасунский сад зеленеет-цветет, соловей сасунский поет.

Проснулся Горлан Оган — скорей жену будить:

— Вставай, Сарья! Уже рассвело! Вставай, я сон видел! Верно, наш мальчик Давид скоро придет к нам в Сасун.

Сарья, не поднимая головы, сказала:

— Что ты мне спать не даешь, старик?

Огорчился Горлан Оган.

— Ах, жена! — молвил он. — Сейчас видно чужачку! Не болит у тебя сердце за Сасунское царство. Вставай! Послушай, какой сон мне приснился! Сасуна стена нерушимо стоит, сасунский светоч ясно горит, сасунский сад зеленеет-цветет, соловей сасунский поет... Уж, верно, наш мальчик Давид скоро придет к нам в Сасун!

Горлан Оган встал и оделся. В это самое время вбежал к нему вестник-пастух.

— Доброе утро, дядя Оган! — молвил он. — Я к тебе с превеликою радостью. Знай, что сюда идет мальчик-богатырь! Давид сюда идет!

Сердце у Горлана Огана запрыгало от восторга. Позвал он Кери-Тороса и всех сасунских князей. Все сасунцы собрались на площади перед дворцом. Кери-Торос обратился к народу:

— Гей, сасунцы! Бог сына нам подарил, пришел светоч сасунского царства. Пойдемте навстречу Давиду.

Князья сасунские, а с ними горожане и поселяне пошли Давида встречать. Всем хотелось поскорей увидеть, как выглядит отпрыск Мгера. Дошли до границы сасунской, смотрят — три незнакомца с пастухами беседуют.

— Э, да где же Давид? Который из них Давид? — спрашивал народ.

Горлан Оган еще издали различил: между двух пахлеванов юный богатырь стоит.

— Кери-Торос! — сказал он. — Верно, это и есть шальный Давид наш.

Подошел, спросил:

— Паренек! Ты откуда?

— Я из Сасун-города, — отвечал тот.

— В Сасун-городе я тебя не встречал. Есть у тебя в Сасуне родня?

— Моя мать, Исмил-хатун, говорит, что у меня тут два дяди, — отвечал Давид.

— Как их зовут?

— Старшего — Верго, младшего — Горлан Оган.

Тут Горлан Оган крепко обнял Давида, поцеловал его в обе щеки и сказал:

— Ах, родной мой Давид! Так это ты? А я — твой дядя, Горлан Оган.

У Давида обувь была стоптана, чулки порваны, сам он был голоден, и рассудок у него слегка мутился, оттого что ел он, не разбирая, всякую траву.

Горожане и поселяне здоровались с ним за руку, приветствовали его, «Добро пожаловать!» ему говорили, а Давид задумчиво шел по дороге, и невдомек ему было, что все эти люди — сасунцы, что они вышли ему навстречу, что они его чествуют. Задумчиво шел Давид по дороге. И все стеснялся сказать, что он голоден.

Народ, ликуя, шествовал вслед за Давидом.

Горлан Оган остановился, еще раз Давида в обе щеки поцеловал и воскликнул:

— Гей, сасунцы, братья мои и сестры! Вам нынче радость, и нам нынче радость! Явился светоч Сасунского царства, наш единородный Давид.

Горлан Оган, Кери-Торос и весь сасунский народ привели Мгерова сына в город, привели в ту палату, где когда-то сидел на престоле Мгер. Сели, вина выпили, оленьего мяса отведали, радовались, ликовали. Поцеловали Давида раз, поцеловали еще раз, поцеловали еще раз, еще раз... Затем один за другим поднялись, попрощались и по домам разошлись.

Давид и Горлан Оган остались одни.

— Ну, дядя, как поживаешь? — спросил Давид.

— Слава богу, родной, — отвечал Оган. — По милости божией и чудотворною силой могилы отца твоего живем помаленьку.

В Сасун-городе жил хромой поп. Горлан Оган Давида к нему привел и сказал:

— Батюшка! Научи нашего Давида псалмы читать.

— Отчего же не научить? — отвечал хромой поп.

Прошло некоторое время. Однажды Давид сказал:

— Дядя Оган! Я ничего не делаю, только псалмы читаю — пустая это жизнь. Ты большой человек, в городе все тебя чтут, придумай мне

какое ни на есть занятие — я хочу трудиться и трудом зарабатывать себе на жизнь.

— Чем же ты хочешь заняться, родной? Наше дело — хлебопашество. К хлебопашеству руки твои не приучены.

— Ничего! Поработаю — научусь!

Горлан Оган вышел на площадь и обратился к отцам города:

— Дозвольте нашему Давиду заняться хлебопашеством — пусть трудится и зарабатывает себе на жизнь.

Отцы города посоветовались между собой.

— Давид еще мал, — сказали они. — Пусть пока пасет сасунских ягнят.

Горлан Оган воротился домой, спросил:

— Давид! Ягнят станешь пасти?

— Отчего же? Ты хорошо сделал, дядя, что отдал меня в пастухи.

Наутро Горлан Оган встал, пошел к кузнецу, велел ему изготовить пару стальных сапог, стальной посох выковать, все принес домой и отдал Давиду.

— Завтра, племянник, встань на зорьке, — сказал он, — выведи ягнят и гони их на Сасунскую гору — там и паси. А в полдень пригони стадо к роднику и жди там меня — я тебе поесть принесу.

На зорьке Давид стальные сапоги надел, вышел на окраину, крикнул:

— Эй! Все, у кого есть ягнята, все, у кого есть козлята, гоните их сюда — я буду пасти их в горах!

Горожане выгнали ягнят и козлят.

Давид собрал их всех в стадо и хотел уже гнать на пастбище. Но горожане как увидели, что за ручищи у Давида и какой у него посох, испугались не на шутку.

— Мы боимся, Оган, — сказали они, — как бы Давид стальным своим посохом не перебил наших ягнят и козлят.

Горлан Оган обратился к Давиду:

— Давид, голубчик, смотри не перебей стальным своим посохом ягнят и козлят наших горожан.

— Эх, дядя! Да что я, рехнулся?

Поднялся Давид вверх по склону горы и до полудня пас свое стадо. Наелись ягнята и козлята. Давид загнал их в пещеру, а сам лег у подножья отвесной скалы и уснул.

Много ли, мало ли спал Давид, неизвестно. Проснулся, глядь-поглядь — пещера пуста. Посмотрел Давид туда — нет ягнят, посмотрел сюда — нет козлят, исчезли бесследно. Вскарабкался Давид на вершину скалы, крикнул:

— Эй вы, горы, Сасунские горы! Где мои ягнята? Где мои козлята?..

От Давидова рева гром пошел по горам и ущельям. Лисицы, зайцы, куницы — все, сколько их ни было, — кто из-под камня, кто из-под куста выскочили — и бежать!

Удивился Давид:

— Ну и ну! Как шибко бегают мои козлята!

Припустился он за ними вдогонку, всех словил — кого под камнем, кого под кустом, — словил, пригнал, в пещеру загнал вместе с ягнятами.

Горлан Оган принес Давиду поесть, смотрит: стальные сапоги у него стоптаны, стальной посох у него сбит.

— Давид, родной ты мой! — молвил дядя. — Что же это такое? Если мы каждый день будем тебе стальные сапоги изготавливать и стальной посох выковывать, то весь твой заработок только на это уйдет. Какая же нам-то от этого польза?

— Ах, дядя! — со вздохом сказал Давид. — Нынче я так много бегал, что стоптал сапоги. Завтра я не стану ягнят пасти.

— Что, Давид? Как видно, стадо-то пасти не сладко?

— Сладко, дядя, клянусь тебе богом, сладко. Бурые ягнята и черные козлята — тихие, смирные. С ними я хорошо справляюсь. Но рыжие, пышнохвостые, длинноухие всю душу мне вымотали: бегут, бегут — никак их не остановишь.

Удивился Горлан Оган.

— А разве есть у тебя, Давид, рыжие, пышнохвостые, длинноухие козлята?

— Есть, дядя, есть, да еще как много!

— Неужто? — изумился Горлан Оган. — Ну-ка выгони ягнят из пещеры — я на них погляжу.

Вошел Давид в пещеру да как стукнет посохом об этот камень,

об тот, да как крикнет — все куницы, зайцы, лисицы повыскачили и удрали.

Вышел Давид из пещеры.

— Эй, дядя! — молвил он. — Что ж ты козлят моих упустил?

— Чудной ты, Давид! — молвил Горлан Оган. — Какие же это козлята? Это — зверье, пусть себе бегут!

Давид рассердился:

— Ай-ай-ай!.. Упустил ты моих козлят! Хозяева спросят, где их козлята, что я им отвечу?

Опять помчался Давид по горам и ущельям догонять удиравших зверей. И до того он их загонял, до того он их заморил, что они языки повысунули от усталости. Давид всех переловил, привел и сбил в одно стадо с ягнятами.

— С этими дохлыми тварями не отдохнешь, куска хлеба не съешь, — сказал он.

Вечером Давид погнал ягнят и козлят к городу и, дойдя до окраины, крикнул:

Забирайте скорее ягнят и козлят!

Я замучился с ними, я жизни не рад.

У кого был один — тем я десять пригнал,

У кого было десять — тем двадцать пригнал.

Горожане отовсюду набежали, ягнят и козлят своих забрали, увели, да еще каждый в придачу, кто сколько мог, куниц, зайцев, лисиц с собой утащил. Зайцев порезали, съели, из лисиц и куниц шубы сшили, шубы на себя надели.

С той поры сасунцы приучились охотиться за зайцами, мясо их в пищу употреблять, а из шкур лисиц и куниц шили себе шубы.

Вечером Горлан Оган созвал отцов города.

— Плохо дело, — сказал он им. — Давид козлов от зайцев не отличает, все время гоняется за зверьем, за день пару стальных сапог изнашивает. Прошу вас, подыщите Давиду другое занятие.

Подумали отцы города и говорят:

— Да, джаным. Не оставил он в горах ни зайцев, ни лисиц. Всю дичь перевел.

— Так что же нам делать с Давидом?

— Пусть пасет буйволов и коров.

Утром Оган пошел к кузнецу, заказал Давиду стальные сапоги и стальной посох. Давид вышел на окраину.

— Гей вы, владельцы коров и буйволов! — крикнул он. — Гоните скотину сюда, а я ее на пастбище погоню. Я не буду больше пасти агнят и козлят. Гоните буйволов и коров!

Горожане пригнали скот.

Давид выгнал стадо в поле.

Стадо он пустил пастись, а сам растянулся под обломком скалы и уснул. Много ли, мало ли спал Давид, неизвестно. Проснулся, глядь-поглядь — нет стада. Пока он спал, буйволы и коровы взобрались на гору и разбрелись по нагорному лесу да по теснинам. Давид — туда-сюда, наконец влез на высокую скалу и во всю мочь крикнул:

— Эй вы, горы, Сасунские горы! Где мое стадо?

От Давидова рева гром пошел по горам и ущельям. На этот раз из берлог, из логовищ выскочило видимо-невидимо волков, медведей, тигров и львов.

— Ах, чтоб их черт побрал! Опять удирают!..

Припустил Давид за зверями и так долго бегал, так долго за ними гонялся, что они языки повысунули от усталости и остановились. Давид волков словил под кустами, медведей в пещерах, тигров на горах, львов во рвах, поймал и смешал со своим стадом. А тем временем буйволы и коровы уже наелись, спустились с горы в поле, воды в реке напились и разлеглись на берегу.

Все поле усеяно было зверями. Друг друга они не трогали — Давида боялись. Чуть только кто кого укусит — Давид схватит обидчика и с такой силой швырнет, что тот сквозь землю провалится.

В полдень дядя принес Давиду поесть, смотрит — поле дикими зверями усеяно. У Горлана Огана желчный пузырь лопнул от страха.

— Давид! Что ты наделал? — еще издали крикнул Оган.

А Давид как ни в чем не бывало ему ответил:

— Я стадо на водопой пригнал, дядя Оган. Проголодался. Ты мне поесть принес?

— Подойди ко мне и возьми. Я ближе не подойду.

— Почему, дядя?

— Чудак человек! Ты тигров и львов, сколько их ни есть, пригнал, со стадом смешал и еще спрашиваешь, почему я не подхожу?

Давид подошел, взял еду и вернулся к своему стаду.

А Горлан Оган скорым шагом пустился назад и, дойдя до Сасуна, вскричал:

— Гей, сасунцы! Запирайте городские ворота, запирайте двери ваших домов! Давид всех волков, медведей, тигров и львов, сколько их ни есть, поймал, со стадом смешал, вечером в город пригонит. Запирайте двери, спасайтесь!

Вечером Давид погнал стадо к городу и, придя на окраину, крикнул:

Я на гору взбирался, спускался в ров —
Все искал ваших буйволов и коров.
У кого был один — тем я десять пригнал,
У кого было десять — тем двадцать пригнал.

Никто не идет за скотиной. Давид снова позвал, снова закричал во всю мочь, но город был нем, городские ворота были на запоре.

— Придете за скотом — добро пожаловать! — сам с собой заговорил Давид. — Не придете — пошли вы ко всем чертям!.. Вот и делай людям добро! Я им с гор и из ущелий пригнал столько крупных коров, а они ворота захлопнули перед самым моим носом, не идут за стадом, а мне домой из-за них не уйти, не поспать...

Сказавши это, Давид лег прямо наземь, шапку под голову положил, уснул и проспал до утра.

Раным-рано проснулся, видит: дикие звери убежали в горы, остались коровы да буйволы. Давид вновь кликнул клич. Горожане встали, дрожа от страха, отворили двери, пошли за своими буйволами и коровами и пригнали их домой.

— Э-эх! Чудные вы люди! — промолвил Давид. — Вовремя не пришли — тучные коровы успели удрать, остались лишь тощие.

Пошел Давид к хромому попу, весь день псалмы читал, вечером пришел домой и завалился спать, с тем чтобы на заре снова выгнать стадо на пастбище.

Отцы города пришли к Горлану Огану.

— Брат наш Оган! — сказали они. — Опять бог знает что вышло.

Ваш Давид и впрямь дурачок — коров от медведей не отличает. По его милости нас растерзают тигры и львы. Наши жены и дети от страха умрут.

Речи эти дошли до слуха Давида. Рассердился Давид:

— К чертям ваше стадо! Больше я вам не пастух.

А Горлан Оган ему на это сказал:

— Когда так, я тебя больше не стану кормить. Иди на вое четыре стороны!

Обиделся Давид. Вышел из города, лег под большим камнем, призадумался и незаметно уснул.

Утром Кери-Торос пришел в город, спросил:

— Где мальчик наш? Где Давид?

В городе все мужчины Давида бранили, все женщины проклинали.

Пошел Кери-Торос Давида искать. Вышел из города, смотрит — спит мальчик под камнем; ни подушки под головой, ни одеяла сверху. Кери-Торос так пнул его ногой, что будь то не Давид, а кто-нибудь еще, ушел бы он в землю на семь кангунов, уж вы мне поверьте!

Пробудился Давид.

— Эй, Кери-Торос! — молвил он. — За что ты меня ударил?

— А что ты наделал, безумец?

— Ей-богу, я не виноват. Лохматые коровы бросились бежать со всех ног, и я их побил. Горожане осерчали и отняли у меня стадо.

— Эх ты, блажной! Сумасброд ты сасунский, вот ты кто! Слушай, мой мальчик. Те, что со всех ног удирают, пусть бегут себе в горы, а тех, что не шибко бегут, собирай и гони впереди себя в город. Понял? А ну вставай, вставай, идем! Я уговорил отцов города, чтобы они опять взяли тебя в пастухи.

— Нет, Кери-Торос, — молвил Давид. — Я в этом городе не останусь. Укажи мне какой-нибудь другой город, туда я и пойду.

Кери-Торос увел Давида к себе.

ХАРИСА И ДЭВЫ- РАЗБОЙНИКИ

Одно время прошло, другое время пришло.

Стояла весна. Ранняя стояла весна.

— Кери-Торос! — молвил Давид. — На дворе весна. Пора пахать, пора сеять, пора стадо выгонять на пастьбу, пора пастухам приниматься за дело. Нас сорок едоков, сидим мы на твоей шее. Неужто обязан ты всех нас кормить? Отдай нас в работники. Авось заработаем на кусок хлеба.

— Ну и шутник же ты, Давид! — сказал Кери-Торос. — Какой из тебя работник?

— Чем же я не работник? — с сердцем сказал Давид.

Кери-Торос рассмеялся.

— Э, да отстань ты от меня, сумасброд! Подумаешь, работник! Слушай, малый: если даже ты целый год погоняешь стадо и зарабатываешь мерку проса, если даже я свезу просо на мельницу, смею и муку домой привезу, если даже тетка твоя из той муки хлеб испечет и достанет его из тонира, если даже ты хлебец мне дашь и скажешь: «Кери! Это я заработал, на, поешь!» — и тогда я тебе не поверю!

Обиделся Давид, осерчал.

— Ах, так ты мне не веришь, Кери-Торос? Веди меня куда хочешь, отдавай в пастухи.

Кери-Торос знал: Давида не переупрямить. Взял он с собой Давида, пошел в соседнее село Дашту-Падриал, отдал Давида в пастухи и сказал ему в назиданье:

— Гоняй, милый, стадо за Сасун-гору, — там есть пастбище, там Белый камень, а под камнем родник. Паси скот до полудня, а потом пригоняй его к роднику на водопой. Но смотри не гонись за теми, что шибко бегут!

— Не погонюсь, Кери-Торос, — молвил Давид. — Теперь я уже знаю: быстробегающие — то не домашние животные, а дикие звери. Ну и пусть убираются к черту!

— Вот молодец! — сказал Кери-Торос и, поцеловав Давида, пошел домой.

На заре Давид погнал сельское стадо за Сасун-гору. Стадо пустил пастись, а сам срезал себе дубинку, положил на плечо и стал впереди стада.

Так Давид пас свое стадо до самого обеда, затем пригнал его к роднику, напоил, а потом в село пригнал. Сельчане диву дались.

— Давид! Ведь еще только полдень. Чего ж ты стадо домой пригнал?

— А когда же пригонять? — спросил Давид.

— Вечеру, — отвечали они, — на закате солнца.

На утренней заре опять выгнал Давид стадо на пастбище. Смотрит: еще семь стад пригнали сюда из других сел. Он возьми да и смешай все семь стад со своим стадом.

Подошли к нему пастухи из тех семи сел и спросили:

— Давид! Зачем ты наши стада со своим стадом смешал?

— Что такое? Ваши стада? — переспросил Давид. — Да нет, это из моего стада скотина тут ночевала.

— Нет, Давид-джан, — возразили пастухи. — Это наш скот, а не твой. Твое стадо — из одного села, наши — из других.

— Коли так, — молвил Давид, — давайте брататься!

Побратались.

— Давид! — сказали пастухи. — Мы тебе сплетем навес из ветвей, а ты ложись и спи. Мы постережем твоё стадо до вечера, а вечером ты его утонишь домой.

— Нет, ребята; — молвил Давид, — нынче весна, скот отощал, дожди идут, всюду невылазная грязь, — скотина завязнет, погибнет. Мне спать нельзя — я должен скот из грязи вытаскивать.

Давид каждый день семь, а то и восемь животных из грязи вытаскивал. Свяжет корове ноги, под веревку дубину проденет, взвалит корову на спину и притащит в село. Хозяйки благословляли Давида, говорили:

— Коль трудился — будь сыт, а и не трудился — все равно будь сыт!

Угощали они Давида на славу. Давали ему хлеба, яиц, яичницей его кормили, следили, чтоб он всегда был сыт. Все село не могло нахвалиться Давидом.

— Не бывало еще у нас таких пастухов! — говорили селяне.

А Давид так усердно пас сельское стадо, что за весну животные жиру нагуляли, откормились. Коровы много молока давали, волы пахали без усталости.

Однажды Давид гнал стадо домой, смотрит — высокая скала сорвалась с Сехансара и катится вниз. Чуть стадо не задавила и не пошла на село. Давид подбежал и обеими руками схватил скалу. Скала осталась и застыла на месте. Отпечаток ладони Давида остался на камне. С той поры камень этот так и зовется: Давидов камень.

Пришел богородичный праздник.

В этот день сасунцы идут в монастырь Богородицы-на-горе богу молиться. Кто побогаче, тот заказывает обедни, молебны о ниспослании урожая, харису варит, а как служба отойдет, все богомольцы идут к нему есть харису.

В день праздника Давид свое стадо на зорьке угнал в горы, досыта накормил, а затем пригнал к Белому камню. Пастухи из семи сел были уже в сборе. Они смотрели, как сасунцы — и стар, и млад, и князя и простые крестьяне — взбирались на вершину горы.

— С самого утра всё идут и идут... — молвил Давид. — И куда это они идут? Что там, на верху горы?

— Нынче праздник, Давид-джан, — отвечали пастухи. — Они идут богу молиться. Прогневался на нас господь, засуху послал. Они войдут в храм божьей матери, в жертву скот принесут, сварят харису, сыграют на зурне, станут бить в бубен, потанцуют, харису съедят — и по домам.

Один из пастухов вздохнул:

— О-хо-хо! Мы вот тут от скота не можем на шаг отойти, а они

харису едят. Сходил бы кто-нибудь из нас в монастырь и принес харисы — мы бы хоть по ложке съели!

Пастухи переглянулись. Никому не хотелось идти за харисой. Наконец Давид сказал:

— Вы мое стадо постерегите, а я пойду. Столько харисы принесу, чтобы каждый из вас до отвала наелся. Но если из моего стада хоть одним хвостиком убавится, я всем семерым снесу головы.

Ну кому же из пастухов не жалко своей головы?.. Сидят они в страхе, глядят, чтобы ни одним хвостиком в Давидовом стаде не убавилось.

Давид поднялся на гору, подошел к монастырю, спросил, где варят харису.

— Во-он там! — указали ему.

Пошел Давид, смотрит: на тонире котел о семи ушках стоит, хромая женщина в котле харису помешивает.

— Нанэ! Дай мне чуточку харисы, — попросил Давид. — Вон там, у Белого камня, собрались пастухи из семи сел. В селе нет никого бедней пастуха. Дай мне самую малость харисы — я снесу пастухам, и мы поедем за твое здоровье.

— Пошел прочь, сумасброд сасунский! — крикнула женщина. — Разве ты не знаешь, что служба в церкви не кончилась? погоди, выйдет народ из церкви, придет священник, освятит харису — вот тогда и поедем.

— Нанэ! — молвил Давид. — Я свое стадо бросил на тех пастухов. Боюсь, они недоглядят и скот потравит луга и посева. Некогда мне ждать, дай харисы!

— Не дам, — отрезала хромая женщина. — Пока священник не придет, харису не освятит — не дам. Придут богомольцы, поедят, остатки тебе отдам, а ты их пастухам отнесешь.

— Нанэ! — сказал Давид. — Остатки собакам бросают.

Разозлился Давид, снял с тонира котел, продел дубинку в ушки, весь хлеб сунул себе под мышку, а еще взял он у женщины семь ковшей.

— Это у нас будут ложки, — сказал он. — А теперь да примет господь вашу жертву! — примолвил Давид и семимильными шагами к пастухам зашагал.

Хромая женщина в церковь вбежала и завопила:

— Эй, люди! Иль вы не чувствуете? Сасунский сумасброд Давид сюда приходил, харису, хлеб — все забрал и унес!

— Пойдем отколотим сасунского голяка, харису у него отберем! — загомонила толпа.

Но тут вмешался один старик.

— Не советую я вам, добрые люди, с ним связываться, — молвил он. — Давид — сын Мгера; он сумасброд, но и богатырь. Коли хватит у вас сил котел о тридцати ушках втроем поднять, тогда идите на Давида, а не хватит — лучше не ходите: разгромит он вас, искалечит, опозорит. Жалко мне вас!..

Пришел Давид к Белому камню, котел с харисой поставил на травку, хлеб положил тут же и крикнул пастухам:

— Ребята! Идите харису есть!

Пастухи сидят ни живы ни мертвы, к харисе не подходят, не едят.

— Те-те-те! — сказал Давид. — Знаю я, отчего вы носы повесили: я харисы принес, хлеба принес, а соли и масла взять позабыл. Нету у нас ни масла, ни соли... Ну что ж, сейчас поешьте харисы, а вечером придете домой, масла и соли поедите в прибавок.

Один из пастухов ему на это сказал:

— Нам не до харисы, Давид, нам не до соли и не до масла! Как нам не вешать носы? Когда ты ушел на святую гору, пришли сюда сорок дэвов-разбойников и сорок коров из стада угнали.

— Вот тебе раз!.. — воскликнул Давид. Призадумался, но тут же встряхнулся и сказал пастухам: — Ничего, ребята, ешьте харису, а я побегу за дэвами. Куда они коров повели?

— Во-он туда! — молвили пастухи. — Гору перевалили.

Давид с дубинкой на плече двинулся в путь, перевалил гору. Шел, шел, пока не дошел до незнакомой горы. Смотрит — из пещеры дым валит. Давид пошел прямо на дым и дошел до пещеры. Что же оказалось? Дэвы сорок коров сюда привели, прирезали, мясо побросали в котел о сорока ушках, котел над костром подвесили, и в котле забурлила вода.

Схватил Давид котел о сорока ушках и прямо на огонь опрокинул. Потом собрал все сорок коровьих шкур, в котел побросал, подошел к пещере, заглянул внутрь. Смотрит: все сорок дэвов здесь собрались.

Кто на ковре разлегся и спит, кто на зурне играет, кто свою палицу чинит.

Завращал глазами Давид, огляделся по сторонам, повернулся, пошел прочь от пещеры. Схватил огромный утес, тем утесом завалил вход в пещеру, чтобы дэвы не вышли, не убежали, и закричал грозным голосом. Крик его на дэвов ужас навел. Старший дэв сказал:

— Ой, беда! Это Мгеров сын, Давид Сасунский. Вставайте, поклонитесь ему, в верности поклянитесь, а не то он нас всех перебьет!

Дэвы стали по одному выходить. Давид всем им шеи свернул, головы пооторвал, побросал. Всем сорока уши поотрезал, в одну яму швырнул, а сам в пещеру вошел. Одна комната в этой пещере была полна золота, другая полна серебра, в третьей высились горы драгоценных камней. С тех пор как скончался Мгер, дэвы много раз на Сасун нападали, грабили его, добычу свозили сюда и сваливали в этой пещере.

— Ой-ой-ой!.. — молвил Давид. — Это же все наше, сасунское добро!

Прошел он еще в одну комнату, а там был привязан красивый жеребенок.

— Хорош! — сказал Давид; остановился, оглядел жеребенка, мысленно распределил добычу, пастушескую свою суму наполнил золотом, вышел из пещеры, продел дубинку в ушки котла, котел взвалил на спину и пошел туда, где варили харису. Там он вдоволь наелся харисы, собрал селян из семи сел и обратился к ним с такими словами:

— Тише! Слушайте, что я вам скажу! Этот большой котел я даю вам взамен малого вашего котла. Возьмите золото и распределите между собой — это вам возмещение за коров, которых дэвы угнали и зарезали. А вот вам шкуры сорока ваших коров. Но только вы эти шкуры себе не берите! Отдайте их бедным — пусть обувь себе из них сделают, пусть носят и молятся за упокой души моего отца. Горе вам, — добавил Давид, — если вы у братьев моих, пастухов, отымете хоть одну горсть проса, которое им причитается за работу, — Давид разрушит ваши дома!

Селяне в один голос ему ответили:

— Да что ты, бог с тобой! Не обидим мы твоих братьев, иди себе с миром!

...Давид пошел к пастухам, отделил свое стадо, пригнал его в Дашту-Падриал.

— Забирайте скотину! Больше я вам не пастух! — крикнул он.

Хозяева разобрали скот, а Давид отправился в Сасун, пошел прямо к Кери-Торосу и спросил:

— Кери-Торос! Сколько мужчин у нас в доме?

— Вместе с тобой, если и тебя за мужчину считать, будет сорок мужчин, — отвечал Кери-Торос.

— А сколько чувалов у нас?

— Вместе с твоим, если и твой чувал чувалом считать, будет сорок чувалов.

— Кери-джан! — молвил Давид. — Ты только не сердись. Созови всех мужчин, мы возьмем сорок чувалов и пойдем за золотом.

— А, пошел ты, собачий сын! — прикрикнул на Давида Кери-Торос. — Ты горсточку проса домой не принес, где же ты возьмешь сорок чувалов золота?

— Кери! — молвил Давид. — Я столько золота принесу, что ты и сам будешь жить не тужить, и семь нисходящих колен твоих будут жить в свое удовольствие. Да и потом, до каких пор мне в пастухах-то ходить?

Рассердился Кери-Торос.

— Полно тебе, малый, вздор городить! — сказал Кери-Торос.

Разгневался Давид. Развязал пастушескую свою суму и высыпал золото к ногам дяди.

Диву дался Кери-Торос.

— Ой, Давид, свет очей моих! Неужто ты сорок дэвов убил?

— Вот ей-богу, убил! — отвечал Давид.

Все сорок мужчин взяли сорок чувалов, вывели из стойл сорок мулов и пошли. Вел, вел сасунцев Давид, перевалил через гору Сехансар и привел к пещере дэвов. И тут все увидели мертвых дэвов. Распухли дэвы и стали похожи на Похский холм.

Пачкун Верго вывел своего мула из каравана и дал тягу. Вслед за ним и другие, как увидели мертвых дэвов, собрались было дунуть, но Давид остановил их:

— Куда вы, дурачье? Я от живых дэвов не убежал, а вы от мертвцов удираете? Не бойтесь! Я их всех до одного уложил. Коли не верите, поглядите на их отрезанные уши!

Беглецы повернули назад и увидели: глубокая яма доверху набита отрезанными ушами сорока дэвов.

Тут все приободрились и погнали мулов к пещере. Давид отвалил от входа в пещеру утес, взял с собой Кери-Тороса, Горлана Огана, Пачкуна Верго и вошел в пещеру. Как увидели Давидовы спутники груды золота, ошалели от радости, ног под собою не чувят. Забрали все, сколько там его ни было, золото, серебро, драгоценные камни, набили чувалы, навьючили мулов и возвратились в Сасун.

Теперь сундуки у сасунцев ломались от сокровищ.

В море золота плавал Сасун.

А Давид, кроме жеребенка, ничего в добычу себе не взял.

Часть третья

ДАВИД-ОХОТНИК. САРЬЯ И САСУНСКАЯ СТАРУХА

С той поры как Давид перебил дэвов, стал он любимцем всего Сасуна. Горлан Оган достал для него лучшего сокола.

— Сыну Мгера не подобает стадо пасти, — сказал он. — Езди-ка, мальчик, на охоту!

Давид сокола взял и начал ездить в поля на охоту, убивал куропаток, перепелов, воробьев.

Жила в Сасуне старуха-ведунья. Был у старухи клочок земли, и на нем она сеяла просо. На старухином поле было видимо-невидимо куропаток, перепелов, воробьев. Вот как-то раз пошла старуха просо свое поглядеть, и что же она видит? Давид с соколом на руке на резвоном коньке за птицами охотится, просо топчет.

— Давид! — сказала она. — Что ты делаешь? Ты мое просо вытоптал. Чтоб ты пропал! Неужто ты будешь сыт воробьями? Кой тебе прок от воробьиного мяса? Коли ты охотник, так иди в горы. Разве мало там оленей, диких баранов? Убивай и питайся их мясом.

— Нанэ! — молвил Давид. — Ну хорошо, поеду я в горы, а как я дикого барана убью? Нет у меня хорошего лука.

— А разве у славного отца твоего не было лука и стрел? — спросила старуха. — Возьми отцовский лук и стрелы и иди на охоту.

— А у кого хранятся отцовский лук и стрелы?

— Спроси у своей тетки, у жены Огана, — отвечала старуха.

Давид воротился домой и спросил:

— Тетя! Где отцовский лук и стрелы?

— Ей-богу, не знаю, — отвечала Сарья.

Давид к старухе пошел.

— Нанэ! — сказал он. — Не знает тетка, где отцовский лук и стрелы.

— Знает! — молвила старуха. — Знает, сынок, да только не рассказывает. Возьми измором Сарью, и в конце концов она откроет тебе, где спрятаны отцовские стрелы и лук.

— Как же ее измором взять?

— Ступай раздроби камень, на огне накали и скажи Сарье: «Или съешь каменную эту крупу, или укажи, где отцовские стрелы и лук!»

Давид пришел домой, раздробил камень, каменную крупу на огне накалил, позвал Сарью и сказал:

— Тетя! Дай мне руку.

Давид был парень пригожий. Сарья-ханум давно на него заглядывалась. И сейчас она охотно протянула Давиду руку. Давид схватил ее руку и сказал:

— Говори: где отцовские стрелы и лук?

— Давид, ненаглядный ты мой, я знать не знаю, ведать не ведаю, про то знает твой дядя.

— И ты тоже знаешь, — не отставал от нее Давид. — Говори!

— Не скажу!

Взял Давид горсть раскаленной каменной крупы, высыпал ее Сарье на ладонь, сжал ей пальцы в кулак и сказал:

— Говори!

— Ой-ой-ой, Давид! — закричала Сарья. — Ой как жжет! Пусти, скажу!

Отпустил ее руку Давид, а Сарья:

— Не скажу!

Тогда он опять схватил ее руку, высыпал на ладонь каменную крупу, сжал ей пальцы в кулак.

— Ой-ой-ой, Давид! — закричала Сарья. — Скажу, скажу!.. Иди в сарай — там висят лук и стрелы твоего отца. Сходи за ними. Коль сумеешь натянуть тетиву, бери себе лук и ходи с ним на охоту, а коль не сумеешь, пускай лук висит там, где висел.

Принес Давид из сарая и стрелы и лук и в мгновение ока натянул тетиву. Подивилась Сарья.

— Мгер целый час мучился, прежде чем тетиву натянуть, — сказала она. — А ты только рукой шевельнул — и тетива уже натянулась. Ты сильнее отца, Давид. Возьми отцовский лук и отцовские стрелы — ты достойный сын своего отца!

Обрадовался Давид, взял отцовский лук со стрелами и пошел. И теперь он каждый день ходил на охоту.

Давид был юный красивый пахлеван. Жена Горлана Огана сохла по нем. Как-то раз не вытерпела она и сказала:

— Давид! Я хочу родить от тебя сына-богатыря.

Опешил Давид.

— Что ты, тетя? — сказал он. — Ты мне мать, я тебе сын.

Стала думать Сарья: «Как же мне быть?..»

Нагрела Сарья воды, унесла горячую воду в сарай, позвала Давида и попросила, чтоб он ей воду на голову лил.

Давид одной рукой воду льет, а другой рукой глаза закрывает, чтобы на нее не глядеть.

Вот вымыла Сарья голову, смотрит — Давид зажмурился. Распалась на него гневом Сарья, заголосила, стала на себе волосы рвать, лицо себе в кровь расцарапала, пошла домой и села у себя в горнице.

Пришел Горлан Оган.

— Эй, жена! Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Как же не случиться! — отвечала Сарья. — Я думала, ты сына мне в дом привел, не знала я, что ты мужа мне в дом привел.

— Что ты говоришь, жена?

— Что есть, то и говорю. Я голову мыла в сарае. Давид ворвался, облапил меня — насили-насили вырвалась я от него и убежала.

— Коли так, — рассудил Горлан Оган, — мы на ночь дверь от него запрем — пусть убирается вон.

Вечером воротился Давид домой, глядь — двери на запоре.

— Дядя! — сказал Давид. — Я мог бы сейчас ударить ногой, и ты, и твоя жена вместе со всеми вашими запертыми дверями провалились бы сквозь землю. Но я тебе мстить не стану: тебя, милый дядя, обманула блудница.

И пошел Давид к старухе — проситься переночевать у нее.

Горлан Оган всю ночь не спал, думу думал, а наутро сказал Сарье: — Ты солгала мне, жена, изгнала ты из моего дома светоч сасунский.

А Давид переночевал у старухи, утром встал, на охоту пошел.

Видит: воронья стая кружит над старухиным просом и знай клюет его да клюет. «Как тут быть? — подумал Давид. — Пусть я даже одной стрелой двадцать ворон убью, другие-то улетят?..»

Вырвал он с корнем тополь, да как махнет им через поле — все воронье вместе с просом смешал.

Пришла старуха на поле, глядит — ни одного колоска не осталось. И давай ладонями по коленям себя хлопать, и давай вопить:

— А, прах тебя возьми, Давид! Что ты со мной сделал?

— А что ж, по-твоему, нанэ? Я должен был смотреть, как воронье твое просо клюет?

— Чтоб тебе пусто было, Давид! Ведь ты все мое просо сгубил. Чтоб тебя господь огнем попалил, бессердечный заика, сумасброд ты сасунский! Твой отец, Львораздиратель Мгер, пока был жив, отца и мать заменял беднякам. Разве ты достоин называться его сыном? Что ты натворил? Я только надеждой на эту полоску проса и жила, а ты его сгубил! Чем же мы с дочкой будем теперь кормиться?

— Нанэ! Да ведь я... да ведь я ду-умал...

— Ду-умал, да и наду-умал... Чтоб тебя змея укусила!.. Если уж ты такой силач, чего на Цовасар не идешь?

— А что там такое?

— Там божья кара уготована для тебя!.. Разве ты не знаешь, что на Цовасаре охотился твой славный отец?

— Ну?

— Тпру!.. То место стеной обнесено. Там гибель медведей, волков, козуль, оленей, диких баранов — ведь им не выйти из-за стены. Мсра-Мелик отнял у нас Цовасар. Сасунцам воспрещено там охотиться. Почему бы тебе туда не пойти, не отбить ту гору, где охотился твой отец?

— Нанэ, золотая ты моя! — воскликнул Давид. — Почем же я знаю, где эта самая гора?

— Ты только знаешь, где мое просо, пугало ты воронье! Разве ты, окаянный, достоин называться сыном своего отца?

— Не проклинай меня, нанэ! Я еще молод, я сирота. Скажи мне лучше, как к Цовасару пройти.

— Иди и схвати дядю Огана за шиворот — пусть он проводит тебя на Цовасар.

Давид пошел домой, схватил дядю за шиворот.

— Дядя! Где гора Цовасар? Там охотился мой отец, проводи меня туда!

— Обманули тебя, мой милый, — сказал Горлан Оган, — не было у твоего отца такой горы.

— Нет, была! — вскричал Давид. — Не лги! Я знаю, что была. Ты должен сводить меня на Цовасар.

— Пусть язык отсохнет у того, кто тебе это сказал! — молвил Горлан Оган. — Знай, родной мой: после того как отец твой, Львораздиратель Мгер, вечным сном опочил, пришел Мсра-Мелик, захватил Цовасар и сказал: «Это место моей охоты!» Сказал и ушел. С той поры мы не смеем ходить на Цовасар.

— Дядя! Ты только путь мне туда укажи, я и один дойду, — молвил Давид. — Коли нагрянет туда Мсра-Мелик, так пусть он меня убьет, а не тебя.

— Давид, родной ты мой, — молвил Оган, — потерпи денек, завтра чуть свет я свожу тебя на Цовасар.

Осердился Давид:

— Нет, ты мне сейчас укажи дорогу к Цовасару! Не укажешь — клянусь хлебом, вином и господом вездесущим, я шею тебе сверну. Испугался Горлан Оган.

— Не сердись, родной, — сказал он, — я тебя сей же час свожу на Цовасар.

Пошли они на главную площадь. Там Кери-Торос беседовал с отцами города.

— Пусть отсохнет язык у того, кто проговорился Давиду про Цовасар, — сказал Оган. — Давид силком меня заставляет туда идти.

Обрадовались сасунские молодцы.

— Дядя Оган, возьми с собой и нас! — взмолились они. — Там, наверно, сейчас пропасть волков, медведей, козуль, диких баранов. Поглядим, как Давид будет их бить.

Давид взял отцовский лук, стрелы и сел на коня. Вместе с ним поехали на Цовасар Горлан Оган, Кери-Торос и сасунские молодцы.

Гора была обнесена высокой стеной.

— Дядя! Что это за стена? — спросил Давид.

— Эту стену, мой мальчик, воздвиг твой отец, чтобы звери не убежали, — отвечал Оган.

Давид поглядел вокруг, но входа так и не нашел. Тогда он вырвал с корнями кряжистый дуб, ударил в стену, одно звено повалил и переступил через него. Следом за ним перешли через поваленное звено стены и все его спутники.

Глазам их открылся зеленый лес, чистые родники, озеро с мраморными берегами. Много там было всякого зверя: медведей, волков, лисиц, много козуль, зайцев, оленей, диких баранов.

Сасунские молодцы хотели было убить дикого барана. Но Давид закричал:

— Эй, вы! Не смейте трогать зверей! Мой отец напрасно держал в плену, заточил в темницу богом созданных тварей — это грех на его душе.

— Давид, мальчик ты мой! — обратился к нему Оган. — Убей одного барана — мы его съедим. Ведь мы проголодались!

— Нет, дядя, не стану я убивать. Эти звери в темницу заключены. Разве можно убивать пленных? Пленного зверя любая старуха убьет. Мужчине подобает убивать свободных зверей.

Тут Давид кулаком ударил, ногой пнул, всю стену повалил, снял капу, в небо ее закинул.

— Гей вы, плененные звери! — крикнул он во весь голос. — А ну выходите и живите на воле!

Все звери и животные выбежали.

А Давид стал по горам и ущельям кружить, среди скал, среди рощ бродить, каждый кустик обшаривал и все приговаривал:

— А вдруг да остался какой ни на есть зверушка? Жалко ведь его!

Так всех зверей выпустил он на волю, а потом вернулся к сасунским молодцам и сказал:

— Ну, а теперь, кто из вас поудалей, можете охотиться.

Удалцы пошли на охоту, а кто посмирней, те с пустыми руками домой воротились.

Давид подстрелил диких баранов. Их прирезали около озера. Давид вошел в воду, искупался, вышел на берег, костер развел, баранов зажирили и съели.

ДАВИД ВОССТАНАВЛИВАЕТ ХРАМ, НЕКОГДА ВОЗДВИГНУТЫЙ ОТЦОМ ЕГО

Вечером Кери-Торос и сасунские молодцы в город направились.

— Давид! Все пошли домой, и нам с тобой пора, — сказал Горлан Оган.

— Нет, дядя, — возразил Давид. — Мой отец ступал по этим камням. Эту ночь я должен здесь провести. Хочешь, иди без меня.

— Нет, мой мальчик, — молвил Горлан Оган, — коли ты останешься, так останусь и я.

Взобрались Давид и Горлан Оган на высокую скалу, сели и окинули взором божий мир. От Сасунских гор до самого Диарбекира стлалась равнина. Когда мрак сгустился, Давид увидел: сколько звезд сияло на небе, столько огней в поле горело.

— Дядя! — спросил Давид. — Это что за огни?

— Это, мой мальчик, селения и пастбища. Это сельчане, пастухи и подпаски огни зажигают.

Оба легли спать.

Горлан Оган тайком подол Давидовой капы к себе притянул и подложил под голову, чтобы Давид ночью не скатился в пропасть.

Дядя уснул. А Давид все глядел на огни и думал, думал... Вот погасли один за другим огни, а на вершине горы призывно пылало красно-зеленое пламя... «Надо бы взглянуть, что это за огонь, — сказал себе Давид, — может, там люди есть?» Хотел Давид встать, да край его капы был у дяди под головой. Давид так рассудил: «Коли я его разбужу, он подумает, что я струсил...»

Ножом отрезал Давид подол своей капы, подол остался у дяди под головой, и пошел Давид прямо на красно-зеленое пламя. Пришел и

увидел мраморную гробницу. От гробницы красно-зеленый свет исходил и высился сводом над вершиной горы. Подошел Давид, дотронулся рукой до пламени, но не обжегся. Стал сыпать землю на пламя — оно не погасло. «Видно, это и есть Богородица-на-горе, про которую я столько слышал от людей», — подумал Давид. Оставил он на горе примету — провел луком черту, а затем к дяде спустился и окликнул его:

— Вставай, дядя, вставай!

Проснулся Горлан Оган и увидел, что Давид на ногах.

— Ах ты сумасброд несчастный! — сказал он. — Что еще с тобою случилось?

— Чудо случилось, дядя! — в восторге заговорил Давид. — Вон там, высоко-высоко, расколосся мрамор, из трещины исходит красно-зеленый свет и, точно свод, стоит над горой. Не веришь? Пойдем поглядим.

Привел Давид дядю к гробнице отца своего и спросил:

— Что это такое?

Заплакал Горлан Оган и сказал:

— Это, мой мальчик, могила отца твоего. Здесь некогда храм стоял, воздвиг его твой отец и назвал Богородица-на-горе. А когда твой отец, Львораздиратель Мгер, окончил дни свои, пришел Мсра-Мелик, ударил на нас, храм отца твоего разрушил до основания, сасунцев полонил, богатую взял добычу и ушел восвояси.

Зарычал Давид, точно лев молодой, пал на колени, подполз к могильному камню, поцеловал его, встал, луком вокруг гробницы черту провел, подошел к дяде и со слезами стал его умолять:

Дядя! Ты заменил мне родного отца.

Будь мне отцом родным до конца!

Дядя! Ты заменил мне родного отца.

Будь благодетелем мне до конца!

Пять тысяч работников надобно мне —

Воду возить, землю копать!

Каменотесов надобно мне,

Полтыщи мне надо — камень тесать.

Пятьсот мастеров надобно мне —

Стены из камня слагать, возводить,

Своды сводить, купол сводить!

— На что тебе столько, Давид? — спросил Горлан Оган.

— Дядя! — молвил Давид. — Я мысленно дал обет вновь построить

храм на месте воздвигнутого отцом моим и разрушенного Мсра-Меликом. Так и знай: если я не исполню обета, то мне больше не жить на свете. Завтра, еще до полудня, все эти люди должны быть здесь. Пусть придут и до вечера храм возведут, чтобы послезавтра можно было в храме обедню служить.

Горлан Оган знал, что Давид на ветер слова не бросает, что слово у него не расходитсЯ с делом. Он только с просьбой к нему обратился:

— Давид! Пойдем домой, отдохнем, а завтра я приведу столько работников и мастеров, сколько ты у меня просишь.

— Нет, — возразил Давид, — я останусь у могилы отца моего. Я до тех пор с вершины Цовасара не спущусь в город, пока храм в память отца не дострою. А ты, дядя, ступай набери столько чернорабочих и мастеров, сколько мне нужно, и приведи их сюда.

И тут Горлан Оган вспомнил свой сон, про который он Сарье рассказал: Сасуна стена нерушимо стоит, сасунский светоч ясно горит, сасунский сад зеленеет-цветет, соловей сасунский поет... Вспомнил свой сон Горлан Оган и подумал: «Уж, верно, Давид вызовет Сасун из-под Мсра-Меликовой власти! Дóлжно мне исполнить желание Мгерова сына».

— Будь спокоен, мой мальчик, — сказал он. — Меня недаром зовут Горлан Оган: мой голос сорокадневный путь пролетит, кликнет — и желанные твои работники и мастера услышат, придут. Убей шесть, а то и семь оленей, туши я унесу в город, задам сасунцам пир, и тогда работники и мастера налетят отовсюду.

Схватил Давид лук и стрелы, семь оленей убил. Оган туши на спину взвалил, в город спустился и кликнул клич:

Гей, сасунцы! Идите скорее сюда!
Светоч наш воссиял — идите сюда!
Мгеров сын — пахлеван в цветущей поре
Вновь взведет Богородицу-на-горе.
Кто верует в бога — придите помочь!
Кто слышит наш клич — придите помочь!
Пять тысяч работников! Кличу я вас —
Воду возить, землю копать,
Еще полтысячи — камень тесать.
Пятьсот мастеров нужны нам сейчас,
Стены из камня слагать, возводить,
Своды сводить, купол сводить.

Призыв Горлана Огана услышали семь городов. Чернорабочие и мастера — все, сколько их ни было в семи городах, — явились в Сасун. Собрались в покоях Горлана Огана, наелись, напились и двинулись к Цовасару — вновь строить храм Богородицы-на-горе.

Пришли, смотрят: Давид начертил, где быть храму, яму вырыл, положил в основание громадные скалы. Мастера диву дались: работники всем скопом не смогли бы сдвинуть с места ни одну из этих громадин.

Мастера поднялись на стену.

Крупные камни притаскивал Давид, мелкие камни притаскивали чернорабочие и передавали мастерам. Крупные камни складывал сам Давид, мелкие камни мастера складывали вокруг каменных глыб. Чернорабочие глину месили, мастерам ее подавали, мастера камни скрепляли, слепляли, кладку промазывали.

Ленивцы и те, глядя на Давида, на богатырскую мощь его и задор, стыдились лени своей, брали себя в руки и делали в семь раз больше, чем позволяли им силы.

Так трудились они до вечера и наконец достроили храм Богородицы-на-горе, восстановили его на прежнем месте — на вершине горы Цовасар.

— Дядя! — обратился к Огану Давид. — С мастерами и чернорабочими рассчитайся по-честному! Смотри никого не обижай!

На заре Горлан Оган отправился в город и привез оттуда на мулах три вьюка с золотом. Чернорабочим досталось по золотому на брата, а мастерам — по два, и все остались довольны. Мастера и чернорабочие поблагодарили сасунский царствующий дом и ушли восвояси.

Давид обошел снаружи весь храм, потом вошел внутрь, поцеловал крест и сказал:

Дядя, мне заменивший отца,
Будь отцом родным до конца!
Сорок послушников призови,
Сорок иноков призови,
Ровно столько ж попов призови,
Архимандритов сорок зови,
Архипастырей сорок зови —

пора свечи в храме зажигать, пора обедню служить!

Созвал Горлан Оган сорок послушников, сорок иноков, сорок свя-

щенников, сорок архимандритов, сорок епископов — все, как один, пришли, свечи зажгли, освятили храм Богородицы-на-горе и отслужили обедню.

Обрадовался Давид, душа его возликовала. Привел он сюда Батман-Буга и Чарбахар-Ками, поставил их стражами при входе в храм, определил им в день бурдюк масла да бурдюк меду на пропитание и дал такой наказ:

— Чужой злой человек придет — дверей не отворяйте. Паломник придет, нищий, голодный придет — двери откройте и накормите!

На рассвете Давид и Оган воротились в Сасун.

Восстановил Давид храм, некогда воздвигнутый отцом его, и остепенился. Он уж более не проказил, не обижал малышей, не грубил старшим, никому ничем не досаждал. Сасунцы говорили друг другу:

— Давид уже не шальной лоботряс. Он вылитый Львораздиратель Мгер, весь в отца пошел!

ДАВИД ИСТРЕБЛЯЕТ СБОРЩИКОВ ДАНИ

Дошла до Мсра-Мелика весть: «Давид взошел на Цовасар, снес воздвигнутую Мгером стену, восстановил тобою разрушенный храм Богородицы-на-горе, похвалялся: «Я Мсыру не данник. Мсыр — Мсра-Мелику, Сасун — Давиду Сасунскому!»

Как услышал про то Мсра-Мелик, озлился, брызнул слюной, с упреком обратился к Исмил-хатун:

— Ах, матушка! Хотел я убить подлого этого сироту, а ты не дала. А теперь видишь, что он натворил?

— Ничего, сынок, ведь вы — братья! — молвила Исмил-хатун. — Пускай Мсыр будет твой, а Сасун — Давидов! Ты на него войной не ходи! Вы — братья!

Созвал Мсра-Мелик меджлис, созвал мудрецов и обратился к ним за советом, как Сасун разорить, как с Давидом покончить.

Был в меджлисе удалой пахлеван по имени Козбадин. Встал он и речь произнес.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказал он. — Такому доблестному, славному и державному царю, как ты, не подобает самому идти войной на гура. Отряди со мной тысячу пахлеванов — я пойду к сасунцам.

Семилетнюю дань соберу я с них:
Одномастных коней, резвоногих, лихих,
Сорок золотом чистым набитых вьюков,
Сорок дойных коров, упряжных быков,
Сорок женщин высоких — верблюдов грузить,
Сорок ростом помене — чтоб жернов крутить,
Сорок дев, чтоб натешился ими ты всласть,
Сорок телок упитанных — и чтоб под масть!

— На придачу, — примолвил Козбадин, — убью шалого Давида, а его голову тебе в дар принесу.

— Нет, мне этого мало! — объявил Мсра-Мелик. — Разрушь Богородицу-на-горе, восстанови стену вокруг моего Цовасара.

Козбадин ему на это молвил с поклоном:

— Мой властелин! Раз ты повелел, считай, что Богородицу-на-горе я уже снес, а цовасарскую стену восстановил.

— Храбрый Козбадин! — сказал ему на это Мсра-Мелик. — Коли так, даю тебе полную волю: набери, сколько надо, войска, возьми, сколько надо, оружия, иди на Сасун, собери дань за семь лет, принеси мне ее, а на придачу — голову шального Давида, чтоб от сердца у меня отлегло. Добром отдадут — бери, не отдадут — Сасун разори, мешки с землею сасунской навьючь на сасунских коней, на сасунских беременных женщин сасунские камни навьючь и все это доставь в Мсыр.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказал Козбадин. — А мне что ты за это дашь?

— А чего бы тебе хотелось?

— Твоего коня-шестинога.

— Дам тебе моего коня-шестинога да еще полцарства в придачу.

— Уууххх!..

У Козбадина дух захватило от радости. Собрал он рать и во все концы разослал глашатаев, чтобы они славили нашествие его на Сасун.

Мсырские женщины хоровод стали водить, песню затянули:

Идет на Сасун удалой Козбадин —
Так ему повелел Мсра-Мелик-властелин.
У сасунцев отнимет он все их добро —
Мы разрядимся в золото и в серебро.
Много дойных коров пригонит он в Мсыр —
Будем масло сбивать и варить будем сыр,
Разорви, Козбадин, ты Давида в клочки,
И да будут все дни твоей жизни легки!

Одна мужа своего ругает на чем свет стоит, другая, глядя на нее, — единственного сына:

— А, чтоб ты подох! Чего дома сидишь, бездельник? Вставай, иди на войну, иди на Сасун, а домой возвращайся с добычей!

Жила-была в Мсыре старуха — ее когда-то давно из Сасуна сюда пригнали. Мыла она в ручье шерсть, смотрит — идет Козбадиново войско. Она и крикни ему вслед:

Эй, Козбадин, бахвал, хвастун!
Как зверь, ты мчишься на Сасун.
Коль на Давида нападешь —
Побитым псом домой придешь.

Козбадин меч выхватил, замахнулся на старуху. Тут женщины закричали, старуху обступили, сказали Козбадину:

— Ты что ж это, на беззащитной старухе удаль свою показываешь? Коли ты такой храбрый, поезжай, Давида лучше убей!

Козбадин и военачальники его — Чархадин, Бадин и Судин — с тысячью пахлеванов выступили в поход.

Дошли до сасунской границы, на поле Леранском разбили шатры. Взял с собой Козбадин военачальников своих, сорок могучих пахлева-

нов на сорока верблюдах, вступил в Сасун, вошел в Оганов дворец и такую речь там повел:

— Послушайте, что я вам скажу, отцы города Сасуна! Мсра-Мелик послал меня собрать с вас дань за семь лет, а на придачу велел он голову шалого Давида ему привезти.

Задражали от страха колени у Горлана Огана. Велел он зарезать быков и баранов, роскошный пир незванным гостям устроил.

— Вы тут пока отдохните, — сказал он, — а я тем временем дань соберу да поищу Давида.

— Живо! — возгремел Козбадин.

Разве Горлан Оган был изменником? Разве способен он был Давидову голову Мсра-Мелику отдать, загасить светоч сасунский? Нет, он боялся, что Давид, узнав о нашествии Козбадиновой рати, вскипит, вызовет Козбадина на единоборство, разозлит Мсра-Мелика и обрушит на отчий край еще горшие беды. Пошел Горлан Оган к хромому попу — Давид у него псалмы читал. Оган обманул Давида, сказал:

— Хочется мне, мой мальчик, съесть шашлык из дикого барана. Сходи-ка в горы, убей дикого барана — мы его съедим.

— С радостью, дядя!

Не знал Давид, какая беда посетила Сасун. Взял он лук, стрелы и пошел на охоту.

А Горлан Оган и Пачкун Верго пошли по городу, отобрали сорок девушек, сорок женщин рослых, сорок женщин низкорослых и заперли в большом сарае. Потом отобрали сорок коней, сорок телок, быков и коров и заперли в других сараях. А потом вошли в главную сасунскую сокровищницу, чтобы отмерить сорок вьюков золота.

Козбадин, Бадин, Чахардин и Судин сидели, ноги поджав, на ковре. Горлан Оган чувалы держал, а Пачкун Верго ящиком отмерял сасунское золото и сыпал его в мсырские чувалы.

В это время мсырские воины ворвались в Сасун. Дома грабили, жен и дев уводили.

А Давид охотился в дальних горах.

В полдень убил он дикого барана, взвалил себе на спину и направился в город. По дороге залез в огород к старухе. Давид любил репу — за это его прозвали сасунским шалым репоедом. Залез он в огород, добычу положил наземь, стал наконечником копья репу выкапывать. Выкапывает да ест.

А старуха Давида искала. Зашла в огород, да как увидела, что Давид репу уминает, заплакала в три ручья и сказала:

— Прах тебя, малый, возьми! Недостоин ты сыном своего отца называться! Чтобы мне своими руками сшить тебе саван, чтобы твою душу архангел унес, шалый ты репоед сасунский!

— Нанэ! — молвил Давид. — Неужели у тебя из-за двух несчастных головок репы поворачивается язык так меня клясть?

А старуха ему на это:

— Как же не клясть тебя, блудный сын? Ты здесь лопаешь репу, а в это время Сасун разоряют. Мсра-Мелик снарядил войско — собрать дань за семь лет. Твои дядья весь город обрыскали, ни женщин, ни девушек не пощадили — собрали и в сарае заперли, а потом их угонят в Мсыр.

— Ой-ой-ой! — простонал Давид.

— Вот тебе и «ой-ой-ой»! — передразнила старуха. — Пусть рухнет Сасун — и так он уже дотла разорен! Была у меня одна-единственная дочь — и ту отняли, взяли в полон.

— Что ты говоришь, нанэ?

— Чтоб тебя змея укусила — вот что я говорю! Козбадин и военачальники его сидят в сокровищнице твоего отца, твои дядья, Пачкун Верго да Горлан Оган, отмеряют сасунское золото, ссыпают его в мсырские чувалы, а ты репу жрешь. Чтоб тебя огонь с небеси пожрал! Разве ты сын Львораздирателя Мгера?

Поддел Давид убитого барана концом копья и пошел со старухой в город. Что же там его ожидало?.. Всякий раз, когда Давид, возвращаясь с охоты, проходил по городу, всюду слышались говор и смех, везде пировали, плясали. Нынче же словно облако скорби накрыло город: отовсюду неслись рыдания и крики, вопли и стоны, всюду, куда ни кинешь взор, — грабеж и побоище, и каждый спасался как мог. Сасунцы проклинали Давида:

— Ох уж этот Давид! Чтоб он ногу себе сломал, чтоб и духу его не было в Сасуне!

Удивился Давид.

— Вот тебе раз! — молвил он. — За что же они меня проклинают?

— Как — за что? — сказала старуха. — Ты цовасарскую стену снес, Богородицу-на-горе вновь воздвиг, Мсра-Мелик озлился и рать послал

на Сасун, Козбадин со своими военачальниками в город вошел, дань собирает, а воины дома грабят, жен и дев уводят.

— Какую же дань хочет с нас взять Мсра-Мелик? — спросил старуху Давид.

Старуха ему на это ответила:

Мсра-Мелик отрядил против нас свою рать,
Чтобы дань за семь лет подчистую собрать:
Сорок золотом туго набитых вьюков,
Сорок дойных коров, упряжных быков,
Сорок женщин высоких — верблюдов грузить,
Сорок ростом помене — чтоб жернов крутить,
Сорок дев, чтоб натешился ими он всласть,
Сорок телок упитанных — и чтоб под масть,
Сорок резвых коней к нему в Мсыр увести,
Да башку твою глупую напрочь снести!

Дядя твои жен и дев отобрали, в сарай загнали, ворота — на запор.
Моя единственная дочь там же взаперти сидит.

— Нанэ! — молвил Давид. — Проводи меня к этим сараям. Я не дам им угнать в Мсыр не только что твою дочь, а и пылинку из нашего края!

Подвела старуха Давида к сараям. Изнутри доносились вопли, рыдания и стоны. У ворот стояли на страже десять мсырских пахлеванов. Давид их всех положил, выломал ворота, жен и дев на свободу выпустил.

— Идите домой, матери мои и сестры! — сказал он. — Живите на свободе и молитесь за меня. А я за вас сложу голову в битве.

Сасунские жены и девы вышли на волю и, благословляя избавителя своего, пошли по домам.

— Коли ты, родной наш Давид, трудился — будь сыт, а и не трудился — все равно будь сыт! — говорили они.

Подошел Давид к другим сараям, ворота распахнул, сказал:

— Выходите, сасунские твари! Расходитесь по хлевам своих хозяев!

Освободив женщин сасунских и сасунский скот, Давид подошел к главной сокровищнице отца своего, стал в дверях и обратился к дядьям своим с такими словами:

— Вот вы как защищаете отчий край! Я — один и сам за себя отвечаю. А вы взамен одной моей головы целый Сасун отдаете врагу?

Заглянул Давид внутрь сокровищницы — и что же он видит? Козбадин, Чархадин, Бадин и Судин сидят, поджав под себя ноги, Горлан Оган держит чумал, а Пачкун Верго ящиком меряет сасунское золото и сыпает в мсырские чумалы.

— Что вы делаете? — крикнул Давид.

— Грехи твои искупаем, сумасброд сасунский, — отвечал Горлан Оган.

Подошел Давид, взял Верго за руку и сказал:

— Дядя Верго! Ты стар, отойди, я буду мерить наше сасунское золото и в мсырские чумалы сыпать.

Пачкун Верго со страху штаны замарал.

— Не подпускайте полоумного этого малого, меряйте золото сами! — сказал Козбадин.

— Как бы не так! — сказал Давид. — Отмерять золото буду я.

— Не в свое дело не суйся, Давид, иди домой, — сказал Горлан Оган.

При этих словах выхватил Давид ящик у Пачкуна Верго, перевернул его кверху дном, сперва насыпал лопатой золото на опрокинутое дно, потом сыпал его на пол, а в мсырский чумал дважды опрокинул пустой ящик.

— Вот вам один, вот вам другой!.. — сказал он.

— Эй, эй, эй! — заорал Козбадин. — Горлан Оган! Ты впустил сюда бешеного этого щенка, чтобы он издевался над нами?! Прогоните его, а не то я сейчас ему голову отсеку!

Повел на него грозными очами Давид и сказал:

-- Ишь ты!.. Так-таки и снесешь?

Испугался Козбадин.

— Эй, Горлан Оган! — сказал он. — Ты намерен дань Мсыру платить? Коли намерен — плати! А не намерен — я скажу Мсра-Мелику, он придет, ваш Сасун разорит, мешки с землею сасунской навьючит на ваших коней, на сасунских беременных женщин сасунские камни навьючит и угонит в Мсыр.

Разгневался Давид.

— Хлеб, вино, вездесущий господь!.. — вскричал он, схватил ящик,

замахнулся на Козбадина; тот голову пригнул, ящик ударился в стену, пробил ее и пролетел такое расстояние, какое только за семь дней можно пройти.

Устрашился Козбадин, вскочил и давай бог ноги! Давид его догнал, схватил за шиворот, семь раз подряд трахнул башкой об стену и сказал:

— Поезжай в Мсыр, передай Мсра-Мелику мой поклон и скажи: «У Львораздирателя Мгера есть сын, а зовут его Давид». И еще скажи, чтоб он в другой раз на Сасун рать не двигал, страну нашу не разорял, жен и дев наших не уводил. Про сасунскую дань забудьте! Так говорит Давид, сын Львораздирателя Мгера, огнерожденного Санасара внук: «Мсыр — Мсра-Мелику, Сасун — сасунскому народу. Пусть себе Мелик живет-поживает, а мы тоже будем жить-поживать».

Козбадин, Чархадин, Бадин и Судин в страхе и трепете пустились бежать и перевели дух только на поле Леранском, в своих шатрах.

Как скоро очухался Козбадин, кликнул он военачальников своих и сказал:

— Обманули мы нашего царя, похвалялись: вот, мол, пойдем на Сасун, соберем дань за семь годов, жен и дев в Мсыр приведем, Давидову голову принесем. Где сасунская дань, где Давидова голова? С каким лицом покажемся мы Мсра-Мелику?

— А что ты предлагаешь? — спросил Чархадин.

— Поднимемся на Цовасар, — отвечал Козбадин, — разграбим Богородицу-на-горе, разрушим обитель, а награбленное в Мсыр привезем, скажем: это и есть мсырская дань.

— А коли узнает Давид? — спросил Бадин.

— Мы туда тайком проберемся, — отвечал Козбадин. — Пока Давид спохватится, мы успеем ограбить храм — и во весь опор домой, в Мсыр!

— А коли Мсра-Мелик спросит: «Где Давидова башка?» — что мы ему скажем? — дрожа от страха, спросил Судин.

— Скажем: Давид улизнул в горы, и мы его так и не могли сыскать, — отвечал Козбадин.

Ночью Козбадин собрал свое войско, поднялся на Цовасар и окружил храм Богородицы.

Как увидели Чарбахар-Ками и Батман-Буга мсырское войско, друг другу сказали:

— Это не паломники! Паломники не все верхом ездят: бывают конные, бывают и пешие. А это, сейчас видно, недобрые люди, разбойники. Затворим ворота, да еще своими спинами подопрем их. Коли то богомольцы, мы им отворим, а коли злодеи, не отворим, пусть едут своею дорогой!

Как ни старался Козбадин с тысячью своих пахлеванов, так и не сумел ворота открыть. Наконец Чархадин предложил:

— Давайте зайца убьем, возьмем точно такую, как у Давида, капю, заячьей кровью ее пропитаем, перебросим через ворота и скажем: «Эй вы, пахлеваны! Вашего господина убили, подмоги вам ждать неоткуда, к чему вам упорствовать?»

Воины мсырские так и сделали.

Чарбахар-Ками и Батман-Буга силой были богаты, умом бедны. Как увидели они окрашенную заячьей кровью капю, сказали друг другу:

— Это Давидова капа!

Посыпали пеплом головы, лица себе исцарапали, но ворот все же не отворили.

Тогда Козбадин поднялся на стену и крикнул:

— Гей, епископы, архимандриты, священники! Почему ворота на запоре держите? Безумцы вы! Мы вашему Давиду башку срубили и везем ее Мсра-Мелику, не на кого вам теперь надеяться. Отворяйте! Коли добром не отворите, мы ворота повалим, ворвемся, всех вас перебьем. А коли по доброй воле отворите, ни один волос с вашей головы не упадет!

Как ни грозил, что ни сулил Козбадин, монахи были непреклонны.

— Не отворим! — говорили они друг другу. — Пусть Козбадин надорвется от крика!

Среди монахов оказался трусливый архимандрит из рода Пачкуна Верго. Темной ночью, когда сторожа-пахлеваны спали, он прокрался к воротам, распахнул их, и мсырское войско хлынуло в монастырь. Проснулись сторожа, да поздно. Ударили они себя по лбу — и скорей бежать.

Мсырские лиходеи разрушили храм и перебили сорок епископов,

сорок архимандритов, сорок священников, тридцать девять монахов, храм дочиства разграбили, золото, серебро, драгоценные камни на верблюдах навьючили и повезли в Мсыр.

Одному лишь монаху удалось схорониться за трупами, и он уцелел. Как скоро мсырское войско ушло, инок выбрался, первую попавшуюся окровавленную рясу схватил и бегом побежал в Сасун бить тревогу.

Отобрал Давид у сборщиков дани отцовское золото и сразу повеселел. Теперь он со своими однолетками, неженатыми юношами и молодыми девушками, каждый день пировал, мясом оленьим лакомился, семилетнее вино гранатное пил, песни разудалые пел.

Когда прибежал к Давиду инок, Давид находился в сильном подпитии. Инок прямо с порога крикнул:

— Давид! Храм Богородицы-на-горе разрушили, а ты здесь гуляешь?

— Подойди поближе, монашек! — сказал ему Давид. — Подойди, не бойся! В чем нуждается монастырь? Может, свечей у вас недостаток? Или ладана? Или елее? А может, еще в чем нужду терпите? Бери все, что тебе надобно, и скорей возвращайся, а то опоздаешь к обедне.

— На что нам свечи, Давид? — воскликнул монах. — На что нам елей и ладан? Монастыря больше нет! Мсырские душегубы налетели, монастырь разграбили, разнесли, забрали все ценное и умчались.

— Э, что ты мне сказки рассказываешь! — отмахнулся от него Давид и обратился к Горлану Огану: — Дядя! Спроси у этого монаха, в чем у них недостаток? В ладане? В елее? В свечах? Отпусти ему, сколько он ни попросит, и пусть сей же час возвращается в монастырь, а не то опоздает к обедне.

Монах, видя, что Давид во хмелю и что ему не втолковать, бросил к его ногам окровавленную рясу. Поглядел Давид на окровавленную рясу и, придя в недоумение, спросил:

— Эй, брат!.. Что это? Что случилось?

— Давид, умоляю тебя: протрезвись! Пришли мсырские воины, убили сорок епископов, сорок архимандритов, сорок священников, сорок монахов, монастырь твой разрушили, разграбили, мсырские выюки утварью церковной набили и ушли.

Мигом хмель соскочил с Давида.

— Что такое?.. — воскликнул он. — Разграблен монастырь Бого-

родицы-на-горе? Монахи все перебиты?.. Так я тебя понял, монах?..
А кто был во главе мсырского войска?

— Козбадин, — отвечал монах, — с ним тысяча пахлеванов.

— Как давно они ушли?

— Они ушли в одну сторону, а я тем временем — в другую.

— Эй, сотрапезники! — крикнул Давид. — Вы тут пируйте, ешьте и пейте на здоровье, а я за вас постою!

Побежал Давид к старухе и все рассказал ей про монастырь.

— Нанэ! — спросил он. — По какой дороге я должен идти, чтобы выйти наперерез Козбадину?

— Стой у Батманского моста, — отвечала старуха. — Какой бы дорогой ни шел Козбадин, все равно ему моста не миновать.

Вырвал с корнем Давид стройный тополь, взвалил его себе на спину и двинулся в путь.

Шел, шел, пока не дошел до Батманского моста. А как дошел, тотчас укрылся за высокой скалой. Глядь-поглядь — нет Козбадина. «Неужто он уже прошел через мост, а я опоздал?» — думал Давид.

Внезапно послышался конский топот.

Козбадин хохотал и орал во все горло:

— Здорово мы насолили Давиду! Всех его монахов вырезали, монастырь разрушили и разграбили. Не явился Давид на выручку к своим монахам Струсил — в горы улепетнул. Что бы ему сейчас передо мною предстать. Схватил бы я его, голову ему отрубил и Мсра-Мелику отвез.

И тут как раз Давид из-за скалы вышел.

— Ишь ты какой, Козбадин!.. — сказал он. — Так-таки и отрубишь мне голову, коли я пред тобою предстану? А ну, попробуй отруби!

С этими словами махнул Давид тополем вправо, махнул влево — все мсырское войско разгромил: кого убил, кого в реку сбросил — никого в живых не оставил.

Козбадин припустил было своего коня-шестинога, да не тут-то было! Давид его догнал, схватил, сбросил наземь, хватил его кулаком по лицу, шею ему скривил, губы рассек, зубы выбил, вбил их ему в лоб и в великом гневе воскликнул:

— Ах ты мсырский обманщик! Ты что натворил? Разве я тебя пощадил в отцовской сокровищнице, чтобы ты монастырь разрушил, святых отцов перерезал?

Козбадин ноги Давиду поцеловал.

— Давид! — возопил он. — Богом тебя заклинаю, молю! Пощади ты меня, а я буду тебе верным слугой!

— Нет, — возразил Давид. — Ты — слуга Мсра-Мелика, ему и служи. Я тебя не трону. Поезжай в Мсыр и расскажи там, каков Сасун. Пусть Мсра-Мелик придет к нам сюда — мы с ним силами померяемся. А коли не явится — стало быть, он хуже бабы последней.

С этими словами схватил Давид Козбадина за шиворот, посадил на коня-шестинога, ноги Козбадину связал под брюхом коня и ударил коня кулаком по крупу.

— Теперь вези своего хозяина до самого Мсыра! — примолвил он.

Мсырские женщины шерсть мыли в ручье. Как завидели они Козбадина, бросили шерсть, стали поперек дороги, обступили его и все разом заговорили:

Ай, похвальбишка! Стыд и срам!
Ты чуть живой плетешься к нам.
Кто разукрасил так твой лоб?
А зубы где? Ты смотришь в гроб.
Обещанное где добро?
Где золото и серебро?
Где сорок племенных коров?
Ты только хвастаться здоров.
Каким глядел ты молодцом!
Пришел — с общипанным хвостом...
Где наши соколы — мужья,
Где пахлеваны — сыновья?

Козбадин разобиделся, расстроился, рассвирепел и так им ответил:

У всех у вас короток ум,
Хоть длинен волос... Что за шум!
Молчать, бесстыжие, молчать!
Вам плакать впору — не кричать.
Ишь, подняли какой содом!
Не вам судить меня судом.
Я чаял выйти на простор,
А там что пропастей, что гор!
Я чаял: там уж мы рубнем,
Я чаял: там уж мы гульнем!..

Как гром, громка сасунцев речь,
Как молния, разит их меч,
Стрела у них бьет, как бревно,
А рана от стрелы — с окно.
У них былинка — что копье.
Разбиты мсырцы... Эй, бабье!
Кому я говорю? Пожди:
Весною зарядят дожди,
Потоки хлынут к вам с добром:
С лодыжкой мужа иль с ребром.

МСРА-МЕЛИК ГОТОВИТСЯ К НАПАДЕНИЮ НА САСУН

Стоны и вопли огласили Мсыр.

Кто оплакивал мужа, кто — сына, кто — брата.

Мсырцы принесли Мсра-Мелику жалобу.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказали они. — Козбадин мсырское войско повел на Сасун, войско оставил там, сам убежал в Мсыр. Позови его в меджлис — пусть ответит за наших мужей, за наших братьев, за наших детей!

Мсра-Мелик спросил визиря:

— Где Козбадин? Почему не идет в мой меджлис?

— Век живи, царь! — отвечал визирь. — Козбадин уже неделя, как возвратился, лежит на боку у себя дома, от стыда не идет в твой меджлис.

— Пошлите за ним четырех пахлеванов, — приказал Мсра-Ме-

лик. — Скажите: царь, мол, зовет. Пусть явится сей же час! А не пойдут — избежите, да приведите.

Четыре пахлевана пошли к Козбадину. Козбадин с повязкой на голове лежал в постели.

— Военачальник! — обратились к нему пахлеваны. — Царь тебе повелел в меджлис идти. Добром не пойдешь — мы избьем тебя, а приведем.

Пришел Козбадин, стал перед своим властелином.

Как увидел Мсра-Мелик, что у военачальника шея свернута, зубы выбиты, в лоб вбиты, распалился гневом и сказал:

— Козбадин! Что это у тебя за вид? Где моя дань? Где добыча из Сасуна? Где башка Давида? Где войско мое? Отвечай!

Козбадин онемел, ровно у него язык вырвали. Наконец, заикаясь от страха, заговорил:

В Сасун, о царь наш, не ходи —
Тебя ждет гибель впереди.
Как гром, громка сасунцев речь,
Как молния, разит их меч,
Стрела у них бьет, как бревно,
А рана от стрелы — с окно.
У них былинка — что копьё.
Давида бойся — разобьет!

— А ты видел Давида? — спросил Мсра-Мелик. — Что он тебе сказал?

Козбадин же ему на это ответил так:

— Давид правой рукой вырвал с корнями один тополь, левой рукой вырвал другой тополь, все войско мое перебил, меня самого изуродовал и велел: «Расскажи, говорит, там, каков Сасун. Пусть Мсра-Мелик придет к нам сюда — мы с ним силами померяемся. А коли не явится — стало быть, он хуже бабы последней».

Взвыл Мсра-Мелик:

— У-у-у-у!..

Как у бешеного пса, глаза у него налились кровью, на губах пена выступила. Пошел он к себе домой и сказал Исмил-хатун:

— А-ахх, а-ахх, матушка!.. Хотел я косноязычного Давида убить,

да ты не позволила! А теперь видишь, что он наделал, как он меня осрамил? Будь проклят тот день, когда я тебя послушался!

— Нет, дитя мое, — сказала Исмил-хатун, — ты послушался не меня, а брехуна Козбадина. Если б ты меня послушался, ты пошел бы к Давиду в гости и его бы в гости позвал. Он бы обрадовался, сказал бы: «Как хорошо, что у меня брат есть!» Вы бы друг за друга горой стояли, друг друга в беде выручали. Перед вами двумя никто на свете не устоял бы.

— Матушка! — сказал Мсра-Мелик. — Я — араб, он — армянин. Разве араб и армянин могут быть братьями?

— Мелик, дитя мое, где твой ум? — сказала Исмил-хатун. — Арабы и армяне часто братаются, в гости друг к другу ходят, помогают друг другу. Давид — выкормок наш. Если бы ты с ним дружил, он всё стал бы делать по-твоему и не на что было б ему обижаться.

— Э-э, матушка, легко сказать — пойти в гости к гяуру!

— Ну хорошо, — продолжала Исмил-хатун, — ты сам в гости к нему не пошел и его к себе не позвал, а зачем войско послал в Сасун, зачем разрушил восстановленный Давидом храм?

Мсра-Мелик зарычал от злости:

— Сасунский безумец так меня опозорил, что я от стыда нос высунуть наружу не смею! Нет, я пойду в Сасун, всё там вверх дном переверну и упыюсь Давидовой кровью, чтоб от сердца у меня отлегло!

Взволновалась Исмил-хатун.

— Нечего тебе делать в Сасуне, Мелик! — сказала она. — Помни: что посеешь, то и пожнешь. Сиди лучше дома. А я письмо Давиду пошлю, с тобой его помирю. Нечего тебе делать в Сасуне!

— Нет, матушка, — возразил Мсра-Мелик. — Я однажды поступил по-твоему и потерпел урон. Я должен идти войной на Давида: или я его, или он меня.

— Попомни ты мое слово, Мелик! — молвила Исмил-хатун. — Тебе Давида не убить!

— Мне Давида не убить?

Тут Мсра-Мелик подскочил, словно змеею ужаленный.

— Нет, мать! Ты не добра мне желаешь, а зла!

С этими словами Мсра-Мелик удалился, оставив мать в слезах и в печали.

...Созвал Мсра-Мелик меджлис.

Пришли на его зов визири и назиры¹, мудрейшие люди Мсыра. Мсра-Мелик обратился к ним с такою речью:

— Я — Мсра-Мелик, Мсра-Мелика сын, Мсыра царь, мира всего властелин. Как я могу допустить, чтобы Давид, сасунский шалый репоед, отказался платить мне дань, разбил мое войско, опозорил мсырского военачальника, да еще поносные слова велел мне передать? Нет, я должен пойти на Сасун, все там вверх дном перевернуть, весь народ вырезать и выпить Давидову кровь, чтоб от сердца у меня отлегло! Что вы мне присоветуете?

Нашлись в меджлисе визири и назиры, мудрые люди, которым не хотелось ни войны, ни резни, ни разрухи.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказали они. — Чем тебе досадил Давид? Это ты ему досадил! Давид сидел дома и никого не трогал, а ты войско послал в Сасун. Давид защитил свою родную страну — на что же ты жалуешься? Мы можем дать тебе только один совет: не ходи в Сасун! Три части света — твой, пусть же одна часть остается в руках Давида!

Взревел Мсра-Мелик:

— Молча-а-а-ать! Убирайтесь отсюда вон и не попадайтесь мне больше на глаза! Вы — гяуровы дети и сами гяуры!

Мудрецы, расходясь, перешептывались:

— Сам он гяуров сын, а нас так обзывает!..

Разогнал Мсра-Мелик меджлис, призвал к себе сподвижников своих и обратился к ним за советом:

— Что скажете? Идти нам войной на Давида или не идти?

Вы, наверное, помните, что Давид, когда палицу метал, нечаянно убил двух пахлеванов — Какана и Аслана. Отцы убитых были злы на Давида.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказали они. — Теперь или никогда! Давид еще юн, ему всего только двадцать лет, воевать он не умеет. Сразись теперь же с Давидом и убей неверного безумца. А когда он подрастет, когда ему минет тридцать лет — тебе его тогда не убить. Тогда он пойдет войною на Мсыр, тогда он тебя убьет и захватит все твои земли. Собери войско, иди на гяу-

---

¹ Н а з и р — верховный надзиратель.

ра, край его разори и башку ему отруби — иначе он будет для тебя вечной угрозой. Теперь или никогда!

— Верррно вы говорррите! — прорычал Мсра-Мелик. — Теперь или никогда!

Тут военачальники мечи обнажили.

— Да здравствует Мсра-Мелик! Да сгинет гяур Давид! — вскричали они.

Мсра-Мелик велел медное корыто ему подать. Принесли корыто, поставили перед ним. Мсра-Мелик разрезал себе бритвой лоб — в корыто хлынула кровь. Взял Мсра-Мелик пергамент, перо в собственную кровь обмакнул, начертил:

Пусть голос мой гремит трубой
И все края зовет на бой:
Полночных жителей — на бой,
Восточных жителей — на бой,
Из стран полуденных — на бой,
И Запад я зову на бой!
Вожди и ратники мои,
Ко мне, ко мне!
Из всех краев, со всех концов —
Все на войну!
Бочкоголовые — сюда,
Высокобровые — сюда,
И толстогубые — сюда,
И острозубые — сюда,
Гяура бить, гяуру мстить!
Все на войну! Все на войну!
Скликаю на битву моих храбрецов,
Скликаю тьмы тем безбородых юнцов,
Гей-гей, безбородых юнцов!
И столько же чернобородых бойцов,
Гей, чернобородых бойцов!
И столько ж их дедов седых и отцов,
Гей, дедов седых и отцов!
Я конников кличу — прославьтесь в боях!
Пусть всадники мчатся на белых конях,
Пусть всадники мчатся на красных конях,
Пусть всадники мчатся на черных конях,
Гей-гей, тьмы тем на конях!
Скликаю я всех моих славных ребят.

Тьмы тем барабанов пусть бьют и гремят,
Тьмы тем трубачей пусть громко трубят,
Тьмы тем, и тьмы тем, и тьмы тем...
Гей! Все на гяура скорей!
Все на войну! Все на войну!

Так начертал, так призывал Мсра-Мелик.
На его зов явилось великое множество конных.
На его зов явилось великое множество пеших.

Дошло войско до реки Мсыр. Головные полреки выпили, средние оставшуюся половину выпили, а задние только голыши облизнули — смерть как хотелось им пить!

Дошло войско до Мсырского поля. Разбили шатры, послали людей к Мсра-Мелику, и те у него спросили:

— Кто враг наш? С кем воевать будем?

— Давид Сасунский — вот кто наш враг! С ним и воевать будем, — отвечал Мсра-Мелик.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — молвили воины. — Мы всю реку Мсыр выпили, осушили. Жажда мучает войско. Что делать?

— Военачальникам достаньте воды из колодцев, а простые ратники и без воды будут драться, — отвечал Мсра-Мелик.

Приснился сон Исмиль-хатун. Встала она с постели, пошла к Мсра-Мелику и сказала:

— Мелик, сын мой! Не ходи войной на Сасун!

Мсра-Мелик спросонья не мог понять, чего она от него хочет.

— А? Что? Почему не ходить? — спросил он.

— Сон мне приснился: звезда Сасуна взошла, звезда Мсыра померкла. Недобрый то сон, сынок! Не ходи на войну!

Мсра-Мелик потянулся, зевнул.

— Э-э, матушка! Ты спишь в свое удовольствие, а сны за других видишь. Иди к себе. Мне спать охота.

Исмиль-хатун ушла к себе. И снова приснился ей сон, и снова пришла она к Мсра-Мелику.

— Мелик! Мне еще сон приснился: мсырский конь убежал, а сасун-

ский конь его настиг. Давид — твой брат. Не ходи на него войной!
Убьет тебя Давид!

Осерчал Мсра-Мелик:

— Перестань ты пугать меня, матушка! Ты не дала мне убить этого сумасброда, когда он еще мал был, а теперь тебе сны про него снятся? Я собрал несметную рать не для того, чтобы метать палицу, а для того, чтобы идти на войну!

Исмил-хатун ушла к себе. А на рассвете опять пришла к сыну.

— Мелик! — сказала она. — Мне еще сон приснился: над сасунской землей солнце сияло, мсырскую землю объяла тьма. Не ходи в Сасун!

— Матушка! Я призвал на войну тьму тем безбородых юнцов!

— Мелик! — молвила мать. — Я тебя выкормила своею грудью. Пусть мое материнское молоко заговорит в тебе: не ходи на войну!

— Матушка! Я призвал на войну тьму тем чернобородых воинов!

— Мелик! Материнское сердце — вещун! Послушайся ты моего материнского сердца: не ходи на войну!

— Матушка! Я призвал на войну тьму тем седых воинов!

— Мелик! Давид — удалец, он убьет тебя, не ходи на войну!

Внезапно оторопь взяла Мсра-Мелика.

— Матушка! — сказал он. — Почему ты мне прежде об этом не сказала? Я расхотел идти на войну, но раз войско собрано, придется идти.

На это ему Исмил-хатун, подумав, ответила так:

— Мелик, дитя мое! Разве мало у тебя военачальников? Найми кого-нибудь из них — пусть во главе войска идет на Сасун, а сам не ходи!

— Вот так так!.. — сказал Мсра-Мелик. — Отдать свое войско под начало другому, чтобы тот его отдал на истребление? А ты помнишь, что натворил Козбадин? Нет, матушка, я войско набирал, я его и поведу. Другого выхода у меня нет.

Заплакала Исмил-хатун.

— Я тебя не брошу, Мелик, — сказала она. — Коли ты пойдешь, то и я с тобой пойду.

— Матушка! Ты — женщина! — сказал Мсра-Мелик. — Не женское это дело — ходить на поле брани. Не ходи!

— Нет, пойду, — сказала мать. — Дома я места себе не найду.

Отобрала Исмил-хатун сорок мужчин, чтобы было кому шатры

разбивать, мясо жарить, на зурнах играть, сорок женщин, чтобы было кому пол подметать, скатерть стелить, Мелику ноги растирать, и сорок девушек, чтобы было кому в бубны бить, на кяманчах играть, петь и плясать. Всех их она взяла с собой и вслед за мсырским войском двинулась по дороге в Сасун.

ГОРЛАН ОГАН

В Сасун письмо от Мсра-Мелика доставили. Давид был в это время на охоте, и письмо вручили Горлану Огану.

Прочитал Горлан Оган и заплакал. Слезы дождем лились у него по лицу и стекали по бороде на пол.

«Боже мой, что же это такое? — мысленно воскликнул он. — Неужели судьба армян всегда будет такой превратной и горестной? Мы сидим у себя дома и никого не трогаем. Что нужно от нас Мсра-Мелику? Зачем он собрал неисчислимую рать и пришел к нам?.. Будь ты нам заступницей, Богородица-на-горе!»

Так сетовал в глубине души Оган. Немного погодя взял он письмо, пошел к брату Верго, Кери-Тороса позвал и обратился к ним за советом:

— Что же нам делать? Давид, как увидит мсырское войско, тот же час ринется в бой. И сам падет, и на нас неслыханные беды обрушит!

Пачкун Верго сказал:

— Воевать — не наше дело, братья! Давайте сделаем вид, что мы пируем, напоим Давида допьяна, чтобы он заснул непробудным сном,

а сами припадем к ногам Мсра-Мелика, серебром и золотом его одарим, жен и дев ему отдадим, под его мечом пройдем, умилюстивим его — может, он скалится над нами и не истребит нас. Только это все надо так спроворить, чтобы Давид не успел догадаться!

Кери-Торос сказал:

— Да, братья! Давид — горячий, бесстрашный парень. Как увидит он вражье войско — бросится в бой, его убьют, и светоч Сасунского царства погаснет. Давайте напоим этого смельчака — пусть спит без задних ног. Давид — краса и гордость нашего края, мы должны беречь его для будущего. А пока что отнесите Мсра-Мелику дары. Так вы время выиграете, а я соберу отряд и уйду в горы. Коли вспыхнет все же война — что ж, будем воевать. Их больше, да зато и потерь у них будет больше; нас меньше, да зато и потерь у нас будет меньше.

Устроил Горлан Оган пир для отвода глаз, а Кери-Торос Давида позвал и сказал:

— Давид! Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты не рассердишься?

— Чего мне сердиться, Кери-Торос? Говори!

— Коли выпьешь полный котел вина, я скажу, что ты родной сын Львораздирателя Мгера, а не выпьешь — стало быть, ты приبلуда.

— Налей, Кери-Торос, — молвил Давид, — налей. Посмотрим, что за котел.

Кери-Торос доверху наполнил вином котел о семи ушках. Давид поднял котел, ко рту поднес — и давай тянуть. Тянул, тянул, пока весь котел не опорожнил. Опорожнил — об пол ударил, сплющил котел, а сам разлежся на ковре и сразу уснул.

Как скоро сон свалил Давида, Кери-Торос вышел на площадь, велел в трубы трубить, в барабаны бить, удальцов из своего роду-племени созвал и обратился к ним с такими словами:

— Сыны мои, сасунские удальцы Ануш-Котот, Вжик-Мхот, Чинхчапорик, Парон-Астхик, Хор-Вираб, Хор-Манук, Хор-Гусан, слушайте, что я вам скажу! Мсра-Мелик с войском пришел к нам в Сасун, чтобы отнять у нас золото, добытое тяжким трудом, отнять у нас наших жен, наших девушек, отнять у нас честь. Не отдадим! Он воевать хочет? Что ж, будем воевать! Двум смертям не бывать — одной не миновать.

Сказавши это, Кери-Торос со своим отрядом поднялся на Леранскую гору и разбил там шатры.

Когда в небе заря заиграла, увидели наши, что Мсра-Мелик стал

станом на Леранском поле. Звездам небесным есть счет, белым его шатрам не было счету. На горе было словно лето, на равнине — зима.

У жены Кери-Тороса Сандухт-ханум сердце кровью обливалось.

«Ой, беда!.. — сказала она себе. — Мсырцы Тороса убьют, всех наших ребят поубивают, Сасун разорят, весь наш народ изничтожат. А Давид — опора Сасуна — напился и спит».

Пошла Сандухт-ханум к Давиду, села у его изголовья и залилась слезами. Слезы ее капали Давиду на лицо. Давид пробудился:

— Э, тетя, ты чего плачешь?

— Ах, Давид, Давид, пропасти на тебя нет! Ты разгромил мсырских сборщиков дани, а Мсра-Мелик разозлился и с несчетным числом воинов в Сасун пришел. Тебя напоили и спать уложили, а Кери-Торос с небольшим отрядом ринулся в бой. Силы у твоего дяди и у Мсра-Мелика неравные. Убьют твоего дядю, всех наших ребят перебьют, Сасун разорят, весь наш народ изничтожат. А ты вином упился и спишь!

В такую ярость пришел Давид, что хмель мигом с него соскочил. Схватил он лук со стрелами и сказал:

— Не бойся, тетя! Мсырский пес Мелик получит от меня по заслугам. Пусть лучше я голову сложу в бою, но только не дам воинам мсырским прикоснуться к единому волоску последнего сасунского пастуха!

Пришел Давид к Огану и сказал:

— Дядя! Мсра-Мелик со своим войском идет на меня. Почему вы мне ничего не сказали?

— Мальчик мой! — молвил Горлан Оган. — Мне жаль тебя. Ты еще молод. Куда тебе воевать с Мсра-Меликом?

— Чудак человек! — возмутился Давид. — Коли не мне, так кому же с ним и воевать?.. Давай оружие!

Смирился Горлан Оган.

— Ладно, — сказал он. — Иди, коли так, в оружейную — там хранятся старинные мечи, возьми любой.

Этот разговор услышал Пачкун Верго. Смерил он Давида с головы до ног насмешливым взглядом и сказал:

— Давид! Когда ты Мсра-Мелика убьешь, то отруби ему ухо и, коли хватит у тебя силенки его поднять, принеси мне в подарок!

Зачесались было у Давида руки огреть хорошенько Пачкуна Верго, но он с собой совладал.

«Все-таки он мне дядя, — подумал Давид, — притом старик. Пусть себе мелет, что в голову взбредет».

Пошел Давид в дядину оружейную, взял ржавый меч, сел на жеребенка, отбитого у разбойников, и погнал его на поле брани.

Глядь, навстречу ему старуха.

— Давид, сыночек, куда путь держишь? — спросила она.

— Еду на бой с Мсра-Меликом, — отвечал Давид.

Засмеялась старуха:

— А, нелегкая тебя побери! И это сын Львораздирателя Мгера! Что у тебя за конь? Что у тебя за меч? Разве так идут в бой с Мсра-Меликом?

Обиделся Давид.

— А как же мне еще идти? — огрызнулся он. — Ну давай мне, что ли, вертел или кочергу, я с ними поеду на бой.

— Не обижайся, родной мой Давид! Ты мне лучше скажи, отчего это твой дядя Оган скрывает от тебя оружие и доспехи твоего отца?

В бархатный он облакался кафтан,
А чтоб перетягивать стройный стан,
Серебряный был у него кушак.
А еще был у Мгера стальной шипак,
Обувал он бранных два сапожка,
Выводил он во двор Джалали-Конька,
Седлом перламутровым его он седлал,
Узду золотую на него надевал,
В руке он держал молнию-меч,
Ратный крест пламенел у него оплечь.

Удивился Давид.

— Нанэ! Где же все это спрятано? — спросил он.

А старуха ему на это ответила:

— Давид! Твой дядя Оган заранее проклял того человека, который укажет тебе, где схоронил он доспехи и оружие твоего отца. Если я тебе укажу, проклятие падет на меня. Ступай сам спроси у Горлана

Огана. Но только он по своей доброй воле ни оружия, ни доспехов на свет божий не вытащит. Хватай дядю за шиворот и заставь его вернуть тебе отцовское оружие и доспехи.

Давид поехал к дяде, схватил его за шиворот, поднял на воздух и сказал ему так:

— Дядя Оган! Теперь уж ты не отвертись!

Где доспехи отца моего? Верни!
Где оружие отца моего? Верни!
Верни тот же час Джалали-Конька,
Верни мне шишак и два сапожка,
Уздечку золотую и молнию-меч,
И крест чтоб горел у меня оплечь!

Давай! Не отдашь добром — силой возьму. Ударю тебя кулаком — в землю уйдешь.

Заплакал Горлан Оган и сказал:

— Сам ты не мог догадаться! Пусть отсохнет язык у того, кто тебя надоумил! В год смерти Львораздирателя Мгера я оружие его и доспехи в глубоком схоронил под землей. Идем туда, я достану и отдам тебе.

Спустились оба в подземелье. Мгеровы доспехи и оружие были развешаны по стенам. Давид стал примерять. Бархатный кафтан семь раз вокруг него обвился, серебряный пояс семь раз обвился вокруг его стана. Под шелом семь пудов хлопка подсунули — только тогда он стал ему впору, в бранные сапоги тоже семь пудов хлопка подсунули — только тогда стали они ему по ноге.

— Давид, мальчик мой! — молвил Горлан Оган. — Палица Мгера вон в том углу лежит. Коли сил у тебя достанет — возьми, а коли не достанет — в бой не ходи, голову сложишь.

Давид одной рукой отцовскую палицу взял, а другой рукой схватил дядю за руку и, пройдя все сорок ступеней, что вели вверх, вывел его из подземелья.

Взыграл духом Оган.

«С божьей помощью Давид заменит нам своего отца, — подумал он. — Я старший брат Мгера, а Мгерову палицу с места сдвинуть не в силах. Давид взял палицу и, пройдя все сорок ступеней, вынес ее наверх».

...Выйдя из подземелья, Давид спросил:

— Дядя! А где же Конек Джалали?

Горлан ему на это ответил:

— Ах, родной мой! После того как твой отец приказал долго жить, я его коня заточил в конюшне и дверь замуровал, а корм и воду спускаю ему через окошко. Мсра-Мелика боюсь — не смею Конька Джалали вывести во двор, чтобы он свежим воздухом подышал, на солнышке погрелся. Давай сходим в конюшню!

Подшли они к большой конюшне. Смотрит Давид — тут стена и там стена, а двери нигде нет.

Давид палицей ударил, в стене пролом пробил и вошел. Там привязан был Конек Джалали. Как почуял он запах доспехов хозяйских, радостно заржал. Давид подошел, руку положил ему на круп. Джалали злобно лягнул Давида. Давид так в стену и влип, обеспамятел. Немного спустя очнулся Давид и горько заплакал.

— Эх, Джалали! — сказал он. — Я был уверен, что конь отца моего понесет меня в бой с Мсра-Меликом, поможет мне одержать победу над врагом, а ты меня ударил!

Тут Конек Джалали заговорил человеческим голосом:

— Как я в бой тебя понесу, Давид? Посмотри на меня! Что со мной случилось? Когда отец твой умер, твой безжалостный дядя заточил меня в темной конюшне, ни разу грязь и пыль с меня не счистил, я уж позабыл, что такое скребница!

Подшел к Коньку Джалали Давид, обнял его за шею и поцеловал в лоб. Потом воду подогрел в котле о семи ушках, взял целый пуд мыла, вымыл Конька Джалали, вычистил, причесал его, засыпал ему в кормушку семь пудов ячменя и сказал:

— Я — твой хозяин. До сих пор никто тебя не мыл и не чистил, с этого дня я стану чистить тебя и мыть!

Взял Давид отцовского коня за повод и вывел из конюшни, а затем обратился к дяде:

— Дядя Оган! А теперь отдай мне отцовское перламутровое седло.

Отдал ему Горлан Оган перламутровое седло.

— Давид! — сказал он. — Отец твой, когда коня седлал, подпруги затягивал, на дыбы коня подымал. Коли в силах ты поднять коня на дыбы — иди в бой, коли не в силах — не ходи!

Взял Давид перламутровое седло, оседлал Конька Джалали, затянул подпруги, коня на дыбы поднял и сказал:

— Дядя! А теперь отдай мне отцовский меч-молнию.

Горлан Оган ему на это ответил:

— Меч-молния воткнут в кувшин с дегтем. Мгер вытащил его оттуда с трех раз. Коли в силах ты вытащить из дегтя меч — иди в бой, коли не в силах — не ходи!

Давид схватил отцовский меч за рукоять, дернул, вытащил из дегтя и привязал к поясу. Меч был до того длинный, что по земле волочился.

— Дядя! — сказал Давид. — А теперь отдай мне отцовский Ратный крест.

На это ему Горлан Оган ответил так:

— Ратный крест я отдать тебе не могу. Коли ты достоин носить его — он сам снизойдет к тебе на плечо, коли не достоин — он к тебе не снизойдет, и в бой ты тогда не ходи!

По воле божией Ратный крест снизошел на правое плечо Давида.

Сел Давид на Конька Джалали, затрубил в отцовскую трубу и погарцевал перед отчим домом. На площади собрались сасунцы. Поглядел, поглядел на Давида Горлан Оган, сердце у него сжалось, заплакал он и запел:

Душа болит у меня.. Ох, как мне жаль!
Старинных доспехов сасунских — ох, как мне жаль!
Оружья старинного нашего — ох, как мне жаль!
Мне жаль, ох, как жаль разлучаться с борзым конем,
Разлучаться с борзым конем!
Мне жаль, ох, как жаль расставаться с булатным мечом,
Расставаться с булатным мечом!
И как же мне больно и тяжело прощаться с крестом,
Как тяжело прощаться с крестом!

«Что же это такое? — подумал Давид. — Дядя сасунскими доспехами и оружием дорожит, а молодцом сасунским не дорожит?..»

Простодушный Давид не догадывался, что Горлан Оган самое горькое свое сожаление приберег для конца песни:

Мне до́ смерти жалко Давида — всем молодцам молодца.
Красу и гордость Сасуна — всем удальцам удальца!

Смутился Давид.

— Дядя, милый, не сердись на меня! — воскликнул он. — Я на тебя обиделся и чуть было не поднял молнию-меч. Я не знал, что ты помянешь меня напослед. Но теперь я уразумел, что Давид для тебя дороже сасунских доспехов.

Сказавши это, Давид сошел с коня и поцеловал дяде руку, а дядя поцеловал его в лоб и благословил. Давид затрубил в старинную отцовскую трубу, и тут сасунцы — и стар и млад, парни и девушки — обступили Давида и песню запели:

Давид! Оставайся с нами и не ходи куда!
Не расставайся с нами, милый Давид, никогда!
Мы станем тебя лелеять, воду на руки лить,
Яствами всякими потчевать, сладким вином поить.
Давид! Оставайся с нами и не ходи куда!
Не расставайся с нами, милый Давид, никогда!

Давид сел на коня, молвил: «Хлеб, вино, вездесущий господь...», затем обернулся к народу и запел:

Всем матерям кричу: «Прощай!»
Вы были матерями мне.
И сестрам я кричу: «Прощай!»
Вы все — родные сестры мне.
Прощайте, добрые друзья,
Простолюдины и князья!
Я блудным сыном был для вас,
Я досаждал вам столько раз!
Сасуна старцы и юнцы!
Вы все мне братья и отцы.
За чьим ни сядете столом,
Помните меня добром!

А теперь вспомним про славную дочь Медного города, про жену Санасара-богатыря, мать Львораздирателя Мгера, Давидову бабу.

Сасунская царица Дехцун-цам, где ты? Почему ты больше не появляешься в сказе о царстве Сасунском?.. Потому не появляется Дехцун-цам, что, после того как Львораздиратель Мгер и его жена умерли, она затворилась в своем покое и дала себе обет:

— Пока не подрастет едиnorodный Давид, пока не заменит он Львораздирателя Мгера, пока не облачится в доспехи его и оружия его не возьмет, пока не вспрыгнет на Конька Джалали, я из своего покоя никуда не выйду.

В тот день, когда Давид песней и игрой на трубе прощался с сасунским народом, молодая служанка принесла еду сасунской великой бабке. Дехцун-цам спросила служанку:

— Красавица! Я слышала, кто-то на дворе трубил в Мгерову трубу?

— А разве ты ничего не знаешь, мудрая жена? Давид отцовские доспехи надел, мечом-молнией препоясался, сел на Конька Джалали, трубит в отцовскую трубу, едет на бой с Мсра-Меликом.

Обрадовалась Дехцун-цам, на месте не усидела. Атласное ее покрывало истлело от времени, обтрепалось. Дехцун-цам вскочила, а покрывало осталось на тахте.

Давид проезжал мимо бабушкиного окна. Дехцун-цам высунулась в окно и увидела Давида на отцовском коне.

— Джалали, Джалали, милый ты мой Джалали! — воскликнула она. — У моего Давида нет отца — будь ему отцом родным! У моего Давида нет матери — будь ему родной матерью! Ты Санасару братом был — будь братом и его внуку! Ты Мгеру моему помощником был — будь помощником и его сыну! Отвези моего Давида на Цовасар к Молочному роднику и остановись там, а Давид пусть сойдет и живой воды напьется; а как напьется, сразу могучим станет. Оттуда отвези моего Давида к Порцакару — Камню испытаний. Пусть Давид ударит мечом по железному столбу. Коли перережет столб — пусть бросается в бой, а коли не перережет — пусть вернется домой, а потом снова пусть силу свою попытает.

И тут Конек Джалали заговорил человеческим голосом:

— Будь спокойна, мудрая жена! Я исполню твое повеление.

ДАВИД ПОБЕЖДАЕТ В БОЮ

Конек Джалали понес Мгерова сына на Цовасар, остановился у Молочного родника и когда увидел, что всадник не думает слезать, то опустил на колени.

Давид решил, что конь притомился.

— Ах, чтоб ты себе шею сломал, Конек Джалали! — воскликнул Давид. — Я думал, ты через кровавые реки меня перенесешь, а ты ручейка испугался?

Давид ударил коня стремями и сломал ему ребро.

Конь рассердился.

— Что ты наделал, сумасброд сасунский? — вскричал он. — Ты сломал мне ребро! Вот я тебя сейчас подниму, зашвырну на солнце, и ты сгоришь!

— Ну, ну! — сказал Давид. — Я рожден от воды. Я к тебе под брюхо юркну!

— А я спущусь на землю, ударю тебя о камни, и ты разобьешься!

— Ну, ну! Я рожден от огня. Я к тебе на спину вспрыгну!

Тут Конек Джалали присмирел.

— Ах, сумасброд сасунский! — сказал он. — Ради твоего покойного отца я тебя прощаю. Ты забыл наставление твоей бабушки? Ты не видишь, что я стою у Молочного родника? Попей воды и на мое сломанное ребро чуточку брызни.

Тут только Давид понял свою ошибку. Тотчас же слез он с Джалали, в глаза его поцеловал, смочил ему бок ключевой водой и пустил пасть. Ключевая вода была целебная — в одно мгновение зажило ребро у коня. Давид напился воды, лег у родника и уснул.

Конек Джалали загородил от солнца вспылчивого своего ездока.

Через час проснулся Давид, и что же он увидел? За это время он так в теле раздался и так стал могуч, что шлем слетел у него с головы, с ног сапоги соскользнули, пояс валяется на земле, ворот кафтана не застегивается.

Встал Давид, из шлема выбросил семь пудов хлопка, и тогда шлем впору ему пришелся. Потом из сапог выбросил семь пудов хлопка, и тогда сапоги пришлось ему по ноге. А когда он меч-молнию к поясу привязал, оказалось, что меч едва доходит ему до колен.

Давид поднял отцовскую палицу, словно то не палица была, а перышко, вскочил на коня погнал его к железному столбу, выхватил меч и на скаку перерезал столб. Обернулся Давид, смотрит: верхняя, отсеченная часть столба не упала, висит на нижней — так стремительно рассек его молния-меч. Давида зло взяло на себя, и он воскликнул:

Ах, ноги мои! Не несли б меня на Цовасар,
Уж лучше б рука нанести не сумела удар,
Когда одним махом не рассекла Порцакар!
Пусть лучше навеки, навеки затмится мой взор,
Не видеть бы только бесславье мое и позор!
Отчизне моей любимой грозят полон и разор!

Вдруг, откуда ни возьмись, налетел, вертя хвостом, буйный ветер-дракон, опрокинул Порцакар и вдаль полетел. Только тут удостоверился Давид, что его меч рассек железный столб пополам, воспрянул духом и начал себя подбадривать:

Нет, не слабейте, ноги мои,
Раз донесли меня на Цовасар!
Нет, не слабейте, руки мои,
Коли нанес я грозный удар!
Зоркими будьте, очи мои,
Коли повержен мной Порцакар.

Такими словами Давид подбодрил себя и воодушевил, а затем погнал коня к полю брани, остановился на вершине холма, посмотрел вокруг, видит: звездам небесным есть счет, травам полевым есть счет, Мсра-Меликовым воинам нет счета. Шатры его белели от склонов Цовасара до Батманского моста.

Давид был смельчак, но и в сердце к смелым закрадывается страх. Вид мсырской несметной рати привел в трепет Давида, и он заколебался.

— Ой-ой-ой! Как же я буду с ними воевать? — воскликнул он. — Если бы даже они превратились в камыш, а я — в косца, мне все равно бы их не скосить. Если бы даже они превратились в хлопок, а я — в огонь, мне все равно бы их не спалить. Если бы даже они превратились в осенний суховец, а я — в ветер с юга, мне все равно бы их не разметать по оврагам. Если бы даже они превратились в новорожденных ягнят, а я — в голодного волка, мне все равно бы их всех не перегрызть. Господи боже! Как же я буду воевать с этим бесчисленным войском?

Почуял Конек Джалали, что дрогнул Давид, и заговорил человеческим голосом:

— Не смущайся, Давид, и не бойся! Сколько посечешь ты своим мечом, столько же смету я своим хвостом. Сколько переколотишь ты палицей, столько же подавлю я своими копытами. Сколько ты спалишь огнем меча-молнии, столько же я сожгу пламенем, пышущим из ноздрей моих. Сколько повалит твой Ратный крест, столько же развеет ветер, что подыметя от моего бега. Не бойся, Давид! Как скоро зной тебя сморит, как скоро ты утомишься, я подыму тебя на Цовасар, к Молочному роднику. Там ты ключевой воды напьешься, отдохнешь, свежих сил наберешься, и тогда я снова помчу тебя на ратное поле.

Слова Джалали вдохнули бодрость в Давида. Он собрался с силами и хотел было ринуться в бой, но вдруг призадумался и сказал себе: «Еще раз взгляну на Сасунские горы, а там и в бой вступлю». Погнал он коня к Богородице-на-горе, окинул взглядом сасунские кручи, глубокие теснины, деревья и цветы Цовасара, сердце у него дрогнуло, и он запел:

Гей вы, цовасарские чистые родники
С целебной и вкусной водою! Прощайте! Мир вам!
Меня будет жажда томить в смертельном бою,
А вы серебром холодным сверкайте. Мир вам!
И вы, моего Цовасара родного цветы,
И вы, быстролетные вольные ветры, — мир вам!
Мне в жаркой и грозной битве нынче гореть,
А вы все так же прохладою вейте. Мир вам!

Высокие горы, Сасунские горы мои!
Кровавый бой мне сейчас предстоит. Мир вам!
Быть может, за вас я и голову нынче сложу,
А вы держите голову выше. Мир вам!

Попрощался Давид с родными Сасунскими горами и уже собрался ударить на врага, но передумал и решил по старинному сасунскому обычаю сначала предупредить врага, а потом уж на него ударить.

Поднялся он на вершину ближнего холма и крикнул мсырскому войску:

Кто спит — скорее пробудись,
Не спишь — в доспехи облачись,
Облекся — так вооружись.
Оружье взял — седлай коня
И в бой, доспехами звеня!
Эй, мсырцы, слушайте меня,
Смотрите: я иду на рать.
Я не позволю вам болтать,
Что я подкрался к вам, как тать.

Предупредил Давид врага, а потом мысленно помолился:

«О, землю и море сотворивший, небосвод воздвигнувший, плоды нам дарующий бог! Ты мелководному ручью подаешь силу врезаться в многоводную реку, — подай же силу и мне врубиться в орду Мсра-Мелика!»

Тут Давид стремглав пустился вниз по склону горы и, словно молния, падающая с грозового неба, обрушился на мсырское войско... То туда, то сюда помчится, направо рубнет, налево рубнет, крутится среди вражьего войска, подобно тому как вихрь-дракон крутится в дорожной пыли. И так он рубил, и громил, и громил, и громил до полудня.

Истребил Давид столько же, сколько Конек Джалали.

Пыль столбом поднялась, занавесила небо. Солнце затмилось. Один лишь Давидов меч-молния сверкал в пыльном тумане.

В полдень бурные потоки крови унесли тела мсырских воинов к Батманскому мосту и свалили в реку.

Половина мсырского войска была разбита. Осталась еще половина. Среди уцелевших оказался седой старик. Ему хотелось остановить кровопролитие, и он, пробивая себе дорогу копьём, направился к Давиду.

— Пустите меня! — кричал он. — Я говорить с Давидом намерен!

А Давиду издали послышалось: «Давид — мерин». Оскорбился Давид, остановил коня и крикнул старику:

— Старик! Почему ты меня называешь «мерин»?

А мсырский старый воин ему на это ответил:

— Драгоценный ты мой Давид! Ты ослышался. Я сказал: «Я говорить с Давидом намерен».

— О чем же ты хочешь со мной говорить, дедушка?

— Скажи ты мне, ради бога, Давид: за что ты нас громишь, что мы тебе сделали?

— А я вовсе не хотел вас громить, — отвечал Давид. — Мсра-Мелик объявил мне войну — как же мне не воевать?

— Чудной ты парень, как я погляжу! — молвил мсырский старик. — Войну тебе объявил Мсра-Мелик, а ты с нами воюешь? В чем пред тобой провинились эти несчастные, горемычные люди? Каждый из них — единственный источник света в домашнем их очаге, каждый из них — единственный кормилец в семье. Кто оставил престарелых родителей, кто — молодую невесту, кто — детей-сирот. Мсра-Мелик всех нас силком погнал на войну. Он и есть враг Сасуна. Коли охота тебе воевать, так воюй с ним.

— А ведь ты правду молвил, старик! — рассудил Давид. — Но где же Мсра-Мелик? Зачем он привел сюда такую несметную силу? Чего ему надо от меня, чего ему надо от вас?

— Мсра-Мелик спит у себя в шатре. Во-он его шатер! Большой, зеленый...

— А почему полотнища его шатра то поднимаются, то опускаются? — приглядевшись, спросил Давид.

— Кверху его шатра привешено семь пудов свинца, — отвечал старик. — Когда Мсра-Мелик выдыхает воздух, свинец поднимается, а вместе с ним поднимается и весь шатер; когда же вдыхает, свинец опускается прямо ему на губы, а вместе со свинцом опускается и весь шатер.

Помчался Давид и на всем скаку осадил коня у зеленого шатра. Вход в шатер охраняли два могучих пахлевана. Семь девушек пятки Мсра-Мелику чесали. У изголовья сидела Исмил-хатун. В шатре был постлан богатый ковер.

— Разбудите Мсра-Мелика — пусть он выйдет ко мне! — громким голосом сказал пахлеванам Давид.

— Мы не смеем его будить, — отвечали пахлеваны. — Проспит он семь дней. Три дня прошло, осталось четыре. По прошествии четырех дней он сам проснется.

— Не стану я ждать, пока он проснется, пока перевернется! — крикнул Давид. — Несчастных, горемычных людей собрал, согнал на войну, а сам лежит и спит! Разбудите его! Коли смерти на него нет, так я ему — смерть, коли ангел еще не приходил по его душу, так я по его душу пришел! Я его так усыплю, что он во веки веков не проснется.

Пахлеваны накалили вертел и приложили к ногам Мсра-Мелика. Мсра-Мелик зевнул:

— А-а-а!.. Матушка! Девушки плохо мне постель постелили. Меня блоха укусила.

Сказал и опять захрапел.

Тогда пахлеваны накалили лемех от плуга и приложили к ногам Мсра-Мелика.

Мсра-Мелик перевернулся на другой бок:

— А-а-а!.. Матушка! Девушки плохо мне постель постелили. Меня клоп укусил.

— А, да ну, какая там еще блоха, какой там еще клоп! Вставай, Мсра-Мелик! — громовым голосом вскричал Давид. — Я за тобой приехал! Вставай, будем биться не на жизнь, а на смерть!

Мсра-Мелик закричал, зевнул во весь рот, одной рукой правый глаз открыл, другой рукой — левый, взглянул — и что же он видит?

Перед шатром Давид, весь в крови, на боевом коне сидит.

Подивился Мсра-Мелик.

— Кто ты таков? — спросил он.

— Я — Давид, сын Львораздирателя Мгера. Ты меня вызвал на бой — вот я и пришел. Вставай!

Мсра-Мелик залился хохотом:

— Ха-ха-ха-ха! Это ты, косноязычный Давид? Давно ли ты научился верхом ездить?.. Прочь отсюда, щенок! Можешь хвастаться: «Я, дескать, подъехал к шатру Мсра-Мелика, звал его, а он струсил — не вышел». И то для тебя слишком большая честь.

— Кто прежде времени смеется, тот потом плакать будет, — заметил Давид. — А теперь вставай. Сразимся!

Мсра-Мелик опять закатился хохотом.

— Эх ты, заика несчастный! Ну куда тебе со мной сражаться? Если мне тебя на завтрак подадут, то на обед ничего не останется; если мне тебя на обед подадут, то на ужин ничего не останется.

— Вставай, вставай! — прикрикнул на него Давид. — Я тебе и завтрак, и обед, и ужин, да еще твои поминки в придачу.

Тут Мсра-Мелик дунул изо всех сил — он воображал, что Давид сейчас так и покатится, словно перекасти-поле. От его дыха шатер в семи местах разорвался, травы с корнем выдернулись, с пылью смешались, несколько деревьев сломалось, камни покатались — только Давид неподвижно сидел на коне. Испугался Мсра-Мелик и заговорил по-другому:

— Давид! К чему торопиться? Слезь с коня, зайди ко мне в шатер, мы с тобой поедим, отдохнем, а потом выйдем из шатра и сразимся.

— Не сойду я с коня, — отвечал Давид. — Ты несчастных, горемычных людей на верную смерть сюда пригнал, они сейчас гибнут напрасно, а мы с тобой прохлаждаться будем? Нет, выходи на бой! А там что господь даст!

Тут к Давиду Исмил-хатун подошла.

— Давид, родной мой! — сказала она. — Ты нынче долго сражался, устал. Сойди с коня, покушай, отдохни, а сражаться будете потом.

Так слезно просила она Давида, что он сдался на уговоры и начал слезать с коня. Джалали на дыбы — не дает Давиду сойти.

А дело-то в том, что по приказу Мсра-Мелика и его матери при входе в шатер была выкопана глубокая-глубокая яма, а сверху богатым ковром прикрыта, чтобы Давид, проходя в шатер, в эту яму свалился. Исмил-хатун долго языком молола, долго уговаривала, упрашивала Давида, наконец стащила-таки его с коня. Рассердился Конек Джалали, взвился на дыбы и поскакал к Цовасару.

Как только Давид вошел в шатер, как только левой ногой ступил на богатый ковер — бух! — так в яму и ухнул.

— Прахом ты был и в прах возвратишься! — прорычал Мсра-Мелик, лег и опять заснул.

...В ту ночь приснился Горлану Огану сон: звезда Мсыра горела ярко, звезда Сасуна угасала. Горлан Оган в ужасе проснулся.

— Вставай, жена, вставай! — сказал он. — Я видел во сне: звезда Мсыра горела ярко, звезда Сасуна угасала. Это значит: Давид в беде.

Сарья-ханум обиду на Давида затаила в сердце.

— А, чтоб тебя! — проворчала она. — Спишь ты в свое удовольствие, а сны за других видишь и мне спать не даешь!

Лег Горлан Оган, заснул, опять сон увидел и проснулся.

— Вставай, жена! Опять мне привиделся сон: звезда Мсыра восходила, звезда Сасуна заходила. Это значит, что Давид стал еще ближе к смерти.

Сарья-ханум разозлилась:

— Будь ты неладен, глупец! Чего тебе не спится? Давид сейчас где-нибудь пирует, а ты мне спать не даешь!

Горлан Оган снова заснул и снова проснулся.

— Вставай, жена! Звезда Мсыра поглотила звезду Сасуна. Это значит: убили Давида. Вставай, зажги светильник.

Обозлилась Сарья:

— Полно тебе, старик, сны рассказывать! Дай мне поспать спокойно.

Оскорбился Горлан Оган, ударил жену в бок и сказал:

— Ты — чужачка, не болит у тебя сердце за Сасунское царство. Вставай и зажигай светильник, а не то...

Сарья встала с ворчаньем, зажгла светильник, принесла Огану доспехи и оружие.

Горлан Оган завернулся в семь буйволовых шкур, а чтобы не лопнуть от собственного крика, обмотал себя семью цепями, какими связывают буйволов, впряженных в один плуг, затем пошел в конюшню и, войдя, положил руку на спину белого коня.

— Белый конь! Когда ты домчишь меня до того места, где бьется Давид?

Белый конь пригнулся, на брюхо упал.

— К полудню, — отвечал он.

— Пусть тебе впрок не пойдет мой корм! Что я к полудню там застаю? Бой Давида или его смерть? — сказал Оган и положил руку на спину красного коня. — Красный конь! Когда ты домчишь меня до поля битвы?

Красный конь пригнулся, на брюхо упал.

— К утру, — отвечал он.

— Пусть тебе впрок не пойдет мой корм! Что я поутру там услышу? Давида победный клик или Давида предсмертный крик? — сказал Оган и положил руку на спину вороного коня. — Конь вороной! Когда ты домчишь меня до того места, где бьется Давид?

Вороной конь не пригнулся, не упал на брюхо.

— Ступи в стремя левой ногой, и если сумеешь удержаться, то, прежде чем ты правую ногу над седлом занесешь, я тебя до поля боя домчу.

Поцеловал Горлан Оган вороного коня в лоб, вскочил — и конь духом домчал его до Цовасара. На самой вершине Оган остановился и огляделся по сторонам. Конек Джалали издали Давидова дядю увидел, заржал, подбежал. Глаза у коня полны были слез.

Испугался Горлан Оган.

— Ох-ох-ох! — простонал он. — Неужто Давида убили, а конь на Цовасар убежал?

Сошел Горлан Оган с коня, железною цепью привязал себя к дубу, чтобы собственный голос его не унес, и закричал:

Эй, Дави-ид!
Давид, Давид, ге-э-эй!..
Где же ты? Я гляжу окрест
И прошу: призови Ратный крест,
Богородицу-на-горе,
Помолись: «Хлеб, вино и господь,
Помогите врага побороть».
Гей, встряхнись, — воззови, помолись!
Давид, Давид, ге-э-эй!..

Голос Горлана Огана прокатился по горам и долам и наконец, грохоча, рокоча, достиг Давидова слуха. Давид, скрученный и перекрученный железными цепями, сидел в преглубокой яме.

— Эге! — сказал он. — Это дядин голос!..

Сказал и воззвал:

Хлеб, вино, вездесущий господь!
Богородица-на-горе!
На плече моем Ратный крест!
Помогите врага побороть!

Возвал Давид, встряхнулся, порвались на нем железные цепи, выскочил он из ямы, предстал перед Мсра-Меликом и сказал:

— Ну что, Мсра-Мелик?.. Будем мы с тобой на заре по-честному драться или нет?

Мсра-Мелик онемел со страху. Он не смел подойти к Давиду.

Вышел Давид из шатра, туда-сюда — нет Конька Джалали. Побежал за ним Давид на Цовасар. Горлан Оган издали увидел его, позвал:

— Эй ты, сумасброд сасунский, иди сюда! Здесь твой Конек Джалали!

Давид приблизился к дяде, руку ему поцеловал, поблагодарил. А Конек Джалали был обижен, держался поодаль. Давид издали просил его, молил. Наконец конь смиростивился и подпустил к себе хояина. Сел Давид на Джалали и сказал:

— Ну, дядя, теперь ты поезжай в Сасун, а я помчусь на бой!

Давид погнал коня к Молочному роднику убил там дикого барана, зажарил, съел, воды напился, лег спать, проспал до утра, на заре помчался к ратному полю, осадил коня у шатра Мсра-Мелика и крикнул:

— Вставай, Мелик! Вчера ты меня обманул, бросил в яму. Что мы будем делать сегодня?

Точно обвал в горах, прогрохотал голос Давида. Конек Джалали выпустил из ноздрей столбы огня. Меч-молния грозно засверкал на солнце.

Вышел Мсра-Мелик из шатра и сказал:

— Давид! Давай помиримся! Я тебе дань стану платить, стану твоим подданным, только не нужно сражаться!

— Мы должны не мириться, а биться! — отрезал Давид.

Тут Мсра-Мелик убедился, что на мир Давида ему не склонить.

— Давид! — сказал он. — Как же мы будем друг друга бить — как попало или по очереди?

— Хочешь — как попало, хочешь — по очереди, — отвечал Давид.

— По очереди, — решил Мсра-Мелик.

— Будь по-твоему, — согласился Давид.

— Давид! А чей первый удар — мой или твой?

— Твой, Мелик, — отвечал Давид. — Первые три удара пусть будут твои. Я — сирота, обо мне плакать некому. А у тебя жена, мать,

сестра. Коли я тебя, дай-то бог, убью, они будут о тебе плакать. Ты мой старший брат, ты родился раньше меня, значит, первые удары — твои. Начинай!

Давид стал на середине Леранского поля.

Взял Мсра-Мелик свою трехсотпудовую палицу, сел на каракового жеребца-шестиного, доскакал до Батманского моста, поворотил коня, разогнался, налетел и ударил — трах!..

Земля разверзлась, пыль поднялась и занавесила небо. Солнце затмилось.

— Прахом ты был, Давид, и в прах возвратился! — сказал Мсра-Мелик. — Вот только жаль, что мы тебя кормили да холили, а убили одним ударом!

Но тут из пыльной мглы донесся голос Давида:

— Нет, Мелик, я еще жив! Ты только первый удар нанес? Наноси второй!

Пыль улеглась. Смотрит Мсра-Мелик — Давид преспокойно сидит на коне. Подъехал к нему Мсра-Мелик и сказал:

— Давид! Давай помиримся! Я тебе дань стану платить, стану твоим подданным, только давай помиримся.

— Так я тебе и поверил! — молвил Давид. — У нас с тобой вражда старинная. Наноси удар!

— Э-эх!.. — воскликнул Мсра-Мелик. — Я слабый разгон взял и размахнулся не изо всей силы-мочи.

На этот раз Мсра-Мелик до Диарбакира доскакал, поворотил коня, разогнался, налетел и ударил — трах!..

От взмаха его палицы земля потряслась и в семи местах треснула. Заклубилась пыль и занавесила небесный свод. Ночью не было видно луны, а днем — солнца. Два дня и две ночи закрывали Давида облака пыли.

— Прахом ты был, Давид, и в прах возвратился, — сказал Мсра-Мелик. — Вот только жаль, что мы его растили и кормили зря: сумасшедший он, пришлось его убить.

Но тут из пыльной мглы донесся голос Давида:

— Нет, Мелик, я еще жив! Наноси последний удар!

Осатанел Мсра-Мелик.

— Э-эххх!.. — воскликнул он. — Опять я слабый разгон взял и размахнулся не изо всей силы-мочи. Сейчас ты увидишь, Давид!..

Доскакал Мсра-Мелик до Мсыра, поворотил коня, взмахнул трехсотпудовой палицей, вот уж он мчится, мчится, мчится, примчался, ударил — трррахх!

Гул удара слышен был на протяжении сорокадневного пути, земля потряслась, поле растрескалось в сорока местах. «Это — землетрясение!» — подумали мсырцы. Облака пыли клубились до самого неба, свода, затуманили его, занавесили. Три дня и три ночи не было видно ни солнца, ни луны. Три дня и три ночи закрывала Давида пыльная тьма.

— Прахом ты был, Давид, и в прах возвратился, — сказал Мсра-Мелик. — Вот только жаль, что мы его кормили, растили зря: непокорная он голова, вот и пришлось мне палицу в ход пустить и прикончить его.

Но тут из-за густых облаков пыли донесся голос Давида:

— Нет, Мелик, я еще жив! Теперь мой черед. Эй, берегись!!!

Рассеялась пыльная тьма.

Смотрит Мсра-Мелик — Давид на Коньке Джалали, точно крепость, высится средь Леранского поля.

У Мсра-Мелика лицо пожелтело от страха, губы задрожали, ноги подкашивались.

Исмил-хатун на коленях подползла к Давиду.

— Давид! Мелик — твой брат! Не будь братоубийцей! — сказала она.

— Исмил-хатун! — молвил Давид. — Когда Мелик наносил удары, почему же ты не сказала: «Мелик! Давид — твой брат!». А теперь, когда пришел мой черед, Мелик стал мне братом? Нет, на небе есть бог, а на земле — закон. Три удара нанес мне Мелик, три удара нанесу ему я.

Но тут взмолился сам Мсра-Мелик:

— Давид, прошу тебя, отпусти меня на семь часов! Я полежу у себя в шатре, отдохну, а потом ты нанесешь мне удар.

— Ступай! — молвил Давид.

Мсра-Мелик пошел к себе в шатер, залез в яму, вырытую для Давида, навалил на себя сорок буйволовых шкур, сорок жерновов, все свои доспехи, всю свою постель и крикнул из ямы:

— Давид! Теперь твой черед. Бей!

Приблизился Давид, оглядел яму, сказал:

— Как видно, наши предки не зря говорили: «Не рой яму другому, сам в нее попадешь».

Давид разгадал коварство Мсра-Мелика, но это не остановило его. Он произнес: «Хлеб, вино, вездесущий господь!..» — сел на Джалали, погнался на Цовасар, выхватил из ножен меч-молнию, поворотил коня, взял разгон, налетел, вот-вот ударит... Но тут наперерез Давиду выбежала Исмил-хатун, грудь свою обнажила.

— Давид! — сказала она. — Я вскормила тебя сладким своим молоком, подари мне за это свой первый удар!

Давид меч опустил, поцеловал клинок, приложил меч ко лбу и сказал:

— Матушка! Ты вскормила меня сладким своим молоком, не дала Мсра-Мелику меня в Мсыре убить, когда я был еще мал... Я дарю тебе первый удар!

Снова Давид погнался коня, доскакал до Цовасара, поворотил коня, взял разгон и, взмахнув мечом-молнией, налетел, чтоб ударить... Но тут сестра Мсра-Мелика выбежала наперерез Давиду.

— Давид! — сказала она. — Когда ты был маленьким, я тебя нянчила, играла с тобой, — подари мне этот удар!

Давид опустил меч, поцеловал клинок, приложил меч ко лбу и сказал:

— Сестрица! Я дарю тебе этот удар. Остался один, и теперь один бог властен помочь мне!..

Снова Давид погнался коня к Цовасару, поворотил его, разогнался, и вот он уже, сверкая среди туч мечом-молнией, мчится, мчится, мчится...

Исмил-хатун девушкам своим велела:

— Играйте на бамбирах, бейте в бубны, берите платки, пляшите, платками машите, пляшите веселей, чтоб Давид загляделся на вас: он молодой, холостой, устанет на вас, ударит слабо и Мелика не убьет.

Девушки заиграли на бамбирах, стали бить в бубны, стали плясать, весело плясали...

«Это они для меня, — смекнул Давид, — чтобы я загляделся и слабо ударил...» Так подумал Давид и воззвал:

Хлеб, вино, вездесущий господь!
Богородица-на-горе!
На плече моем Ратный крест!

Воззвал и ударил. Все сорок жерновов расколол, все сорок буйволовых шкур разрубил, рассек Мсра-Мелика от головы и до ног, и меч-молния на семь аршин врос в землю, дошел до черных вод.

Мсра-Мелик крикнул из ямы:

— Давид! Я здесь! Наноси второй удар!

— Нет, — отвечал Давид, — честный воин бьет один раз. Я знаю, что ты здесь! А ну, сделай милость, встряхнись, а мы поглядим: здесь ты или уже там!

Встряхнулся Мсра-Мелик.

И развалился на две части.

Околел Мсра-Мелик.

Открыли яму и вытащили оттуда обе половины мертвого тела.

— Исмил-хатун! — молвил Давид. — Мелик наполовину сын моего отца, а наполовину твой сын. Половину его я похороню в Сасуне, а другую половину ты увезешь и похоронишь у себя в Мсыре.

Мать и сестра Мсра-Мелика плакали и вопили над мертвецом, лица себе в кровь царапали, горячие слезы лили.

Наконец Исмил-хатун отерла слезы и обратилась к Давиду с такою речью:

— Давид! Ты убил Мсра-Мелика... Но ведь и ты мой сын. Женись на жене Мсра-Мелика, бери себе и Сасунское и Мсырское царство.

— Нет, матушка, — отвечал Давид. — Мсырская царица женой мне не будет, Мсыр родиной мне не станет, так же как Мсра-Мелик не стал мне братом. Хочешь, живи в Сасуне. Я буду беречь тебя, как родную мать.

— Нет, Давид, не стану я жить в Сасуне, — молвила Исмил-хатун.

— Воля твоя, — молвил Давид. — Поезжай в Мсыр. Мсырская земля — твоя, живи спокойно.

Давид вскочил на коня, поскакал ко мсырскому войску, призвал всех уцелевших ратников и военачальников и повел с ними такую речь:

— Слушайте меня, мсырские ратники, слушайте меня, мсырские военачальники! Всем вам я волю даю: идите туда, откуда пришли. Воротитесь в родной ваш край, разойдитесь по домам, отдохните и помолитесь за меня и за упокой души родителей моих.

В ответ со всех сторон раздались голоса:

— Давид! Правда ли, что Мсра-Мелик убит?

— Нет больше Мсра-Мелика, — отвечал мсырцам Давид.

Возрадовались мсырцы.

— Давид! — сказали они. — Будь всегда юным, цветущим, а твой меч да пребудет острым!

— Пусть тебе всюду сопутствует удача!

— Даруй ему, господи, долгие дни!

— Отцу и матери — царство небесное!

Поблагодарил их Давид и сказал:

— Ступайте домой, люди бедные, горемычные! Ступайте домой, хлебопашцы, ремесленники, войны пешие и колыные! Ступайте отдохните! Сами живите мирно и нам мирно жить не мешайте. Ваша страна — вам, наша страна — нам. Пашите вашу землю, а мы будем свою землю пахать. Жните вашу ниву, а мы будем свою ниву жать. Ешьте ваш хлеб, а мы будем свой хлеб есть. Будем жить в мире. Вред происходит не от мира, а от войны. Идите же с миром! Прощайте! Но да будет вам ведомо: если какой-нибудь другой Мсра-Мелик погонит вас на войну, то, хотя бы я, Давид Сасунский, Конек Джалали и меч-молния были в глубокой яме, под сорока жерновами, мы достойно вас встретим и разобьем в пух и в прах!

Исмил-хатун вместе с остатками своего войска возвратилась в Мсыр.

Мсырские данники и военачальники, бывшие с Мсра-Меликом в союзе, вместе со своими войсками на все четыре стороны двинулись и везде славословили Давида.

— Давид Сасунский исполнил завет отца своего, — говорили они. — Родной Сасун освободил, мир миру принес!

Кери-Торос разил вражью сечь, как вдруг до него долетела весть, что Давид Мсра-Мелика убил. Тут Кери-Торос бой прекратил, кликнул своих ратников и вместе с ними двинулся на Леранское поле.

Давид и Кери-Торос еще издали друг друга увидели, окликнули, съехались.

Кери-Торос поцеловал Давида в лоб, Давид поцеловал дяде руку, и они вместе отправились в Сасун.

Ни добычи, ни пленных они с собой не везли.

Давид пол-Мсра-Мелика схоронил на Леранском поле, отрезал у него правое ухо, погрузил на арбу и повез в Сасун — Пачкуну Верго в подарок.

Сасунцы взобрались на кровли — поглядеть, что за войско подходит к городу. Вопли и стоны огласили Сасун. Люди подумали, что это идет мсырское войско — Сасун разорять, жен и дев в полон угонять.

Но тут вошли в Сасун два глашатая, поднялись на крепостную стену и крикнули:

— Гей, сасунцы! Что вы подняли вой, что вы плачете плачем? Сюда идет Давид. Он наголову разбил мсырское войско, Мсра-Мелика убил и теперь возвращается восвояси.

Весь народ возликовал и повалил навстречу Давиду. Путь ему цветами усеяли, ковры расстелили и с песнями, с плясками повели на главную площадь. По дороге целовали Конька Джалали в окровавленные ноздри, целовали окровавленные доспехи и оружие Давида, плакали от радости, смеялись, вновь и вновь целовали, вновь и вновь, вновь и вновь, и кричали, кричали:

— Слава Давиду, достойному сыну Сасуна!..

— Слава Давиду, достойному сыну Львораздирателя Мгера!..

— Давид! Ты наш освободитель!..

— Давид! Век живи, золотой ты наш!..

— Тысячу лет живи!..

— Коль трудился — будь сыт, а и не трудился — все равно будь сыт!

В Сасуне один Давид — и сто тысяч его благословляющих уст!

Давид концом копья поднял с арбы Мсра-Меликово ухо и швырнул его дяде Верго:

— Дядя Верго! Ты просил, чтобы я привез тебе от Мсра-Мелика подарок. Ну вот я и привез. Если в силах ты его поднять, носи на здоровье!..

Сасунцы нагрели семь котлов воды. Давид вымылся, вымыл коня,

соскреб с него кровавую грязь войны, причесал его, в конюшню отвел и засыпал в кормушку семь пудов ячменя.

Затем пошел к своей знакомой старухе, выпил бочку вина, лег, заснул и проспал три дня кряду, а когда проснулся, то увидел, что в изголовье у него сидит старуха.

— Доброе утро, Давид! — сказала она. — Каково спалось? Всё ли ты в добром здравье?

— Нанэ! — молвил Давид. — У меня матери нет — ты заменила мне мать. Отныне что ни повелишь, всё исполню.

— Давид, солнышко ты мое ясное! — сказала старуха. — Ты уже взрослый, ты заменил нам Львораздирателя Мгера. Иди к дяде, вели ему открыть престольную палату и займи отцовский престол.

Пришел Давид к дяде, сказал:

— Дядя Оган! Открой мне престольную палату — я сяду на отцовский престол.

— Открою, милый, открою! — молвил Горлан Оган. — Кому же еще и сидеть на престоле, как не тебе? Светоч Сасуна потух, а ты его вновь зажег. Носи на счастье Мгеровы доспехи и оружие, скачи на отцовском Коньке Джалали, тебе — престол твоего отца, и слава его — тебе!

Часть четвертая

ДАВИД-ЖЕНИХ

Давиду исполнилось двадцать лет.

Был он завидный жених.

Имя его красило его лицо, лицо его красило его имя.

Когда он выходил из дому и шел по городу, девушки млели при виде его, а матери ахали.

Больше всех таяла, больше всех по Давиду сохла жена Горлана Огана Сарья-ханум.

Однажды, в то время когда Горлан Оган спал, Сарья встала с постели, взяла пирог, жареную курицу, меду, масла, кувшин с семилетним вином, облеклась в самый красивый наряд свой, волосы расчесала, глаза подвела, свечку зажгла и пошла к Давиду.

Давид спал; дверь у него была заперта.

— Давид! Отопри! — сказала Сарья.

— Кто это? — спросил Давид.

— Это твоя тетка, Сарья.

Давид встал и отпер дверь. Сарья вошла в покой, села.

— Стосковалась я по тебе, Давид... — сказала она. — Недосуг мне

было приготовить для тебя что-нибудь повкуснее. Принесла, что под рукой было. Кушай на здоровье!

Поставила она яства перед Давидом, наполнила чару вином семилетним и молвила:

— Пей!

Давид подумал: «Что ж тут такого? Тетка мне мать заменяла, а сейчас вспомнила обо мне, поесть принесла».

Поблагодарил он ее и сказал:

— Ты мне заместо матери.

А Сарья-ханум:

— Давид, радость ты моя! Нет в нашем Сасуне таких пригожих удалцов, как ты, не было и не будет. Ешь и пей в свое удовольствие!

Давид закусил, выпил, захмелел, еще выпил, сказал:

— Отчего ж не выпить? Ведь это тетка моя родная меня потчует!

Еще выпил. И так, чарку за чаркой, сорок чар осушил... А ведь это было семилетнее вино — не что-нибудь еще!.. Уронил Давид голову на подушку и — хрр! хрр! — захрапел. Сон его одолел, и продолжать с теткой беседу он был не в силах.

Сарья наклонилась, поцеловала Давида в лоб, в обе щеки и удостоверилась, что Давид ничего не чувствует, спит себе мертвым сном. Нечего делать — встала Сарья и пошла в свой покой.

Так целую неделю ходила Сарья к Давиду и уходила ни с чем. Давид ее курицу и пирог съест, кувшин семилетнего вина опорожнит и — хрр! хрр! — захрапит. Наконец Сарья сказала себе: «Что же это я ношу Давиду семилетнее вино? Чтобы он хмелел и тут же засыпал?»

На этот раз принесла она Давиду полкувшина. Давид поел, выпил вина и не захмелел. Сарья обвила ему шею руками.

Давид возмутился:

— Тетя! Ты же мне мать!

— Почему я тебе мать, Давид? — спросила Сарья. — Я — жена твоего дяди, чужая тебе по крови.

— Мать и жена дяди — это для меня одно и то же. Дядя мне отец, ты мне мать. Ты для меня священна.

— Ах, Давид, не то ты говоришь!

— Почему не то?

— Я — чужачка. Я уже столько лет за твоим дядей, а детей у меня все нет как нет. Мне твой дядя постыл, а ты мне люб.

Говорит такие слова Сарья-ханум и виснет у Давида на шее.
«Если я ее ударю, убью, дядя скажет: «Давид убил мою жену», — думал меж тем Давид, — а не убью — она от меня не отстанет... Вот наказанье!»

Сарья-ханум кувшин слез пролила и ушла.

Наутро Давид встал, пошел к старухе и все рассказал ей про тетку.

А старуха сказала:

— Давид, милый, я ее не виню! Ты двадцатилетний красавец богатырь. Все девушки от тебя без ума — влюбляются с первого взгляда. Твоя тетка тоже... Что про нее сказать?.. Одно слово — женщина

— Так что же мне делать, нанэ?

— Женись, — отвечала старуха. — Введи к себе в дом красивую жену, чтобы чужие жены от тебя наконец отстали. А то ишь ты какой рослый да ладный уродился, глаза так и горят — вот все по тебе и сохнут.

Покраснел Давид.

— Как же это я вдруг женюсь? — сказал он. — Стыдно!

— Да чего стыдиться-то? — подхватила старуха. — Иди к дяде и скажи: пусть, мол, найдет тебе пригожую статную девушку и женит тебя. Ведь ты властелин Сасуна, чего тебе стыдиться?

Пошел Давид к дяде, постучал в дверь, вызвал его, поговорил с ним о том о сем, а про женитьбу — ни слова... Застыдился!

Прошел год.

Однажды Горлан Оган сказал Давиду:

— Давид! Ты нас от поработителя Мсра-Мелика избавил, ты вновь зажег светоч Сасунского царства. Теперь ты властелин Сасуна. Я сыщу тебе пригожую девушку и женю.

Давид покраснел, как артаметское яблоко.

— Да я и сам о женитьбе подумываю, — признался он.

Горлан Оган отправился в город Хлат. Царица хлатская Чымшк'ик-султ'ан, дочь Белого Дэва, была девушка стройная, неслыханной красоты. Горлан Оган посватал ее Давиду. Давидова слава дошла до нее, и она согласилась.

Давид и Чымшк'ик-султан кольцами обменялись.

С того дня, как Давид убил Белого Дэва, вражда между его родом

и Сасуном не утихала. Вот Горлан Оган и подумал: «Если Давид женится на дочери Белого Дэва, вражда пройдет».

...Слава Давида весь свет облетела. Все говорили друг другу:

— Давид Мсра-Мелика убил, родной свой Сасун освободил, на Мсыр дань наложил.

Донеслась молва и до Капуткóха, до Хандут-хатун.

Хандут-хатун была дочь капуткохского царя Вачó Марджó. Молва о ее красоте разнеслась по всем странам. Царь Шапúх к отцу Хандут сватов засылал: отдай, мол, за меня свою дочь. Пятьдесят доблестных пахлеванов с четырех сторон света сватали Хандут-хатун. Ели-пили в царском дворце, ждали когда она на ком-нибудь из них выбор свой остановит.

Но Хандут много слышала про Давида Сасунского и рассудила так: «Если есть на свете подходящий для меня жених, так это Давид, а кроме Давида, никто мне больше не нужен. На этих я и смотреть-то не желаю».

Вот как-то раз присела Хандут у своего окна, а в это время по улице проходили три гусана: один — белобородый, другой — чернобородый, а третий — безбородый. Хандут позвала их к себе и спросила:

— Гусаны! Сколько вы зарабатываете в день?

— У нас такое занятие, хатун, что день на день не приходится, — отвечали гусаны. — Иногда одну серебряную монету заработаем, а иной раз и две.

— Гусаны! Я вам буду платить три серебряные монеты в день. Ступайте в Сасун!

— А для чего?

— Сасунского царя зовут Давид. Спросите, где его дворец, придите в его покой и расхвалите меня, да так расхвалите, да так расхвалите, чтобы я пришла к нему по душе и чтоб он меня замуж взял. Пойдете?

— Хандут-хатун! — молвили гусаны. — Нет на свете ничего справедливее, как воздать тебе хвалу. Чтобы тебя восславить, мы не то что в Сасун, а и во Франгста́н согласны идти. Безвозмездно пойдём!

— Нет, — возразила Хандут-хатун. — Если вы меня так расхвалите, что Давид придет в Капуткох, я вам заплачу не три серебряные, а три золотые монеты за каждый день. Ну, идите с богом!

Пришли гусаны в Сасун. На улицах дети играли.

Гусаны спросили:

— Где дворец Давида Сасунского?

Детишки наперебой зачирикали:

— Мы вас отвеем! Мы вас отвеем!

Смотрят ребята — на плече у каждого незнакомца висит хвостатое корыто.

— Что это за хвостатые корыта? — спросили ребяташки.

— То не корыта, а сазы, — отвечали гусаны.

— А что такое сазы?

Дотронулись ребята до сазов — сазы зазвенели в ответ.

Подивились детишки:

— Ой! Что это? Корыта звянуули. Давайте отнимем у них корыта и поиграем!

С этими словами накиннулись они на гусанов. Кери-Торос увидел их в окно и крикнул:

— Эй, эй! Сумасброды сасунские! Оставьте гусанов в покое. Они пришли к нам поиграть и попеть.

Ребята, чирикая, разлетелись. Гусаны поблагодарили Кери-Тороса и спросили:

— Где дворец Давида Сасунского?

— А какое у вас до него дело?

— Дочь нашего царя послала нас, чтобы мы расхвалили ее Давиду, чтобы Давид пошел в Капуткох и взял ее в жены.

— А вы откуда?

— Из Капуткоха.

— Ах, вот оно что!.. — молвил Кери-Торос. — Ну так я и есть Давид. Идите ко мне и восхвалите дочь вашего царя.

Гусаны подмигнули друг другу.

— Чтобы Хандут-хатун пошла за этого седого старика?.. Да ни в жизнь! — сказали они.

Вошли во дворец гусаны, поели-попили, отдохнули после дороги.

Кери-Торос созвал всю свою родню, отборных молодцов сасунских — в палате иголке некуда было упасть.

— Пойте, гусаны! — приказал он. — Посмотрим, чего желает дочь вашего царя.

Гусаны сняли с плеч сазы и положили их на колени.

Белобородый гусан запел:

Полюбуйтесь, друзья, на Хандут-хатун!
Ей руки и ноги калам¹ обводил,
Ах, словно калам обводил!
Ей ногти на пальцах подпилоч точил,
Ах, словно подпилоч точил!
Полюбуйтесь, друзья: у нее на спине
Извиваются сорок волнистых кос,
Ах, сорок волнистых кос!
Полюбуйтесь, друзья: на ланитах ее
Румянец живее пламенных роз,
Ах, живее пламенных роз!
Как багдадская башня, она стройна,
Ах, как башня она стройна!
Полюбуйтесь теперь, что в очах у нее:
Младость вечная в этих очах зажжена,
Младость вечная в них зажжена!

— Славно! — дружно воскликнули сасунские молодцы.
— Тише! — цыкнул на них Кери-Торос. — Не мешайте им петь.
Тут заиграл и запел чернобородый гусан:

Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
Стан у нее стройней тростника.
Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
А поступи, как у Джалали, легка.
Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
Губы ее — что душистый мед.
Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
Не зубами, а жемчугом полон рот.
Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
Хлопка нежней чеша у ней.
Для тебя, о Давид, воспою Хандут-хатун.
Как увидишь — заплачет сердце по ней.

— Ого! — зашумели сасунские молодцы. — После такой хвалы
у всякого сердце по Хандут-хатун затоскует — даже у тех, кто не ви-
дел ее.

— Погиб теперь наш Давид!

---

¹ К а л а м — перо.

— Тише! — цыкнул на них Кери-Торос и обратился к молодому гусану: — А теперь ты спой.

Молодой гусан заиграл и запел:

Как райские двери, уста у нее,
Нет, краше, нет, краше еще!
Журавлиные перья — ресницы ее,
Нет, легче, нет, легче еще!
А бела Хандут, будто снег на горе,
Нет, белее, белее еще!
А душиста она, как цветок на заре,
Нет, душистей, душистей еще!
Словно кедр, она высока и стройна,
Нет, стройнее, стройнее еще!
Как семь буйволов, наша Хатун сильна,
Нет, сильнее, сильнее еще!

— Красавица писаная! — дружно воскликнули сасунские молодцы.

— Эта девушка достойна Давида!

— Молчать! — гаркнул Кери-Торос. — Она не девушка, а ведьма! Ее гусаны явились в Сасун, чтобы нашего Давида обмануть, заманить в колдовскую эту страну и там его уничтожить, погасить светоч Сасуна. Бейте коварных гусанов, ломайте их сазы!

Сасунские молодцы отколотили гусанов, сазы их переломали, а самих гусанов выгнали вон.

Напуганные гусаны бежали опрометью, а на мосту остановились и сказали друг другу:

— Говорили нам, что сасунцы — сумасброды, а мы всё не верили!

— Что мы им сделали? За что они нас побили?

— Мы только расхвалили Давиду Хандут-хатун, как она нам велела.

— Мы-то думали: Давид — молодец из молодцов, а он оказался седым блажным стариком!

В это время Давид и его друзья после охоты спускались с гор, неся за плечами добычу. Увидев на мосту гусанов, он их окликнул:

— Здорово, братцы! Что вы тут делаете? Что вы за люди?

— Мы гусаны из Капуткоха, — отвечали они.

— Видать, чем-то вы недовольны, — заметил Давид.

Белобородый гусан пожаловался:

— Сасунские сумасброды нас побили, сазы наши переломали, выгнали нас из города.

— За что? — удивился Давид.

На это ему чернородый гусан ответил так:

— Дочь нашего царя Хандут-хатун послала нас в Сасун, чтобы мы расхвалили ее Давиду, чтобы она прихлалась Давиду по нраву, чтобы Давид пришел в Капуткох и женился на Хандут. Сасунцы послушали наше пение, а потом отколошматили нас и сазы нам переломали.

Безбородый гусан к этому добавил:

— И все это они учинили по приказу Давида. Как мы теперь будем без сазов?

— Что? — опросил Давид. — Вы видели Давида?

— А как же! — отвечали гусаны. — Ну уж и Давид!

— А что, не понравился он вам?

— Кому он может понравиться! Седой, дряхлый, выживший из ума старик! Жаль нам нашу царевну — охота была ей выходить за дряхлого сумасброда!

Давид подмигнул друзьям, и они расхохотались.

— Куда же вы идете в такой поздний час? — спросил гусанов Давид.

— Идем домой, в Капуткох, — отвечали гусаны. — Скажем нашей царевне, чтоб она не ходила замуж за эту старую развалину Давида. Какая он ей пара!

— Гусаны! — со смехом сказал Давид. — Давид — это я, а побил вас мой дядя.

Гусаны переглянулись.

— Вот это и правда Давид! — сказали они. — А тот вздорный старик — какой же он Давид?

— Гусаны! — молвил Давид. — Вот вам горсть серебра. Вернитесь в Сасун, сазы отдайте в починку, а когда почините, приходите ко мне и расхвалите вашу Хандут.

Гусаны взяли горсть серебра, возвратились в Сасун, починили сазы, пришли к Давиду в его покой, и каждый из них расхвалил деву Хандут, каждый спел ту песню, которую пел для Кери-Тороса, за что перенес побои.

Давид послушал похвальные песни в честь Хандут-хатун, а затем взял у молодого гусана саз, настроил его и запел:

Пусть всегда вам, гусаны, живется легко!
На Хандут вам раскрыть мне глаза суждено.
Мое сердце, как свежее молоко, —
После вашего пения скислось оно.
Как Сасун, прочен был мой сердечный покой —
Суждено было вам эту крепость пробить.
Сердце было осеннею чистой рекой —
Удалось вешним водам его замутить.
Было сердце мое — что стальная броня,
А теперь оно плавится, как от огня.

Тут Давид положил саз на пол и, обращаясь к гусанам, сказал:

— А теперь, гусаны, идите в Капуткох и скажите Хандут-хатун: пусть подождет шесть дней, а на седьмой я приеду к ней в гости. Завтракать буду в Чажване, обедать — в Бандымаху, ужинать — во дворце у вашей царевны.

Дал Давид гусанам горсть золота и отпустил в Капуткох.

Давид гусанов до моста проводил и, воротившись домой, погрузился в раздумье. Облик Хандут-хатун так и стоял у него перед глазами.

Дни шли за днями. Давид тосковал о Хандут-хатун, таял и сох, не пил и не ел.

Однажды Кери-Торос повел с ним такую речь:

— Мальчик мой Давид! Неужто бог так тебя создал, что ты растешь только в боях? Что с тобой? Когда ты каждый день сражался, ты в тело входил, крупней и сильнее становился. Теперь мы ни с кем не воюем, а ты все хиреешь и хиреешь. Что с тобой?

— У меня, Кери-Торос, большое горе. Ты не знаешь!

— Какое горе, мой мальчик?

— Да так...

— Как это «так»? Что значит «так»? Коли у тебя горе, мы ему поможем.

— Горе мое — Хандут-хатун из Капуткоха, — объявил Давид.
Рассвирипел Кери-Торос:

— Что?.. Какая там еще Хандут-хатун? Что ты мне сказки рассказываешь?

— С того дня, как капуткохские гусаны расхвалили Хандут, сердце мое исполнилось любви к ней, и любовь эта жжет и палит меня огнем, я ни пить, ни есть не могу. Я поеду за ней в Капуткох. Умереть мне на этом самом месте, поеду!

— Давид, родной мой! — молвил Кери-Торос. — Послушайся ты меня: брось ты пагубную эту затею! Кто направится в Капуткох, тот назад не вернется. Силой там, брат, не возьмешь. Это колдовская страна. Там людей завораживают. С капуткохцами лучше не связываться. Послушайся ты меня: не ездь в Капуткох.

— Нет, — возразил Давид. — Нет, Кери-Торос! Для меня в целом мире есть только Хандут. Кроме Хандут, мне не нужен никто. Я дал себе слово поехать за ней и поеду. Умереть мне на месте, поеду!

— Но ведь ты же обручился с Чымшчик-султан из Хлата! — напомнил Давиду Кери-Торос.

— Я и думать не хочу о Чымшчик-султан. Сердце мое стремится к Хандут-хатун. Еду в Капуткох!

Кери-Торос хорошо знал, что Давид слова на ветер не бросает: сказал — значит, сделал. Он только плечами пожал.

— Воля твоя, мой мальчик!

ХАНДУТ-ХАТУН

От Сасуна до Чажвана — семь дней пути, от Чажвана до моста через реку Бандымаху — семь дней пути, от моста до Капуткоха — семь дней пути.

Давид помчался на Джалали, к завтраку доскакал до Чажвана; там перекусил, опять сел на коня, в полдень приблизился к Бандымаху. Недалеко от реки была деревня Горцот. Семеро плугарей из этой

деревни пахали поле Чымшик-султан. Как раз в это время плугари сели обедать. Приблизился к ним Давид и сказал:

— Добрый день, плугари!

— Здорово! — отозвались плугари.

— Бог вам в помощь!

— Спасибо, — отвечали плугари. — Подсаживайся к нам, путник, гостем будешь, кушай на здоровье!

— Благодарствуйте, — молвил Давид. — Я тороплюсь. Если я прикосежусь, вам ничего не останется. Кушайте сами!

Пожилой плугарь сказал:

— Божий человек! Мир плугом кормится. Статочное ли это дело — мимо плуга голодным пройти? Нет, брат, присаживайся! Поглядим, сколько ты умнешь, поглядим, как это ты ничего нам не оставишь!

Сошел Давид с коня, разнуздал его, чтобы вольней было ему пастись, сел, прислонился к повозке и молвил:

— Ну, воля ваша!

Принесли пастухи котел о семи ушках, в котором у них был приготовлен плов на семь дней, и поставили перед Давидом. Рядом положили хлеб, тоже на семь дней, и подмигнули друг другу: поглядим, мол, сколько он съест!

Давид клал один лаваш на другой, на них — два ковша плова, потом скручивал их жгутом, два раза откусывал — и двух лавашей как не бывало. Плугари подталкивали друг дружку локтем и пересмеивались втихомолку. А Давид весь их семидневный запас съел подчистую, запил водой, которую плугари тоже на семь дней себе запасли, сел на коня, попрощался и — в путь.

— Ой-ой-ой!.. — воскликнули плугари. — Что же он наделал? Съел без остатка наш недельный запас! Нам еще целую неделю здесь работать — кто же нам даст хлеба и воды? В деревню пойти, там скажут: «Вы что, волки, что ли? Недельный запас в один день сожрали?» Сказать, что путник подсел и все съел, — не поверят. Как же нам быть?

Давид услышал этот их разговор, обернулся к ним и сказал:

— Вы тут пока отдохните, а я за один час вспашу, сколько вам за неделю вспахать полагается, и дело с концом!

— Как это ты вспашешь?

— Очень просто. Как я семидневные ваши запасы сразу подчистил, так и семидневный ваш труд сразу окончу.

Связал Давид все семь плугов, сел на Конька Джалали, цепь на руку намотал, проехал до конца поля, вернулся обратно — полполя вспахал.

— Ну что? Теперь убедились? — спросил он.

Плугари в изумлении переглянулись.

— Тут твое умение ни при чем, — заметил молодой плугарь. — Это сила твоего коня.

При этих словах Давид соскочил с Джалали, намотал на руку цепь и за полчаса оставшуюся часть поля вспахал.

— А теперь что скажете? — спросил он.

Плугари рты разинули от удивления.

— Ну и ну! — сказали они. — Ох и силища у тебя, божий человек! Ты словно Давид Сасунский.

Рассмеялся Давид:

— А я и есть Давид Сасунский!

У плугарей глаза на лоб полезли.

— Так ты Давид Сасунский?

— Клянусь богом, я Давид Сасунский! А это мой Конек Джалали! Обрадовались плугари, окружили Давида.

— Давид! — сказали они. — Слыхом мы про тебя слышали, а видом не видали. Наш недельный запас пусть будет тебе во здравье! Куда бы ты ни пошел, да не споткнется о камень твоя нога! Да зеленеет зелень и да цветут цветы на твоем пути! Никогда не ведай печали! Да исполнит господь желание твоего сердца!

Пока Давид уплетал недельный запас еды, который себе наготовили плугари, молодой плугарь сел на коня, поскакал к Чымшкик-султан и рассказал ей про необыкновенного этого пахлевана.

«Это, уж верно, Давид, — подумала Чымшкик-султан, — пришел, моего хлеба поел и ушел к Хандут-хатун! Хандут-хатун!.. Подумаешь, важная птица!.. Да она мизинца моего не стоит!»

В это время мимо ее дворца проезжал по улице Давид.

Чымшкик-султан окликнула его, остановила, вышла на улицу, взяла Давидова коня под уздцы и спросила:

— Куда путь держишь, Давид?

— В Капуткох.

— Я знаю, ради кого ты туда едешь. Гусаны мне всё рассказали. Слезай с коня и пойдём ко мне — закуси, отдохни. Капуткох от тебя не убежит.

Чымшкик-султан была красавица и говорить умела краснó. Чары ее подействовали на Давида — сошел он с коня, поел, семилетнего гранатного вина выпил, захмелел и уснул...

Проснулся Давид ни свет ни заря, и стали его мучить угрызения совести, и взяло его зло на себя.

«Что же я наделал! — подумал он. — Мой народ обмануть нельзя. Почему же меня обманули сладкие речи этой женщины?»

— Давид! — сказала Чымшкик-султан. — Остаешься у нас еще на денек!

— Нет! — отрезал Давид. — Один раз ты меня уже обманула — довольно!

— Давид! — продолжала Чымшкик-султан. — Ведь мы с тобой кольцами обменялись!

— Наши кольца обменяли мой дядя и твоя мать, — возразил Давид. — Неделю тому назад я твое кольцо отослал обратно.

С последним словом Давид сел на коня и поскакал.

Чымшкик-султан вслед ему поглядела.

— Ну погоди ж ты у меня, косноязычный Давид!.. Приехал, приворожил меня, а теперь едешь жениться на Хандут?.. Вот я тебе покажу Хандут-хатун! Подумаешь, важная птица! Да она мизинца моего не стоит!..

С той поры Чымшкик-султан стала недругом Давида, его супротивницей.

Три дня сидела Хандут-хатун под окном, все поджидала Давида.

На четвертый день, когда солнце стояло уже высоко, смотрит Хандут-хатун — между небом и землей, полыхая огнем, мчится всадник.

«Это, уж верно, Давид», — подумала Хандут и обратилась к привратнику:

— Гамто́л! Запри скорее ворота. Сейчас всадник подъедет.

Только успел Гамтол руку протянуть к воротам, а Давид уже тут как тут. Кто ни посмотрел бы в тот миг на Давида и на Джалали, всякий сказал бы: «Крепость взгромоздилась на крепость». Давид осадил Джалали под самым окном.

Как увидела Хандут-хатун Давида, сердце запрыгало у нее от радости, и она бросила Давиду яблоко. Давид поймал яблоко, понюхал, взглянул на Хандут, да так и обомлел. «Хандут-хатун может солнцу сказать: «Солнце, заходи! Я вместо тебя буду светить». Гусаны и половину ее красот воспеть не сумели», — подумал Давид.

А Хандут-хатун затворила окно и скрылась в глубине комнаты. Давид направился к воротам, смотрит — грозный пахлеван с тяжелой палицей в руке стоит у ворот. Давид со страху ему поклонился. Гамтол ответил поклоном на поклон.

— Вот на! — сказал он. — Уже сорок лет, как я здесь привратник, а никому еще на поклон поклоном не отвечал. Нынче Давида Сасунского увидел и со страху ответил ему на поклон.

А Давид ему в ответ:

— Ну, слава богу! Раз и ты со страху мне поклонился, стало быть, беды в том нет, что и я со страху поклонился тебе. Вот если б ты со мной не поздоровался, обида меня бы сглодала, сжила бы со свету.

— Милости просим, брат мой Давид, добро пожаловать! Ты к нам зачем?

— Я приехал свататься к Хандут-хатун. Как бы мне ее повидать?

— Хандут-хатун по пятницам с сорока своими прислужницами выходит в царский сад погулять. Нынче как раз пятница. Иди в сад, там ты ее и увидишь.

— Как тебя звать? — спросил Давид.

— Гамтол, твой слуга.

— Гамтол! Ты назвал меня: «Брат мой Давид». Давай побратаемся!

— Я лучше, чем ты, брата себе не найду, — молвил Гамтол. — Коли ты женишься на Хандут, возьмешь меня в посаженные отцы?

— Мне лучше, чем ты, посаженного отца не найти, — отвечал Давид.

Подъехал Давид к царскому саду, пустил коня пастись среди роз и рехана¹, а сам лег у Родника бессмертия и уснул.

Пришла Хандут с сорока прислужницами, смотрит — Давид спит у Родника бессмертия, а конь пасется среди роз и рехана.

Рассердилась Хандут-хатун.

— Экий невежа Давид Сасунский? — сказала она. — Мой сад — это что, пастбище для него? Сам разлегся, а его конь топчет розы мои

---

¹ Рехан — душистая трава.

и рехан. Птица на крыле, змея на животе не смеют к моему саду приблизиться. Видно, Давид об ста головах, что в сад мой проник. Скажите: пусть уезжает. Но только дайте ему сначала поесть. Голодного выгнать жаль.

Прислужницы принесли Давиду поесть. Давид искупался в Роднике бессмертия, поел, попил, а затем обратился с вопросом к прислужницам:

— Как поживает ваша Хандут-хатун?

А прислужницы ему на это:

— Наша Хандут-хатун говорит про тебя: «Как он посмел въехать в мой сад, как он дозволил коню своему розы мои и рехан топтать?» Хандут-хатун велела тебе убираться вон. А не то...

— Коли ваша Хандут-хатун хочет, чтобы я уехал отсюда, — перебил их Давид, — зачем же она поесть мне дала? Нет, я отсюда никуда не уйду. Передайте вашей Хандут: пусть поступает со мной как ей заблагорассудится.

Прислужницы удалились.

Давид подозвал Гамтола.

— Гамтол! Где бы поставить коня? — спросил он.

— Брат мой Давид! — отвечал Гамтол. — Кони пятидесяти пахлеванов стоят вон в той конюшне. Поставь и ты там своего коня.

Давид отворил ворота конюшни, разнуздал Джалали и сказал:

— Ну, иди! Коли ты одолеешь коней, стало быть, я одолею хозяев.

Конек Джалали с торжествующим ржаньем вбежал в конюшню. Все пятьдесят коней в страхе прижались к стене. Джалали всю их люцерну съел. Весть о том конюхи поспешили Хандут-хатун принести.

— Конь себя показал, — молвили они. — Теперь поглядим, каков хозяин.

Когда Хандут-хатун бросила Давиду яблоко из окна, все пятьдесят пахлеванов разобиделись.

— Мы уже семь лет сохнем по ней и таем, — сказали они, — а она на нас никакого внимания. А этот репоед сасунский не успел с коня сойти — она ему яблоко бросает! Мы не позволим зайке Давиду восторжествовать над нами.

Вошел Давид в палату. Там пятьдесят пахлеванов вино пили. Рядом с Давидом они выглядели малыми детьми. Как посмотрели они на

Давида, сердце у каждого из них упало, и они между собой уговорились:

— Давайте напоим его и убьем. Иначе плохи будут наши дела. Наверяд Хандут кого-либо из нас ему предпочтет.

Пригласили они Давида, усадили, семилетнее гранатное вино разлили и протянули чару Давиду.

— Добро пожаловать, Давид! — сказали они. — Выпей за здоровье Хандут-хатун!

Давид исподлобья взглянул на них и сказал:

— Разве я воробей, чтобы меня из наперстка поить? Есть у вас карас?¹ Принесите, я его весь опорожню, чтобы легче стало на сердце.

Принесли карас, поставили перед Давидом, вместо чары дали ему большущий медный кувшин, Давид семь кувшинов вина осушил, захмелел, голову свесил на грудь.

Тут пахлеваны — мечи наголо, сейчас голову отрубят Давиду. А Гамтол, стоя в дверях, увидел это и крикнул:

— Брат мой Давид, брат мой Давид! Вокруг твоей головы мухи роятся, отгони их!

Давид поднял голову. Пахлеваны мечи под скатерть сунули.

Но Давид был пьян, и голова у него сама собой опять свесилась на грудь. Тогда пахлеваны опять мечи свои вынули.

А Хандут-хатун взобралась на чердак и через оконце в кровле наблюдала за коварными действиями своих женихов. Перед ней стояла корзина с орехами. Когда Давид опускал голову, а пахлеваны вынимали мечи из-под скатерти, Хандут бросала сверху орех, орех падал на медный поднос, поднос звенел, Давид просыпался, голову подымал, пахлеваны снова прятали под скатерть мечи, снова бледнели и мелкою дрожью дрожали. Так Хандут-хатун все орехи по одному сбросила в палату. Наконец хмель соскочил с Давида, и он сказал слуге:

— Возьми скатерть и принеси мне поесть. Но так, чтобы ни одна хлебная крошка на пол не упала, — бросать хлеб на пол грешно!

Хотел было слуга взять скатерть, но пахлеваны его остановили:

— Не трогай скатерть! Иди за едой.

---

¹ Карас — большой глиняный сосуд для хранения вина.

— Что?.. — спросил Давид. — Скатерть должна идти за едой или же еда за скатертью?

Сдернул Давид скатерть и видит: перед каждым пахлеваном обнаженный меч.

— Что это значит?.. Зачем перед вами мечи?

— Это наши мечи.

— Ими хорошо в огороде землю копать! Дайте их сюда.

Пахлеваны отдали Давиду мечи. Давид все мечи с одного разу об колено переломил, обломки отдал Гамтолу.

— Сложи-ка ты это в мой чувал, — сказал он. — Сталь добрая, я из нее моему коню подков наделаю.

Пахлеваны в ужасе выскочили из палаты.

— Иди сюда, Гамтол! — крикнул Давид. — Дом достался нам с тобой, а куры пусть во дворе гуляют.

Хандут-хатун между всеми женихами своими отличила Давида.

— Пригласи Давида ко мне, — велела она прислужнице. — А те пятьдесят пахлеванов пусть внизу пообедают.

Давид поднялся в покои Хандут, и как скоро увидел он ее — не мог удержаться: обнял и поцеловал в лоб. Но от этого поцелуя жар в нем не остыл, и он поцеловал ее в щеку. Но и тут не остыл в нем жар, и он поцеловал ее в губы.

Размахнулась Хандут-хатун — и бац Давида кулаком по лицу! У Давида кровь из носу хлынула.

— За что ты меня? — спросил Давид.

— За дело! — отвечала Хандут. — Мой отец не хуже твоего. Лев ли то, львица — всё лев. Когда ты поцеловал меня в лоб, я сказала себе: «Это награда за то, что ему пришлось долго ехать ко мне». Но зачем ты поцеловал меня в губы? Царь Шапух и пахлеван Гамза сватов послали к моему отцу. Завтра они придут, тебя отстранят, меня увезут, да еще попрекать начнут, что с тобой, с репоедом сасунским, зналась.

При этих словах Давид разгневался, выбежал из покоев Хандут наружу и крикнул:

— Брат Гамтол! Выведи моего коня.

Гамтол вывел Конька Джалали из конюшни.

Давид вскочил на коня и тронул поводья. В это время Хандут-хатун выбежала из дворца, коня за узду схватила.

— Давид, остановись! — крикнула она.

Давид вырвал узду у нее из рук и поскакал. Хандут со слезами пошла за ним и все умоляла его вернуться.

Но Давид не вернулся.

А Хандут все шла и шла, так долго шла, что туфельки у нее стоптались, разодрались, с ног соскочили. Тогда Хандут-хатун пошла за Давидом в одних чулках. Так долго шла, что и чулки у нее разодрались и слезли с ног. Тогда Хандут-хатун за Давидом пошла босиком. Так долго шла, что ноги себе поранила, из ран кровь текла и окрашивала в красный цвет колючки и камни. А Давид все ехал, ехал и назад не оглядывался. Хандут-хатун наступала на следы от конских копыт — ямы вмиг наполнялись кровью. Хандут-хатун, ступая по земле окровавленными босыми ногами, шла за Давидом и звала его:

— Давид, остановись, ради бога! Подожди меня! Обернись, взгляни на меня, только взгляни — и поезжай дальше!

Наконец Давид остановил коня, обернулся и увидел, что девушка бежит за ним босиком. «Вот так так! — подумал он. — Хандут-хатун отродясь босиком не ходила, а нынче босая бежит за мной и следы копыт моего коня окрашивает кровью...»

Подбежала Хандут-хатун и схватила коня за узду.

— Давид! — сказала она. — Не губи меня, не бери греха на душу! Ты видишь мои раны? Сжался надо мною, вернись! Чудной ты, Давид! Ну за что ты на меня обиделся?

— Как же не обидеться! — воскликнул Давид. — Я за тобой прискакал из Сасуна. Такой долгий путь проехал ради тебя! Стоило мне тебя поцеловать — ты меня бац по лицу, аж кровь потекла. Всякий бы на моем месте обиделся.

— Давид, ненаглядный ты мой, не осуждай меня! — сказала Хандут-хатун. — Пятьдесят пахлеванов вот уже семь лет живут в моем доме, и никто из них еще не видел, какова я с лица. А ты только пришел, поздороваться не успел — полез целоваться, осрамил меня. Так нельзя! Я тебя позвала в мой покой для беседы. Мы бы друг дружку послушали, узнали друг друга, сблизились, обо всем договорились, а уж тогда...

Устыдился Давид.

— Хандут! Придумай мне любое наказание!.. — сказал он.

— Давид! — молвила Хандут-хатун. — Я дала себе слово: пока грудь моя дышит, я босиком пойду за тобой до Сасуна, до Мсыра, на край света!

Тут Давид подхватил девушку, посадил ее на коня, и воротились они в Капуткох.

БОЙ ДАВИДА С ЖЕНИХАМИ ХАНДУТ

Восточный царь Шапух послал письмо брату своему, царю западному, Бап-френки:

Давид Сасунский Мсра-Мелика убил, возгордился, в Капуткох прискакал — хочет жениться на Хандут-хатун. Помоги мне его проучить.

Бап-френки письмо Шапуха прочел и от себя написал Давиду:

Давид Сасунский! Коли ты такой храбрый, выходи со мной биться. Коли не придешь, я со своим войском пойду на восток, Сасун разрушу, Капуткох разрушу, а пыль развею по ветру.

Письмо Бап-френки гонцы доставили в Сасун, а как узнали, что Давид уехал в Капуткох, помчались с письмом туда.

Давид в это время спал, письмо прочла Хандут-хатун и сказала себе:

«Мой Давид долго воевал, он устал от сражений, пусть отдохнет. Я во что бы то ни стало должна предотвратить новую эту войну!»

Так порешила Хандут-хатун и от своего имени написала письмо Бап-френки:

Бап-френки! Это письмо пишет тебе Хандут-хатун, капуткохского царя дочь, Давида Сасунского невеста. Давид ничем тебе не досадил, он тебя видом не видал, слыхом не слыхал, так чего же тебе от него надобно? Зачем ты вызываешь его на бой? Давид не придет. Коли ты такой удалой боец, так приходи сюда. Но приходи не один — это я, тебя жалеючи, говорю. Вспомни, чем кончил Мсра-Мелик. Возьми с собой других царей — вдруг да одолеете Давида Сасунского... если только, впрочем, кому-нибудь под силу его одолеть.

Взяли гонцы письмо Хандут и доставили царю своему Бап-френки. Тот созвал визирей и обратился к ним за советом:

— Как быть?

— Не надо воевать, — рассудил один из визирей.

— Как так? — воскликнул Бап-френки. — Брата моего Шапуха не выручить? Нет, будем воевать!

— Ну, коли так, — молвил визирь, — отпишем ко всем царям — недругам Вачо Марджо: пусть придут к нам на подмогу.

Разослали письма всем шести царям, которые зарились на Хандут-хатун.

Бап-френки со своею ратью пришел и осадил Капуткох, чтобы силком увести Хандут-хатун.

Восточный царь Шапук, царь оханский, царь тоханский, царь ландбандский, царь алепский и черный царь, шести государств правители, — каждый со своим войском, — пришли и осадили Капуткох, чтобы силком увести Хандут-хатун.

Каждый лелеял тайную мысль, что солнцеликая дочь Вачо Марджо достанется ему.

Поглядел Давид в окно, увидел войско семи царей и сказал:

— Хандут! В тот день, когда ты ударила меня по лицу, я молил бога, чтобы все враги твоего отца пришли и осадили Капуткох. Бог услышал мою молитву. Посмотри!

Поглядела Хандут-хатун и сказала:

— Да!.. Не струсил, пришли.

— А почему они должны были струсить?

Тут она раскрыла ему тайну своего письма.

— Я была уверена, — сказала Хандут-хатун, — что мое письмо напугает их и они не пойдут войной на тебя. Так нет, не струсил, пришли!

Поутру Вачо Марджо созвал пятьдесят пахлеванов.

— Семь царей хотят со мной воевать из-за Хандут-хатун, — объявил он. — Кто из вас выйдет на бой?

Пахлеваны ему на это ответили:

— Вот уж семь лет, как мы здесь живем, а дочь твою в глаза не видали. Давид Сасунский приехал только вчера, и уже твоя дочь яблоко ему кинула, в покой к себе позвала, обласкала его...

— Стало быть, не выйдете на бой? — спросил Вачо Марджо.

— Нет, не выйдем, — отвечали пахлеваны. — Кому Хандут-хатун подарила яблоко, тот пусть и выходит на бой. Обещай выдать за победителя свою дочь, тогда мы пойдём в бой.

Но тут вмешался Давид.

— Этот бой — мое дело, — сказал он. — А вы себе спите спокойно. Где бой, там и Давид Сасунский.

— Давид! — сказала Хандут-хатун. — Ведь ты же так долго сражался, ты устал...

— Хандут! — молвил Давид. — Ради тебя я согласен воевать с целым светом. Чтобы ринуться в бой, я только жду твоего повеления. Ворочусь я через три дня. Не вернусь — значит, меня убили. Об одном я прошу тебя: тело мое унеси с поля битвы и похорони меня своими руками. Примета моя — Ратный крест на правом плече. По этому кресту ты меня и опознаешь.

Давид пошел в конюшню выводить Конька Джалали. Хандут-хатун догнала Давида.

— Подожди, Давид! — сказала она. — По обычаю наших предков, если муж идет в бой, его коня должна выводить жена. Дай я выведу твоего коня.

Давид остался ждать во дворе. Хандут-хатун вошла в конюшню,

смотрит — пятьдесят коней забились в угол, а перед ними, как неприступная крепость, стоит Джалали. Хандут-хатун протянула руку — хотела за гриву Джалали ухватить и вести из конюшни. Но Джалали ее не признал, не дался ей. Он так мотнул головой, что Хандут-хатун отскочила и — бух! — грянулась оземь.

— Ой, Давид! — закричала она. — Конь твой меня убил!

Давид подбежал, обнял Хандут и сказал своему коню:

— Ай-ай-ай, Конек Джалали! Как же тебе не стыдно? Ты ударил мою жену! Разве ты не видишь, что это женщина? Негоже мужчине бить женщину.

Конек Джалали в смущении опустил голову.

— А теперь выводите его! — обращаясь к Хандут-хатун, молвил Давид.

— Ты что ж это, хочешь, чтобы конь твой меня убил? — сказала Хандут-хатун.

— Нет, Хандут, — отвечал Давид. — Конь думал, что ты мне чужая. Теперь он тебя не тронет. Выводите.

Подошла Хандут, взяла Джалали за гриву и вывела во двор. Конь не противился. Она оседлала его.

Давид затянул подпруги, поцеловал коня в лоб, сказал: «Хлеб, вино, вездесущий господь!» — вскочил в седло, перемахнул через стену и помчался в бой.

Осадил коня Давид на высоком холме, смотрит: сколько в море песку, столько в поле войска; сколько в лесу деревьев, столько в поле шатров.

«По обычаю предков моих, я должен предупредить врага, а потом уже нападать», — напомнил себе Давид и громким голосом заговорил:

Кто спит — скорее проснись-пробудись,

Гей-гей, скорей пробудись!

Кто встал — скорее коня седлай,

Гей-гей, скорее седлай!

Кто оседлал — на коня, на коня,

Гей-гей, на коня, на коня!

Я никому не позволю болтать,

Будто Давид подкрался, как тать.

Голос Давида, как гром, прокатился по горам и ущельям и донесся

до войска семи царей. Пробудилось войско, забушевало, как море, сомкнутой стало стеной.

— С нами бог долины Леранской! — воскликнул Давид, врезался в ряды вражьего войска, погнал его, как ветер-дракон гонит сухое перекасти-поле, по всей долине крутился, направо и налево рубил, крушил, крошил, мертвыми телами, точно скошенной травой, всю Капучкохскую равнину устлал. Хлынули реки крови и унесли тела.

Царь Шапух издали увидел Давида, взвыл от бешенства и метнул в него трехсотпудовую палицу. Давид поймал ее на лету и с размаху метнул в супостата. Палица ударилась о Шапуха, сшибла его с коня, череп ему разможила и на семь кангунов в землю ушла.

Царь оханский и царь тоханский стояли возле Шапуха. Как увидели они это грозное чудо, поворотили коней — и наутек. Давид устремился за ними в погоню. Войско не переводя дыхания следило, чем кончится эта погоня. Пыль столбом поднялась, небо затмила. Солнца не было видно. В пыльной мгле сверкал лишь Давидов меч-молния да сыпались искры из-под подков Джалали.

Давид беглецов догнал, обоим головы отрубил, насадил их на копье и швырнул перепуганным насмерть воинам.

— Берите свою добычу и идите домой! — сказал он.

Половина вражьего войска была разгромлена, осталась еще половина.

Давид убил трех царей, четыре осталось.

Стали цари между собой совет держать.

— Как же нам быть? — говорили они. — Давид непобедим.

Бап-френки сказал:

— В старинных книгах написано, что Давид погибнет от руки со-родича своего. Пусть кто-нибудь из нас съездит в Сасун и подговорит кого-либо из тамошних пахлеванов Давида убить.

Поехал в Сасун царь алепский и сказал Горлану Огану:

— Помогите нам, Оган, умоляю тебя! Из Туранской земли пришел удалой пахлеван и перебил все наше войско. Мы слышали, что у вас в Сасуне много смельчаков. Пошлите одного из них — пусть он убьет нашего недруга. А мы вам за это семь больших городов отдадим.

Горлан Оган, ничего не подозревая, обратился к Пачкуну Верго:

— Верго! Давай пошлем им в помощь Парон-Астхика, а за это семь городов себе возьмем, присоединим к Сасунской земле.

Парон-Астхик, сын Пачкуна Верго, был могучий и доблестный пахлеван. Вскочил он на боевого коня, булатным мечом опоясался и стрелой полетел на поле боя.

Давид пришел к Хандут-хатун и сказал:

— Хандут! Завтра я на бой пойду.

— Ты устал, Давид, — сказала Хандут-хатун. — Не ходи на бой. Я вместо тебя пойду.

— Нет, Хандут, я тебя не пушу! — сказал он. — Я пойду на бой. Но поклянись мне, что из дому ты не выйдешь, двери не отворишь, окна не отворишь и не взглянешь на бой.

— Пусть будет по-твоему, — сказала Хандут-хатун. — Я двери и окна закрою, дома посижу, рукодельем займусь.

На заре Давид снова ринулся в бой.

До полудня сражался он с Парон-Астхиком. Давид узнал своего родственника, а тот его не узнал. Давид бил шутя, Парон-Астхик бил изо всей мочи.

Внезапно отблеск меча проник в покой Хандут-хатун.

«Что это? Никак не пойму, — сказала она себе. — Ведь сейчас не ночь, лунный свет проникнуть в комнату не может, и туч на небе нет, молнии сверкнуть неоткуда. Что же это за луч играет у меня в комнате?»

Не утерпела Хандут-хатун, встала, раскрыла окно. Смотрит: могучий всадник на лихом коне кружит, над головою Давида булатным мечом машет — искры так и сыплются. Хандут была умница, грамоте хорошо знала. В старинных книгах ей довелось прочесть, что Давид погибнет от руки сородича своего, и тут она догадалась, что это двоюродный брат Давида машет у него над головою мечом. Заметила Хандут, что Давид бьет шутя, а Парон-Астхик — изо всей силы-мочи, что для него это бой не на жизнь, а на смерть. Взяла Хандут-хатун саз и запела:

Парон-Астхик, остановись!

Тебе кричу: остановись!

Осыпан искрами Давид,

Спалишь Давида ты огнем —

То счастье все мое горит.

Схоронишь ты Хандут живьем.

Услыхал Давид голос Хандут.

— Ох-ох-ох! — воскликнул он. — Вот она, женская стойкость! Я знал, что ты дома не усидишь.

Как скоро Давид удостоверился, что двоюродный брат и впрямь хочет его убить, ударил он его мечом-молнией, коня его рассек пополам, а самого Парон-Астхика опрокинул.

Парон-Астхик издал предсмертный стон:

— Ах!.. Я пал от руки своего родича.

— Ой, ослепни мои глаза! — вскричал Давид. — Убил я своего двоюродного брата! В Сасуне есть старинный обычай: когда кто-нибудь из нашего рода умирает, он должен положить голову на колени к родственнику своему и тогда уже душу богу отдать.

Соскочил Давид с коня и положил голову родича к себе на колени. Парон-Астхик притих, потом захрипел и испустил дух.

Увидел Давид, что Парон-Астхик отошел, и в то же мгновенье без чувств упал на его неподвижное тело. Враги бросились на Давида. Но Конек Джалали грозно кружил вокруг своего хозяина и не подпускал к Давиду врагов.

Наконец Давид очнулся, тотчас вскочил на коня и напал на врагов. Враги в ужасе разбежались.

— Не бегите! — крикнул им вслед Давид. — Скажите мне только, где ваш царь, и я вас не трону.

Войско остановилось.

— Наш царь Бап-френки удрал, — отвечали беглецы, — ускакал на запад, в свой город.

Давид примчался в тот город и велел передать Бап-френки: пусть, мол, выйдет, Давид хочет с ним побеседовать.

Вышел к нему Бап-френки, смотрит — Давид верхом на Джалали, словно крепость на крепости. Испугался Бап-френки и бросился бежать.

Давид его догнал, поймал, отрубил ему голову, затем возвел на престол другого царя и сказал горожанам:

— До конца ваших дней не воюйте с нами. А если царь ваш, визирь или еще кто-нибудь станёт вас утеснять, пошлите мне грамоту, и я за вас заступлюсь.

В ответ горожане дружно воскликнули:

— Твое слово — закон!

После этого Давид возвратился на поле боя и объявил войскам:
— Я убил вашего царя. Возвращайтесь домой, живите мирно и впредь войной на нашу страну не ходите.

Давид восточного царя убил, западного царя убил, оханского царя убил, тоханского царя убил, остальные бегством спаслись, по своим краям разбежались.

Что оставалось делать Давиду? Крикнуть: «Хандут-хатун! Открой дверь! Это я, Давид!»

Судьба, однако ж, готовила Давиду новое испытание. Всему миру известный пахлеван Гамза прислал отцу Хандут-хатун письмо:

«Отдай за меня Хандут-хатун. Не отдашь — пеняй на себя».

Растерялся Вачо Марджо.

«Как же мне быть? — сказал он себе. — Если я свою дочь пахлевану Гамзе отдам, Давид Сасунский разгневется. Если же я ее Давиду отдам, пахлеван Гамза разобидится. Я между двух огней».

Созвал Вачо Марджо отцов города на совет.

— Как нам быть? — спросил он. — Пахлеван Гамза письмо мне прислал, требует отдать за него Хандут-хатун. Давид Сасунский за нее сражался, хочет, чтобы я отдал ее за него. За кого же мне ее выдать? Этому отдадим — от того не избавимся, тому отдадим — от этого не избавимся. Что вы мне посоветуете?

Отцы города ответили ему так:

— Пошли гонца с письмом к Давиду Сасунскому — пусть, мол, переведается с пахлеваном Гамзой. Кто победит, тому в награду отдашь ты Хандут-хатун.

Младший брат Хандут, припав к луке седла, во весь конский мах поскакал на ратное поле и письмо отца Давиду вручил.

В это самое время на сасунских лихих конях во главе отряда молодых всадников примчались Кери-Торос, Горлан Оган и Пачкун Верго. До них дошла весть о смерти Парон-Астхика, и они приехали, чтобы тело его забрать и похоронить в Сасуне.

Давид поздоровался с родственниками, расцеловался с ними, а затем прочел им письмо царя.

— Ну что ты теперь будешь делать, вздорный репоед? — спросил Кери-Торос. — Разве у нас в Сасуне девушек мало, что ради Хандут понесло тебя в Капуткох? Ты думаешь, это тебе Козбадин, или Мсра-Мелик, или Шапук, или Бап-френки, или твой двоюродный брат? Нет, мой милый, это пахлеван Гамза! Его мизинец шире твоей руки.

А Пачкун Верго заплакал и сказал:

— Ты убил своего двоюродного брата, и кровь его на тебе. Она вопиет к отмщению. Погибнешь ты от семени своего.

Тут заговорил Горлан Оган:

— Давид, милый, не бойся с пахлеваном Гамзой! Убьет он тебя. Ты обручился с Чымшкик-султан. Поедем за ней и увезем ее в Сасун. А Хандут-хатун пусть достанется пахлевану Гамзе. Не бойся ты с ним!

А Давид ему на это сказал:

— Дядя Оган, и ты, Кери-Торос! Хандут-хатун — единственная отрада моя, а больше мне никто и не нужен. Ради Хандут разгромил я несметную рать, ради нее умертвил четырех царей... Нет, я снова в бой за нее пойду, а там как бог даст.

Поворотил Давид коня на восток и помчался.

Долго ли, коротко ли, домчался он до города пахлевана Гамзы и спросил:

— Где живет пахлеван Гамза?

— В своем дворце, — отвечали ему.

Пахлеван Гамза даже сидя достигал высоты в пять алепских кангунов.

Давид поздоровался с ним. Гамза в ответ чуть прищурил глаз.

— Пахлеван Гамза! — молвил Давид. — Я приехал к тебе за подарком для Хандут-хатун.

— Кто ты? — спросил пахлеван Гамза. — Как тебя зовут?

— Давид Сасунский, твой слуга.

Пахлеван Гамза смерил Давида взглядом с ног до головы, затем снял с мизинца кольцо и сказал:

— Оно стоит семьсот золотых. Возьми и отвези Хандут-хатун от меня в дар.

— Нет, — возразил Давид, — я приехал не за кольцом. Я приехал за твоей головой, чтобы отвезти ее в дар Хандут-хатун.

- Что?.. Что ты сказал? Ты за моей головой приехал?
- Вот как бог свят, за твоей головой. Посмотрим, кто кого.
- Сопляк!
- Это мы еще увидим, кто из нас сопляк.

Сели они на коней и с палицами в руках налетели друг на друга. Часов пять подряд сражались, один в другого палицы метали — никто никого не одолел. Тогда они сошли с коней и сцепились врукопашную, друг другу трепку задавали, друг другу ребра пересчитывали, друг другу бока мяли — перевеса ни на чьей стороне не было. Тогда Давид вспомнил молитву, вслух ее произнес:

Хлеб, вино, вездесущий господь,
Богородицы храм на горе,
На плече моем Ратный крест... —

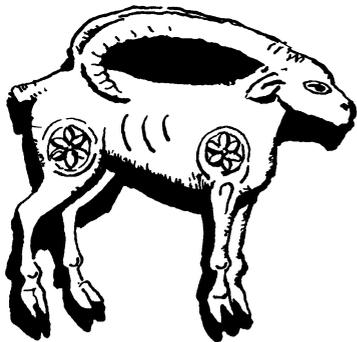
схватил пахлевана Гамзу, оземь его ударил, коленом его прижал и выхватил меч-молнию, чтобы голову ему отсечь. Пахлеван Гамза взмолился:

- Давид! Выслушай меня, а тогда и голову руби.
- Ну говори!

Вот что сказал ему пахлеван Гамза:

Нынче последний мой день.
Облегла меня смертная сень.
Слава, отчизна — как тень,
Что прошла по лицу.
Миром не править Рустаму, знатному храбрецу,
Не править и Сулейману, первому мудрецу,
Не править Гамзе-удальцу.
Не видеть мне звезд небесных, не видеть и света дня —
Пришел Давид Сасунский и отнял жизнь у меня...

Давид голову пахлевана Гамзы в хурджин положил, сел на Конька Джалали и помчался к Хандут-хатун.

**ЕДИНОБОРСТВО
ДАВИДА
С ХАНДУТ-ХАТУН.
ДАВИД
ДАЕТ КЛЯТВУ
ЧЫМШКИК-СУЛТАН**

Давид бился днем, а вечером возвращался к Хандут-хатун. В этот вечер он не вернулся.

— Горе мне! — сказала Хандут-хатун. — Убили Давида!

На рассвете она встала, надела на себя мужские одежды, вооружилась и понеслась на поле битвы с тем, чтобы или прийти Давиду на помощь, или взять его тело, поплакать над ним и предать его земле.

Долго пробиралась Хандут среди мертвых тел. Всех павших воинов богатырского сложения она подцепляла копьём и поворачивала к свету — нет ли Ратного креста у них на плече.

А навстречу ей ехал Давид.

Он еще издали приметил: Хандут копьём приподнимает тела, что-то ищет у мертвецов на плечах, а затем снова опускает на землю. Давид закрыл лицо красным платком и, изменив голос, сказал:

— Здравствуй!

Хандут ничего ему не ответила.

— Эй, молодец! — крикнул Давид. — Я — путник. Повстречался с тобой и поздоровался. Почему ты мне не ответил?

— Не твое это дело, — сказала Хандут. — Не хочу я с тобой здороваться и не буду. Проезжай!

Давида смех разбирал.

— Скажи ты мне, ради бога, — снова заговорил он, — куда ты путь держишь и отчего ты такой сердитый?

— Чего пристал? — крикнула Хандут. — Говорят тебе, проезжай!

Тут уж Давид не выдержал, рассмеялся:

— Знаю я, кого ты ищешь! Три дня назад я его убил. Не веришь? Его голова лежит в моем хурджине.

«Конь — Давидов, но всадник не похож на Давида, — подумала Хандут. — Неужто это он Давида убил и сел на его коня?»

От одной этой мысли Хандут всю передернуло.

— Ты язык-то не распускай! — сказала она. — Тебе не под силу его убить. Не родился еще на свет такой человек, который мог бы его убить!

— А вот я, как видишь, родился на свет и убил того человека. Коли хочешь мужа, выходи за меня.

— Если ты убил Давида Сасунского, так убей и меня. Только через мой труп ты сможешь проехать. Я тебя не пущу. Мы должны биться.

— Биться?.. Добро!

И завязался у них бой. Кони землю копытами взрыхлили, боевая пыль поднялась, небо затмила. Бойцы кружили, взмахивали палицами — перевеса ни на чьей стороне не было.

Давид бил шутя, Хандут била, не помня себя от ярости, била насмерть.

Наконец Давид сказал:

— Коней жалко! Давай врукопашную!

Сошли они с коней, сцепились. Давид повалил девушку, коленом ее прижал.

— Ой, удалец, не убивай меня! — взмолилась Хандут-хатун. — Я — женщина!

Рассмеялся Давид.

— Я знаю, что ты женщина! — сказал он. — Это я тебе отомстил за то, что ты меня — помнишь? — кулаком двинула по лицу, так что кровь потекла.

— Ой!.. — вскричала Хандут-хатун. — Это ты, Давид?

— Он самый!

— Ненаглядный мой! Значит, ты жив-здоров?

— Еще здоровей, чем был до войны.

Поднял Давид Хандут-хатун и поцеловал ее. Сели они на коней, поскакали домой. А когда приехали, достал Давид из хурджина голову пахлевана Гамзы и бросил ее к ногам Хандут-хатун.

— Этот человек — Давид Сасунский, — сказала Хандут родителям своим и братьям, — он убил Мсра-Мелика, освободил Сасун. Он разгромил вражье войско, убил царя восточного, убил царя западного,

убил царя оханского, убил царя тоханского, убил пахлевана Гамзу, освободил Капуткох, — все это он сделал ради меня. Чем же мы его вознаградим?

Мать с отцом и братья Хандут сказали:

— Мы тебя отдадим за этого человека, а в приданое за тебя дадим землю от Ерана до Бандымаху.

Давид и Хандут собрались ехать в Сасун. Одежды и наряды невесты навьючили на шестьдесят коней, которых им подарил Вачо Марджо.

Давид сел на Конька Джалали, Хандут — на белого коня, и они тронулись в путь.

А как ехали через Хлат, преградила им дорогу Чымшчик-султан.

— Куда путь держишь, косноязычный Давид? — спросила она. — Ты обручился со мной, мы с тобой кольцами обменялись, а теперь ты Хандут из Капуткоха взял себе в жены? Что так? Разве я некрасива? Почему ты меня разлюбил? Коли так, должны мы с тобою биться. Или я тебя убью и мы с Хандут останемся вдовами, или ты меня убьешь и тогда женись себе на Хандут-хатун. Пока я жива, тебе другой жены не видать, так ты и знай!

«Как тут быть? — подумал Давид. — Если я стану биться с ней и убью, пойдет молва по свету: Давид Сасунский убил женщину. Да и как мне сражаться с женщиной при Хандут-хатун?»

Отвел Давид в сторону Чымшчик-султан и сказал:

— У меня к тебе просьба... Со мною девушка. Если мы сразимся при ней, она может вмешаться, попадет под копыта коней. Отпусти меня домой — я отдам ее на попечение дяде и через неделю приеду с тобой сражаться.

— Поклянись хлебом и вином, что через неделю приедешь сражаться со мной!

Давид поклялся:

— Клянусь хлебом, вином, господом вездесущим, Богородицей-на-горе и Ратным крестом на правом моем плече, что через неделю я возвращусь в Хлат и сражусь с тобой.

Чымшчик-султан посторонилась:

— Поезжай!

Давид и Хандут продолжали свой путь в Сасун.

Сасунские князья и престолоюдины повели Давида и Хандут в церковь, повенчали их, потом зарезали семьдесят оленей, семьдесят диких баранов, притащили семь карасов семилетнего вина, позвали семь пар гусанов, семь дней, семь ночей свадьбу справляли, и стар и млад ели, пили, веселились.

Как скоро Хандут-хатун заключила в свои объятия Давида, забыл он ту клятву, что дал Чымшкик-султан, и не вспоминал о ней ровно семь лет.

РОЖДЕНИЕ МГЕРА И СМЕРТЬ ДАВИДА

Давид больше не пил вина.

Он был пьян от любви к Хандут-хатун.

Однажды он ей сказал:

— Хандут! Я вывез тебя из Капуткоха, отнял у пятидесяти пахлеванов — согрешил перед ними. А теперь меня мучает совесть. Слышал я, что в Гюрджистане красивых девушек не счесть. Я соберу пятьдесят пахлеванов, отведу их в Гюрджистан, сыщу для них пятьдесят невест, постараюсь сделать так, чтобы каждому из них невеста по душе прилась, всех переженю, а затем возвращусь в Сасун.

А Хандут-хатун на это сказала:

— Давид! Ты меня у отца с матерью отнял, привез сюда, а теперь покидаешь меня, уходишь?

— Хандут! — молвил Давид. — Если даже я тысячу лет проживу

рядом с тобой, все равно мне любовью твоей не насытиться. Я должен идти. Не пойду — меня замучает совесть, и я умру.

Знала Хандут: если Давид что скажет — значит, так тому и быть. А Хандут была покорна, как всякая женщина, и она примирилась со своей судьбой.

— Давид! А коли у нас с тобой сын родится, как назвать его? — спросила она.

— Если родится сын, назови его — Мгер, чтобы имя отца моего продолжало жить, — отвечал Давид и протянул жене золотое, усыпанное драгоценными камнями запястье. — Коли сын родится у нас, надень ему запястье на правую руку, а коли дочь, то предназначь ей это запястье в приданое. Если долго меня не будет, пошли за мной сына. Я узнаю его по запястью.

Сел Давид на Конька Джалали, призвал себе в помощь хлеб и вино и отправился в путь.

Посетил он пятьдесят стран, разыскал пахлеванов и увел в Гюрджистан. Увидит пригожую девушку — сейчас к родителям:

— Не выдадите вашу дочь за моего брата?

Кто мог отказать Давиду!..

Отыскал Давид пятьдесят красивых девушек и женил пятьдесят пахлеванов — каждого на той, что пришлась ему по душе.

Жила там одна девушка невиданной красоты. Очень она Давиду понравилась, и он сказал:

— А эту я увезу с собой, и будет она служанкой у Хандут-хатун.

— Добрая будет служанка, — молвили пахлеваны.

— А теперь, братцы, — продолжал Давид, — с богом по домам! И мне пора домой, в Сасун. Всем нам счастливого пути!

Тут все друг другу поклонились, расцеловались, и каждый посадил свою невесту на круп коня.

— Спасибо тебе, Давид! — хором воскликнули пахлеваны. — Ты исполнил наши желания. Да будет твоей тенью удача, а беда — пылью, летящей из-под копыт твоего коня. Пусть враги твои перемрут, а друзья пусть живут-поживают. Счастливо!

Ускакали пахлеваны.

Давид посадил девушку на коня и помчался к Хандут-хатун.

...А теперь обратимся к Хандут-хатун.

Как скоро Давид в Гюрджистан отбыл, Вачо Марджо послал за дочерью.

Хандут-хатун была в ту пору на сносях. Приехала она в отчий дом и тут же родила сына.

Весть о том дошла до Сасуна. Прибыл в Капуткох Кери-Торос и сказал:

— Если это сын Давида, он должен показать свою силу.

Ребенка спеленали, а заместо свивальника обвили, перевязали его цепью от плуга. Малыш заплакал, потянулся, и в то же мгновение цепь порвалась, обрывки разлетелись в разные стороны и перебили светильники и посуду. Ну да разве у Давида и Хандут мог родиться заморыш?.. Кери-Торос взял малыша на руки, подержал на весу и сказал:

— Это сын Давида, силач!

Принесли большее корыто, выкупали младенца и тут только углядели, что левая ручонка сжата у него в кулачок. Как ни бились, так и не сумели разжать кулачок.

— Вам — радость, и нам — радость, — сказал Кери-Торосу Вачо Марджо. — Вот только жаль, что мальчик — калека.

Стал Кери-Торос ручку мальчонки растирать и разжал-таки ему кулачок. На ладони у малыша капля крови аела.

— Ого! — воскликнул Кери-Торос. — Младенец превратил весь мир в каплю крови и зажал в кулачке!.. Если он будет жить, то дивные дела совершит. Земле не под силу будет его носить. Только камень способен его удержать.

Прошло два-три дня. Хандут-хатун сына своего окрестил² и нарекла его — Мгер.

У других дети росли по годам, Мгер рос по месяцам; у других дети росли по месяцам, Мгер рос по дням и часам. Малое время спустя Кери-Торос привез Хандут-хатун с Мгером в Сасун.

Когда Мгеру исполнилось два года, ростом он был уже с двадцатилетнего пахлевана. Он ходил-гулял по городу, играл с ребяташками.

Через Сасун большая река протекала. Мгер перекинул через нее мост. Если по мосту шли люди, Мгер останавливал их, колотил и приговаривал:

— Собачьи дети! Вы думаете, это я для вас мост перекинул? Зачем вы шляетесь по моему мосту?

Люди поворачивали обратно, спускались к реке и переправлялись вброд. Тогда Мгер подходил к ним, принимался колотить их, да еще и приговаривал:

— Собачьи дети! Ведь я же для вас мост перекинул? Чего же вы вброд лезете? Унесет вас течением — грех на моей душе будет.

Горожане Кери-Торосу пожаловались. Кери-Торос призвал Мгера, побранил его, но это не помогло. Тогда Кери-Торос отправил его с матерью в Капуткох. «Пусть Вачо Марджо возится с внуком», — решил он.

Мгер что в Сасуне, что в Капуткохе вел себя одинаково: бил и калечил малых ребят, деревья вырывал с корнями, лазал на неприступные скалы — яйца у орлиц воровал.

У Горлана Огана сердце радовалось.

— Мгер в отца пошел — Давид точно таким в детстве был.

А Пачкун Верго ворчал:

— Давид своего чертенка нам подсунил, а сам в Гюрджистан поехал и там веселится напрапалую.

А Кери-Торос тяжело вздыхал:

— Мальчишка нам всю душу вымотал. Давайте отправим его опять в Капуткох.

У Хандут-хатун было два брата. Каждый день ходили они в горы на охоту. И вот как-то раз Хандут-хатун обратилась к ним с просьбой:

— Ребята! Возьмите с собой Мгера, а то соседям от него житья нет.

Поутру дядья увели с собой Мгера в горы. Охотились они в тот день неудачно. Мгер погнался за диким бараном, догнал, голову ему отвертел, барана дядьям отдал. Те взвалили добычу Мгеру на спину, а в городе отняли у него барана, пошли к своим дружкам и пропировали с ними до утра.

Прошло две недели.

Наконец Хандут-хатун обратилась к Мгеру с вопросом:

— Мгер! А сам-то ты охотишься или нет?

— Конечно, охочусь, — отвечал он. — Я диких баранов убиваю,

взваливаю их себе на спину и несу до самого города. Под городом дядя отнимают у меня добычу, относят ее своим дружкам и вместе с ними пируют.

— Завтра ты дядьям добычу не отдавай, а принеси нам, — приказала мать.

— Ладно, матушка, — сказал Мгер.

Утром дядя взяли Мгера на охоту. Мгер большущего оленя убил. Дядья так и обомлели. Взвалили они добычу Мгеру на спину, а на окраине города остановились и сказали:

— А теперь, Мгер, положи оленя наземь и ступай домой.

— Нет, — сказал Мгер, — я своего оленя вам не отдам.

— То есть как это ты не отдашь?

— А вот так: не отдам — и все тут. Добыча — моя, и я отнесу ее матери.

Старший дядя сказал:

— Говорили нам, что сасунцы — сумасброды, а мы всё не верили. Теперь убедились на деле.

Младший дядя сказал старшему:

— Давай отколотим репоедово отродье и отнимем у него добычу.

Старший дядя ударил Мгера по одной щеке, младший — по другой. Мгер одной рукой схватил старшего, другой — младшего, ударил об землю и обоих убил. Так они и остались лежать с оскаленными зубами.

— Ишь!.. Они же еще и смеются надо мной! — сказал Мгер, взял свою добычу и пошел домой.

— Мгер! А где же твои дядья? — спросила Хандут-хатун. — Они тоже нынче с добычей?

— Нет у них никакой добычи, — отвечал Мгер. — Хотели они отнять у меня оленя, а я рассердился, схватил их обоих и наземь швырнул. Лежат они там и надо мной смеются.

Хандут-хатун так и ахнула:

— Ой, Мгер, что ты наделал! Ты родных своих дядей убил!

Поехали Хандут и Вачо Марджо в горы, смотрят — Мгеровы дядья по самый пуп ушли в землю, а зубы у них всё еще оскалены.

Вачо Марджо привез сыновей своих в город, со слезами и скорбью великою похоронил их, а затем поведал свою волю Хандут-хатун:

— Забирай своего сына, поезжай в Сасун, и чтобы он никогда больше не попадался мне на глаза!

Прибыли мать с сыном в Сасун.

Семь лет уже протекло, а о Давиде не было ни слуху ни духу.

Как-то раз Мгер задал матери вопрос:

— Матушка! У меня отца нет?

— Как так нет, ненаглядный мой? — молвила мать. — Твой отец — Давид Сасунский, оплот Сасуна, самый сильный человек на всем свете.

— А почему же тогда ребята дразнят меня: «Ты безотцовщина, ты приبلудыш!»? Где мой отец?

— Твой отец в Гюрджистан уехал — пахлеванов женить. Оставил он мне золотое запястье, чтобы, когда сын у него родится и в возраст придет, надеть ему это запястье на правую руку и послать сына за отцом. Поедешь?

— Отчего ж не поехать? До каких пор ребята прибудышем будут меня дразнить?

Надела Хандут-хатун сыну на правую руку запястье. Мгер пошел в конюшню, вывел лихого коня, вооружился, облачился в доспехи, вскочил в седло и двинулся в путь.

Долго ли, коротко ли, доехал он до широкого поля. Навстречу ему неся всадник, а на крупе его коня сидела пригожая девушка.

Поравнялся с ним Мгер и крикнул:

— Эй ты, козлиная борода! Не пристало тебе ехать с молодой красавицей. А вот мне она под стать — отдай ее мне!

— Мальчишка! — крикнул Давид. — У тебя еще материнское молоко на губах не обсохло. Так кому же из нас красавица под стать — тебе или мне?

Хотел было Давид мимо проехать, но Мгер протянул руку к девушке и сказал:

— Я тебе не позволю ее увезти!

Разгневался тут Давид и такие слова произнес:

Ай-ай-ай-ай!.. Ну и дела!

Молокосос-то!.. Ну и дела!

Меня супостаты боятся не зря.

Конь мой копыта не замочил,
Когда мы переплывали моря, —
Нынче ручьишко мне путь преградил,
Не пропускает меня!.. Что за вздор!
Мне кручи и пропасти — все нипочем,
А нынче какой-то щелястый забор
Встал на пути широком моем!

Мгер недобро поглядел на незнакомца.

— Стало быть, молокосос — это я, ручьишко — это тоже я, и щелястый забор — это тоже я? — спросил он. — Сходи с коня, схватимся врукопашную и поглядим, кто из нас двоих молокосос, кто из нас двоих ручьишко, кто из нас двоих щелястый забор.

Сошел Давид с коня.

— Обожди, — молвил он. — Я девушку отвезу в безопасное место — на вершину вон той горы — и приеду биться с тобой.

— Отвези, — сказал Мгер.

Отвез Давид девушку на гору, воротился. Схватились они с Мгером врукопашную.

Под их ногами земля взрыхлялась, расседалась. Пыль поднялась, небесный свод затмила, ни зги не было видно, а слышно было только, как в клубах пыли отец и сын от натуги пыхтели. Пот ручьями стекал с их лиц и землю в грязь превращал.

Отпустили они друг друга, палицы схватили, стали палицами друг друга охаживать. От взмахов палиц вихрь поднялся, вырвал у Давида платок и унес. Нес, нес, нес и наконец бросил к порогу Хандут.

Узнала она платок мужа, поднялась на кровлю, смотрит — весь мир задернут завесою пыли. «Это платок Давида, — сказала она себе. — Наверно, сын с отцом встретились, не узнали друг друга — и давай драться».

Села Хандут-хатун на белого коня и полетела на поле битвы. Грохот и гром катились по горам и долам. Под облаками пыли две твердыни били друг друга в грудь. Собрались люди, издали глазают, а ближе подойти не решаются. Закричала тут Хандут-хатун не своим голосом:

Давид! Это я зываю к тебе!
Ты просьбу мою исполни, уважь!
Голубчик Давид, не бей! Не убей!
Это Мгер, это сын единственный наш!

Куда там! Ничего не слышат отец и сын. Глаза у обоих были налиты кровью, и бились оба не на жизнь, а на смерть. Приблизилась Хандут, смотрит — у Давида силы убывают, а у Мгера прибывают. Закричала тут Хандут-хатун не своим голосом:

Мгер! Внемли материнской моей мольбе,
Пусть истощный мой вопль до тебя долетит!
Я прошу тебя: больше не бей! Не убей!
То отец твой родной, то всеславный Давид!

Ни отец, ни сын не прислушались к ее голосу. Бились они, словно буйволы, которых в первый раз выпустили весною из хлева, бились не на жизнь, а на смерть. Раскинула руки Хандут-хатун и, проливая потоки слез, воззвала:

Горы! Докличьтесь Кери поскорей —
Пусть он разнимет богатыей!

Не тут-то было! Родные — муж и сын — мольбе ее не вняли, а горы и подавно.

Не знает Хандут-хатун, как ей быть. Руки заламывает, волосы рвет на себе и снова взывает:

Ветер крылатый, лети
И нашепчи Кери:
«Бой роковой прекрати,
Сына с отцом примири!»

Тут Мгер, шумно дыша, повалил отца и коленом его прижал.

— Эй, эй, молодец, легче! — вскричал Давид. — Этак ты меня убьешь. А что ты скажешь моему удалому сыну?

— Кто твой сын?

— Мгер. У него на правой руке золотое запястье.

— Вот тебе раз! — воскликнул Мгер. — Чтoб у меня отсохла рука! Я же чуть отца не убил!..

Тут он заплакал, припал к стопам отца, поцеловал ему руку.

— Прости, отец! — молвил он.

Давид был уязвлен и гнев свой сдержать не мог.

— Мгер! — сказал он. — Ты вступил со мною в единоборство, ты меня повалил, ты меня опозорил. Молю праведного бога, чтобы ты был бессмертен, но и бездетен.

Как услышал Мгер отцово проклятье, в тот же миг вскочил на коня и поскакал в Капуткох.

Дорогой в ушах его звучали слова отца: «...чтобы ты был бессмертен, но и бездетен».

В Капуткохе Мгер созвал сорок неженатых юношей, сорок молодых девушек, сел с ними за стол и, чтобы заглушить отцово проклятье, упился сорокалетним гранатным вином.

Давид, Хандут и девушка прибыли в Сасун.

Давид был весь в крови.

— Хандут! — сказал он. — Нагрей воды, я хочу вымыться.

Разделся Давид, в корыто большое влез.

Посмотрела Хандут на правое его плечо, видит: Ратный крест стал черный, как сажа.

Ахнула Хандут-хатун и горько заплакала.

— Ты что, Хандут? — спросил ее муж.

— Давид! — сказала она. — Ратный крест у тебя на плече стал черный, как сажа.

И тут вспомнил Давид клятву, что дал он Чымшикик-султан, и ударил себя рукой по лбу.

— Ах! — простонал он. — Я клятвопреступник! Вот почему Мгер меня и осилил. Я поклялся ей, что вернусь через семь дней, а прошло семь лет!

— Не уезжай, Давид! — молвила Хандут-хатун. — Счастье тебе изменило. Ты преступил клятву и утратил былую силу. Сражаться ты больше не можешь.

— Нет, — молвил Давид, — мое слово крепко. Я еду.

Взял Давид меч-молнию, сел на Конька Джалали, поехал в Хлат, коня перед самым дворцом осадил.

Высунулась в окно Чымшикик-султан.

— Давид! — сказала она. — Ты дал мне клятву воротиться через семь дней, а прошло уже семь лет. Я так и не вышла замуж — все тебя жду.

— Я забыл свою клятву, — признался Давид. — А нынче вспомнил и вот, как видишь, приехал. Выходи — сразимся.

— Дай мне час времени, — сказала Чымшикик-султан. — Я только надену доспехи, вооружусь и выйду к тебе.

Давид привязал коня у ворот:

— Конь мой пусть побудет здесь, а я пока что пойду в реке искупаюсь.

Разделся Давид и вошел в реку.

Берег зарос густым камышом. Дочь Чымшикик-султан спряталась в камыше. Прицелилась она, тетиву натянула и пустила стрелу. Полетела ядовитая стрела, вонзилась Давиду в спину, сердце пробила и вышла через грудь.

Взревел Давид, как семьдесят буйволов. Рев его долетел до Сасуна.

— Ой, горе, горе! — воскликнул Кери-Торос. — Погиб Давид, осиротело наше Сасунское царство!

Тут Горлан Оган как крикнет:

— Дави-и-ид!.. Не бойся! Мы на помощь к тебе идем!

Сели на коней Кери-Торос, Горлан Оган, Чинчхапорик, Хор-Манук, Хор-Гусан и помчались к реке Хлат.

— Давид, мальчик ты мой! Кто пустил в тебя стрелу? — спросил Кери-Торос.

— Не знаю. Кто-то из камыша, — отвечал Давид.

Пошли сасунцы в камыш, долго искали, наконец увидели пригожую девушку, лежавшую на спине. Ее так напугал рев Давида, что она умерла от страха.

То была дочь Чымшикик-султан от Давида. Когда Давид про это узнал, то сказал:

— Это мое семя. Я нарушил клятву, и семя мое меня погубило.

Произнес эти слова Давид — и скончался.

Приказал долго жить.

Конек Джалали взбесился. Вскочил на дыбы, оборвал привязь и поскакал. И сколько прохожих ни встречал он на своем пути, всех

топтал копытами; сколько лошадей и другого скота ни встречал, всех топтал, убивал. Вихрем прилетел он в Сасун и остановился у дворца Хандут.

Вышла Хандут, смотрит — конь прискакал, а хозяина нет.

...Кери-Торос сказал:

— Давайте посадим Давида в седло, привяжем к коню, чтобы не упал, и двинемся в Сасун джигитую, с песней на устах — может стать-ся, Хандут не догадается, что умер Давид.

А Хандут-хатун глядит на все четыре стороны — живым или мертвым вернется Давид?

Смотрит, все люди едут — песни поют, джигитуют, только Давид неподвижно сидит в седле, ни направо, ни налево не наклоняется, в играх участия не принимает.

Догадалась Хандут-хатун, что ее Давид мертв, и застонала, запричитала:

Достойный пришел,
Недостойный пришел,
Лишь удалый Давид
Домой не пришел.

Верго стоял с нею рядом на кровле.

— Не плачь, Хандут-хатун! — сказал он. — Давид умер, но тебе в утешенье остался я. Удальца Давида ты лишилась — теперь я буду твоим мужем и господином.

Как услышала Хандут-хатун гадкие эти слова, поднялась она на крепостную стену, молвила:

— Умер Давид — и солнце для меня погасло. Нет у меня больше в жизни отрады.

И бросилась вниз.

Головой ударилась о камень, в камне пробила яму, и превратился тот камень в ступу.

Где ударилась грудью Хандут-хатун, там, под сасунской крепостью, донныне бьют два ключа.

Куда упали семь кос Хандут-хатун, там до сей поры высятся семь черных столбов.

Ступа еще и сейчас лежит подле крепости — сасунцы в ней просо толкут.

Отцы города Сасуна, сорок епископов, сорок архимандритов, сорок священников и простой люд сасунский завернули Давида и Хандут в саваны, друг с другом связали, а затем, молитвы творя, плача, рыдая, на Цовасар понесли и там погребли возле храма Богородицы-на-горе.

Семь дней скорбел Сасун.

Умерли Давид и Хандут. А вам и детям вашим долго жить приказали.

Ветвь четвертая

МГЕР МЛАДШИЙ

Пусть будет добром помянут сасунский Младший Мгер!
Мы добрым словом помянем верную Гоар-Ханум!
Пусть будет добром помянут вещи Кери-Торос!
Пусть будет добром помянут добрый Горлан Оган
И тот, кто Младшего Мгера деянья победал нам!
Ныне пред нами раскинулась Младшего Мгера ветвь

Часть первая

МГЕР ОПЛАКИВАЕТ СМЕРТЬ ОТЦА

В тот день, когда Давид и Хандут скончались, их сын Мгер находился в Капуткохе.

Весть о кончине родителей до него не дошла. Вместе с сорока неженатыми юношами и сорока молодыми девушками он пирувал, семилетнее вино пил, чтобы боль от проклятья отцовского заглушить.

Вачо Марджо нарочно держал его в неведении. Он так рассуждал: «Пусть Мгер позабудет отца своего и родной Сасун, пусть останется у нас навсегда и превратится в мощный оплот нашей страны!»

Некоторое время спустя Чымшкик-султан прислала из Хлата Кери-Торосу письмо:

Отцы города Сасуна! Не миновать мне с вами сражаться. Ваш Давид со мной обручился, мы с ним кольцами обменялись, но он меня обманул и в жены себе взял другую. Давида за клятвопреступление я убила, Сасун обложила данью. Согласны платить мне дань? Тогда платите! А не то я пойду на Сасун войной, землю вашу и камни кровью обагрю и с собой унесу.

Прочел письмо Кери-Торос, созвал отцов города, посоветовался с ними и такие слова сказал:

— Чымшкик-султан пойдет войной на Сасун, землю нашу и камни кровью обагрит. Давайте пошлем людей к Давидову тестю, Мгера у него возьмем и приведем в Сасун, чтобы он за отца отомстил и стал своего края правителем, — тогда у Сасуна будет защитник.

Кери-Торос и Горлан Оган взяли с собой семь буйволовых шкур, отправились в Капуткох, пришли к Вачо Марджо и сказали:

— Тут у вас живет мальчик, сын нашего родича. Где он?

— Он умер, — отвечал им Вачо Марджо.

Вачо солгал. Мгера он спрятал за семью воротами, у каждого ворот стражу поставил, по его велению все время били бубны и звучали зурны, чтобы Мгер не услышал голос своего рода и не вышел на свет божий. Вачо Марджо недаром так им дорожил: Мгер, словно крепость, охранял Капуткох, не давал врагам близко к нему подойти.

— Умер? — переспросил Кери-Торос.

— Ей-богу, умер! — поклялся Вачо Марджо.

— У наших покойников есть примета, — сказал Кери-Торос. — Рост годовалого сасунца равен десяти алепским кангунам, рост двухгодовалого равен двадцати алепским кангунам. Каждый год сасунец прибавляется в росте на десять кангунов. Мы сразу отличим могилы наших соотчичей.

Пошли они на кладбище, смотрят: нет ни одной подходящей по размеру могилы. Тогда Горлан Оган сказал:

— А ну, Вачо Марджо, говори: где ты прячешь нашего родича? Лучше скажи, а не то я так заору, что все ваши беременные женщины со страху выкинут, все ваши коровы выкинут, все ваши буйволицы выкинут, все кобылы ваши выкинут, все ваши старики и старухи со страху помрут. Не бери ты греха на душу, отдай добром нашего мальчика, а мы его домой отвезем.

Но Вачо Марджо так и не указал, где он спрятал Мгера. Тогда Горлан Оган обмотал себя семью буйволовыми шкурами, чтобы от собственного крика не лопнуть, привязал себя цепью к дереву, чтобы собственный голос его не унес, и крикнул:

Эй, Мге-е-ер! Ты пьешь вино.
Эй, Мге-е-ер! Ты пьешь вино,
Пируешь целый год...
Давид с Хандут в земле лежат,
Враги Сасун опустошат,
Погибнет наш народ...

Услышал его голос Мгер и сказал:

— Тише! Стихните, зурны и бубны! Я услышал голос моего рода.

Но гусаны еще громче заиграли. А начальник стражи сказал:

— Дорогой ты мой Мгер! Как ты мог услышать голос своего рода?

До твоего рода нужно двадцать дней ехать.

В это время снова крикнул Горлан Оган:

— Мгер, Мгер, Мгер, э-эй!..

— Перестаньте, зурны и бубны! — сказал Мгер. —

До меня долетает голос родной,
С востока иль с запада — не пойму.
То дядя Оган приехал за мной,
Но с юга иль с севера — не пойму.

Тут капуткохские гусаны еще громче заиграли. А начальник стражи сказал:

— Милый ты мой Мгер! Твой дядя отсюда далеко, ты его не услышишь. Это ребяташки на дворе кричат. Пей и веселись.

В это время снова крикнул Горлан Оган:

Эй, Мгер! Эй, Мгер! Выходи-и-и!
Зову я тебя с востока,
И с запада я зову,
И с юга тебя я кличу,
И с севера я кричу:
Убила Давида Чымшкик —
Вынула душу у нас.
К отмщенью зовет его смерть.
Ведь ты же сасунец, Мгер, —
Так приди отомстить за отца!
Эй, Мгер! Эй, Мгер! Выходи-и-и!

Тут со всех сторон набежали капуткохцы, стали пенять Вачо Марджо:

— Век живи, царь! Обрушил ты на наши головы беду! Отдай ты им сасунского шалого сироту, чтобы Горлан Оган перестал горло драть. Все наши беременные женщины со страху выкинули, все коро-вы наши выкинули, все буйволицы выкинули, все кобылы выкинули, все старики и старухи со страху померли.

А Горлан Оган им на это:

— Жалуйтесь, жалуйтесь, а я еще разок крикну... Эй, молодец!.. Мгер, Мгер, Мгер, э-эй!!!

— Вот как бог свят, это голос моего рода! — сказал Мгер.

Тут он вскочил, одного гусана с такой силой швырнул на другого, что оба испустили дух; кого об стену хватил — череп раскроил, кому ногой наподдал; одни ворота повалил, дошел до других — и эти сва-лил. Все семь ворот повалил, вышел и, словно молодой буйвол, в первый раз после долгой зимы выпущенный из хлева, огляделся по сторонам.

Мгер так возмужал и так изменился лицом, что сасунцы его не узнали.

— Дай-ка я испытаю его, Оган, — молвил Кери-Торос. — Если это не Давидов сын, я его убью, и мы возвратимся в Сасун.

Преградил Мгеру путь Кери-Торос и говорит:

— Эй, молодец! Ты куда? Уж очень ты расшагался.

— Кто-то меня звал, — молвил в ответ ему Мгер, — вот только не знаю кто.

— Да ты кто таков? Кому понадобилось тебя звать?

— «Кто, кто»!.. Человек, такой же, как ты.

— Нет, ты молокосос.

— Кто, я молокосос?

Осерчал Мгер, обхватил Кери-Тороса обеими руками, стиснул так, что один бок коснулся другого.

Помертвел Кери-Торос и упал без чувств. Спрыснули его водой, живот ему растерли. Наконец он пришел в себя и сказал:

— Ой-ой-ой!.. Чей же ты сын, парень? Поведай нам, кто твой отец, кто твоя мать, а не то я скажу, что ты прибудыш.

— Сам ты прибудыш! — вскричал Мгер. — Отец мой — Давид Са-сунский, моя мать — Хандут.

Тут они друг друга узнали, кинулись друг к другу на шею. Хотел было Мгер обнять Кери-Тороса, но дядя отпрянул.

— Шалишь, мой мальчик! Ты мне уже намял бока, будет с тебя!
— Он двух моих сыновей убил, — вмешался Вачо Марджо.
— Мы тут ни при чем, — отрезал Кери-Торос. — Он твой внук.
— То-то и оно-то, что внук, — подхватил Вачо Марджо. — Вы же мне его отдали взамен двух моих сыновей, а нынче пришли за ним. Мальчик мой Мгер! Ты в Сасун поедешь или же останешься в Капуткохе?

— То есть как это он останется в Капуткохе? — вспыхнул Горлан Оган. — Едем в Сасун, Мгер!

Смотрит Мгер: Кери-Торос приехал за ним, Оган приехал за ним, а отец не приехал.

— А где же отец? — спросил Мгер. — Отчего он за мной не приехал?

— Ах, Мгер! — со слезами в голосе воскликнул Горлан Оган. — Отца твоего убила Чымшчик-султан, а мать умерла с горя. На днях Чымшчик-султан придет, разрушит Сасун, землю нашу и камни кровью обагрит и в Хлат унесет.

— Отец мой убит? Моя мать умерла?

Испутив этот вопль, Мгер повалился на землю ничком и зарыдал. Кери-Торос и Горлан Оган бросились к нему, но как они ни бились, так и не смогли его поднять.

Плакал Мгер три дня и три ночи, слезы его провели в земле глубокие борозды, ручьями текли.

Трое суток спустя Мгер приподнялся, сел, голову обхватил руками и запричитал:

Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Нет, не наденет отец бранный кафтан!
Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Пояс серебряный не обовьет ему стан.
Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Темя ему не прикроет сталь шишака.
Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Не обувь отцу моему два стальных сапожка.
Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Молнию-меч не поднимет его рука.
Ослепните, очи! Осиротел я, дитя...
Больше не сесть ему на Джалали-Конька!..

Кончив причитать, Мгер встал, вскочил на коня и вместе с Кери-Торосом и Горланом Оганом направил путь в Сасун.

МГЕР МСТИТ ЗА ОТЦА

При дороге в Сасун стоял монастырь Матхаванк.

Чымшик-султан и другие цари — Давидовы недруги — знали, что путь Мгера мимо Матхаванка лежит. И вот послали они к настоятелю монастыря нарочного, золото ему посулили, на словах передать велели: «Когда Мгер Сасунский покажется, ты нас извести». Замыслили они броситься Мгеру наперез и убить его.

Уже вечерело, когда сасунцы приблизились к Матхаванку. Кери-Торос впереди ехал, Мгер и Горлан Оган — сзади. Вдруг Кери-Торос остановил коня.

— Что это ты остановился? — спросил Мгер.

— Гляди, — сказал Кери-Торос. — Высокие дубы срублены и навалены поперек дороги.

— Это вражьих рук дело, — заметил Горлан Оган.

Не знали они, что дубы навалены по приказу игумена. Он так рассчитал: начнут сасунцы расчищать дорогу, устанут и зайдут в монастырь отдохнуть, тут-то их недруги нагрянут и с ними покончат.

— Дедушка Торос! — предложил Мгер. — Вы с дедушкой Оганом поднимайте вдвоем деревья и передавайте мне, а я их с обрыва вниз покидаю.

Сказано — сделано. Кери-Торос и Горлан Оган поднимали кряжистые дубы и передавали Мгеру, а тот, словно медведь, брал их в охапку и кидал с обрыва. Так трудились они до заката, доверху завалили пропасть срубленными деревьями, путь себе расчистили, но притомились.

Поехали дальше, смотрят — в темноте монастырь белеется. Подъехали они к воротам, постучали. Вышел настоятель, спросил:

— Что вам надобно?

— Мы — усталые путники, — отвечали сасунцы. — Впусти нас. Мы отдохнем, выспимся, а на зорьке снова тронемся в путь.

Настоятель впустил сасунцев, велел угостить их на славу, спокойной ночи им пожелал и ушел, а к врагам сасунцев гонца послал.

Усталые путники поужинали и легли спать.

Раным-рано проснулся Кери-Торос, в окошко выглянул. Смотрит — несметная рать осадила обитель. Тут он как крикнет:

— Эй, Мгер, вставай! Войска семи царей окружили нас.

Мгер и Горлан Оган вскочили, к окну подбежали. Смотрят — травам полевым есть счет, вражескому войску нет счету. Среди войска стоял игумен и пальцем показывал на ту комнату, где спали сасунцы. Мгер недолго думая облачился в доспехи.

— Хлеб, вино, вездесущий господь!.. — воскликнул он. — За мной! И не трусить!..

Выбежал Мгер, вскочил на коня, палицу взял и поскакал.

Кери-Торос и Горлан Оган тоже сели на коней и поскакали.

Врезался Мгер в войско. Только что был он здесь — глядь, уже там; направо и налево рубил, косил, громил и рассеивал недругов, подобно тому как ветер-дракон рассеивает тучи мошкары.

Кери-Торос и Горлан Оган взыграли духом. Вырвали они с корнями каждый по тополю и напали на вражье войско.

— Эй!.. — крикнул Мгер. — Зачем это вы с тополями?

— Ты устилаешь ток снопами и веешь зерно, а мы намetyваем с краев.

Как увидели цари-недруги, что войска их разбиты, вскочили на коней и стремглав понеслись каждый в свою страну.

Впереди всех мчалась Чымшкик-султан.

Мгер поймал настоятеля, привел в монастырь, схватил за волосы, ударил головой оземь и сказал:

— Коль скоро игумен оказался предателем, то монастырь этот будет именоваться впредь не Матхаванк, а Матнаванк!¹

---

¹ М а т н а в а н к — храм предателя.

...По прибытии в Сасун Горлан Оган достал оружие и доспехи сасунского царствующего дома, вывел из конюшни Конька Джалали и сказал:

— Родной ты наш Мгер! Надевай отцовские доспехи, бери отцовское оружие, садись на отцовского коня. Теперь ты у нас единственный оплот царства Сасунского — так для кого же мне все это беречь?

И тут Мгер

Облачился в отцовский бранный кафтан,
Серебряным поясом обвил стан,
Водрузил на голову отцовский шолом,
Взмахнул отцовским длинным копьем,
Палицу положил на плечо,
Перепоясался молниевидным мечом,
На ногах у него два стальных сапожка,
Он огладил рукой Джалали-Конька,
Седлом перламутровым его оседдал,
Уздой золотою его взнуздад

и уже занес было ногу, чтобы вскочить в седло, как вдруг Конек Джалали заговорил человеческим голосом:

— Ну-ну!.. Всякий мозгляк будет на меня карабкаться! Да ты что, об ста головах? Разве у тебя хватит ловкости сесть на Конька Джалали?

— Не огорчай ты меня, Конек Джалали! — с мольбою промолвил Мгер. — Я — оплот Сасунского царства, твоего хозяина сын.

— Слова твои мне в душу запали, — отвечал Конек Джалали. — Я чту память Давида и ради него не трону тебя. Садись!

Вскочил Мгер на Джалали, взял с собой Кери-Тороса и Горлана Огана и помчался в город Хлат, чтобы отомстить за Давида Чымшикик-султан.

Дорбгой Оган сказал:

— Мальчик мой Мгер, выслушай ты меня! Ты еще молод, мы с Кери-Торосом постарели, у нас уже не прежняя удаля... А город Хлат — неприступная крепость, Чымшикик-султан — воительница непобедимая...

Смекнул Мгер, к чему Оган клонит.

— Дед! — воскликнул он. — Иль не сасунцы мы? Нет, мы — сасунцы! Цари из враждебных нам стран не смеют подойти даже к могилам наших покойников. Припустим коней — и в бой!

Тут снова человеческим голосом заговорил Конек Джалали:

— Не страшитесь! Коль не хватит у вас мечей, пламя из ноздрей моих заменит вам меч. Если копий у вас не хватит — каждый волос моего хвоста копье вам заменит. Если палиц у вас не хватит, копыта мои заменят вам палицы. Коли нет у вас войска — ветер, который я скоком своим поднимаю, заменит вам рать!

Мгер и его спутники припустили коней, доскакали до Хлата.

— Как же вы порешили? — спросил Мгер. — На войско идти иль на крепость?

Старики думали-думали и надумали:

— Коль на войско идти — больно много у них войска; коль на крепость идти — больно крепость крепка...

Рассмеялся Мгер.

— Ай-ай-ай!.. Вот чудак! — сказал он. — Каждый из вас вдвое тяжеле меня. Я обоих вас вместе пошлю, а сам пойду один. Ну как, теперь согласны?

Устыдились Горлан Оган и Кери-Торос.

— Ладно, пойдём на крепость, — сказали они.

И пошли на крепость.

Поднял Мгер меч-молнию и, как гром, на врага ударил. Распахал, словно плугом, всю землю, направо и налево рубил, громил. Как неутомимый косец, косил он врагов, и враги, как скошенная трава, ложились рядами. Выкосив ряд из войска Чымшчик-султан, Мгер каждый раз приговаривал:

— Это за моего отца, это за моего отца!..

Чымшчик-султан, припав к гриве коня, ударилась в бегство. Мгер настиг ее, пронзил копьем, наземь свалил, привязал за волосы к хвосту Конька Джалали, погнал коня, и конь по клочкам ее разметал, так что в каждой стране по одному клочку от этой ведьмы осталось, а на хвосте у Джалали одни лишь ее косы висели.

Отомстив врагу своего отца, Мгер сказал:

— А теперь поглядим, как дело идет у Кери-Тороса и Горлана Огана!

И погнал Мгер коня в город Хлат.

..Тем временем Кери-Торос и Горлан Оган город разрушили, а жителей перебили. Осталась во всем городе одна-единственная кошка и та взобралась на вышку минарета и оттуда с недоумением глядела по сторонам. Мгер вырвал с корнем стройный тополь и сбил кошку с минарета. Жажда мести была в нем так сильна, что он не мог равнодушно видеть живое существо в той стране, где убили его отца.

Убив в Хлате последнюю кошку, Мгер вместе со стариками поднялся на вершину горы Немрут — поглядеть, не осталось ли целым какое-нибудь селение в государстве Хлатском. И вдруг видит: над городом Хлатом вьется узенькая струйка дыма. Спустились они вторым в город. Оказалось, старуха разжигала среди развалин костер, а от костра поднимался дым.

Сасунцы подошли и спросили:

— Ты зачем дымишь?

А старуха им:

— Пусть сумасброды сасунские не говорят, будто они дотла разорили Хлат, так что и дым не идет.

— А что это ты закаляешь на огне? — спросил Мгер.

— Ядовитую стрелу, — отвечала старая ведьма. — Этой стрелой я убью Мгера Сасунского, так же как убили его отца.

Мгер подмигнул своим спутникам и обратился к ней:

— Старуха! Да ведь я и есть Мгер Сасунский! А что, если я сейчас согну эти два дерева, привяжу тебя за одну ногу к этому дереву, за другую — к тому, а потом отпущу их, деревья поднимутся и разорвут тебя пополам — как это тебе понравится?.. Но нет, ты — старая женщина. Если я тебя убью, люди скажут: Мгер Сасунский убил старуху. Ладно, живи и дыми сколько угодно! За отца я уже отомстил.

Мгер и спутники его поехали своей дорогой, а старуха крикнула ему вслед:

— Пусть земля под тобою разверзнется, Мгер! Чтоб тебе в камень уйти и в камне покоя не найти!

Это проклятие ядовитой стрелой вонзилось в сердце Мгера.

— Кери-Торос! — сказал он. — Я этой старухе жизнь подарил, я за зло отплатил ей добром. Почему же она меня прокликает?

— Так уж, мой мальчик, устроен мир, — отвечал Кери-Торос. — Кто делает добро, тому голову секут.

— Кери-Торос! — продолжал Мгер. — А почему ж так неладно устроен мир?

— Не знаю, мой мальчик. Сто лет живу я на свете, а до сути вещей не добрался!

Часть вторая

ГОАР-ХАТУН

Прошло некоторое время.

И вот как-то раз обратился Мгер к Горлану Огану:

— Дедушка! Непокойно у меня на душе. Дома сидеть мне невмочь. Хочу погулять по свету.

— Ну что ж, внучек, — молвил Оган. — Поезжай, коли хочешь.

Облачился Мгер в ратные свои доспехи, вооружился, сел на Конька Джалали, попрощался со всеми сасунцами и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли, доехал он до высокого утеса. Мгер был не из тех, кто возвращается с подороги. Но утес преграждал ему путь. Вдруг из-под утеса выюркнула лиса. Мгер погнался за ней. Гнался, гнался и наконец на вершину утеса взобрался. Посмотрел вокруг — вдали чья-то столица виднеется. Мгер поворотил коня в сторону города.

Ехал он, ехал, вдруг видит: перед ним широкая пещера. Сошел он с коня и присел отдохнуть. Только присел — глядь: к пещере, высунув язык, несется большущий олень. Мгер прицелился в него из лука, пустил стрелу и убил наповал. В это время, откуда ни возьмись, появились всадники и принялись осыпать Мгера бранью:

— Кто ты таков? Как ты смел царского оленя убить?

Мгер зарычал и встал во весь рост. Как услышали всадники его голос, как увидели, что ростом он с гору, сейчас догадались, что это Мгер Сасунский, коней повертели и ускакали.

Мгер поехал следом за ними и доехал до Багдада, где царствовал царь Пачик. Сошел он с коня, под городом шатер разбил. Весть о том, что прибыл Мгер Сасунский и под городом шатер разбил, дошла до самого царя.

Царь Пачик взял с собой визирей своих и векилов, всю свою свиту, вышел к Мгеру навстречу и сказал:

— Добро пожаловать, Мгер!

— Здравствуй, — сказал Мгер.

— Еще в те времена, когда твой отец воевал с Мсра-Меликом, мы с твоим отцом дали друг другу обещанье.

— Тысячу лет тебе здравствовать! — сказал Мгер. — Какое же обещанье вы дали друг другу?

— Мы обещали и поклялись, — отвечал царь: — «Если у меня родится дочь, а у тебя сын, то я дочь за твоего сына отдам. Если же у тебя родится дочь, а у меня сын, то ты свою дочь за моего сына отдашь». Вот что мы обещали друг другу. Твоему отцу бог даровал сына, а мне — дочь. Может, ты на ней женишься?

— Все может быть, — отвечал Мгер. — Понравится, так женюсь. А как ее зовут?

— Гоар.

И тут все пошли к Гоар-хатун.

То была не девушка, но ангел прекрасный. День и ночь гляди на нее — все равно не нагладишься.

Понравились Мгер и Гоар друг другу, уговорились они меж собой, и Мгер возвратился к себе в шатер.

На рассвете выглянула Гоар в окошко, смотрит — Мгер в шатре не умещается, ноги по колена выставил наружу. Встревожилась девушка: как бы солнце его не ударило.

Взнузда она вороного коня, надела на себя мужскую одежду, в доспехи облеклась, помчалась к шатру и грубым голосом крикнула:

— Эй, Мгер! Чего это ты так разлегся? Гляди, солнце тебя ударит!

— Что же я могу поделаться, если шатер мал для меня? — отозвался Мгер.

Засмеялась Гоар.

— Не шатер мал, а ты сам велик. Рост у тебя богатырский.

— Рост от бога, — заметил Мгер. — Дай мне поспать!

— Не дам, — сказала Гоар. — Я — сын царя Пачика, пришел тебя испытать. Должны мы с тобой сразиться. Коли победишь, я отдам за тебя сестру, а не победишь — я тебе голову отсеку.

Мгер облачился в доспехи, вышел, сел на коня.

Гоар уже выехала на открытое место и была наготове...

Метнет Гоар палицу — Мгер подхватит ее на лету. Мгер метнет — Гоар подхватит. Не было перевеса ни на чьей стороне. Мгер не со всего размаху бросал палицу — боялся брата Гоар убить; Гоар не со всего размаху бросала палицу — боялась жениха своего убить.

После двухчасового потешного боя Гоар сказала:

— Довольно, Мгер, а то мы коней заморим. Иди в шатер, отдохни. Я тебе туда поесть пришлю.

Возвратилась Гоар во дворец, велела овцу зажарить, приготовила хлеб и бурдюк вина и сказала слугам своим:

— Отнесите все это в шатер Мгеру Сасунскому.

Мгер поел, выпил вина, лег и проспал до зари.

На заре Гоар надела красную капу, села на красного коня, понеслась к шатру и, примчавшись, крикнула:

— Эй! Ты ли Мгер Сасунский?

Мгер изнутри отозвался:

— Сначала дай поесть, а потом я подам о себе весть.

По приказанию Гоар слуги принесли целую гору хлеба, жареную телку и бочку вина. Мгер поел, попил и только тогда ответил:

— Да, я — Мгер Сасунский.

— Тот самый, который пришел, чтобы взять в жены мою сестру Гоар?

— Да, тот самый.

— Я — младший сын царя Пачика. Давай уговоримся: если ты выиграешь, Гоар — твоя, увози ее на заре. Если же я выиграю, то я голову тебе отсеку.

— А что за игра? — спросил Мгер.

— Игра такая: положи свой перстень вон на тот камень —

мы будем стрелы сквозь него пропускать. Кто не сумеет, тот проиграл.

Положил Мгер свой перстень на камень. Гоар прицелилась — и стрела ее пролетела сквозь перстень так, что перстень не покачнулся.

Пришел Мгеров черед. Мгер опустил на одно колено, стал целиться. В это мгновение Гоар обернулась к нему лицом. Она была так прекрасна, что Мгер одним глазом на нее поглядел и взял неверный прицел: пустил стрелу,шиб перстень, и стрела сквозь него не пролетела. Гоар взяла меч и сказала:

— Помнишь наше условие? Простись с головой.

— Как же, дождайся! — сказал Мгер. — Ведь ты нарушил наше условие. Ты обернулся ко мне лицом, а я невольно подумал: «Эге! Если брат такой красавец, какова же должна быть сестра?» Одним глазом я глядел на тебя, и моя стрела пролетела криво. Дай я еще раз пушу стрелу.

Гоар положила перстень на место. Мгер прицелился, пустил стрелу, и она пролетела сквозь перстень.

Гоар весело рассмеялась.

— Молодец, Мгер! — сказала она. — Ты достоин стать мужем Гоар-хатун!

Тут только Мгер понял, что перед ним не сын, а дочь царя, Гоар-хатун.

На другой же день их повенчали. Семь дней, семь ночей пировали и веселились на свадьбе.

Ночью, едва Мгер возлег, положила Гоар-хатун к нему на ложе меч.

— Мгер! — сказала она. — Мсырский царь требует у отца моего или дани, или моей руки. Одолей сперва мсырского царя, освободи отца моего от дани — только тогда буду я тебе женой, а ты мне мужем.

— О-хо-хо! — вздохнул Мгер. — В этом мире войнам нет ни конца, ни счета. На кривде стоит мир.

Утром рано встал Мгер, смотрит: город обложило мсырское войско.

Мгер облачился в доспехи, вооружился, вскочил на Конька Джалали и ринулся в бой. Как если б гора сдвинулась с места и пошла

дробить камни и корезить кусты, так крошил недругов Мгер, из конца в конец облетая на коне поле битвы.

Сражался Мгер до полудня.

Но ведь Мгер все же был человек! В полдень слез он с коня, меч и другое оружие к седлу приторочил, а сам отошел на сто шагов за нуждой. Сераскиром мсырского войска был внук Козбадина. Он сказал своим военачальникам:

— Друзья! Сейчас или никогда! Он сын Давида, сасунского сумаброда. Если он снова сядет на коня, то мы пропали.

Сераскир подал знак, по его знаку нахлынули мсырские воины, заарканили Мгера, связали его по рукам и ногам и к своему царю повели.

— Много лет тебе здравствовать, царь! — сказали они. — Какое наказание придумаешь ты Мгеру Сасунскому?

Мсырский царь им на это сказал:

— Мгер — царевич, голову рубить ему негоже. Уведем его в Мсыр, сбросим в глубокий-преглубокий колодец — пусть там сидит до скончания века. А теперь ловите Конька Джалали. Я на него сяду, на круп посажу Гоар-хатун и увезу ее в Мсыр.

Э, да разве Конек Джалали кому-нибудь дастся?.. Как увидел он, что Мгера в плен взяли, взвился на дыбы, разбушевался, как море, пеною брызнул, стал копытами бить врагов, бил направо, бил налево, покалечил и убил до смерти тысячу ратников и умчался на Цовасар.

Гоар-хатун видела из окна, как коварное мсырское войско взяло Мгера в плен. Тяжкий стон вырвался у нее из груди.

— Нет, мсырский царь! — сказала она. — Ты скорее свой собственный затылок увидишь, чем мое лицо!

Надела она на себя мужскую одежду, села на вороного коня, в горы умчалась и спряталась в неприступной крепости отца своего.

Десять дней разыскивали мсырцы дочь царя Пачика, но так и не нашли.

Мсырский царь собрал дань, Мгера, связанного по рукам и ногам, велел на верблюда взвалить, увез его в город Мсыр и бросил в глубокий колодец:

— Пусть он тут сидит семь дней, а через семь дней мы придем и камнями забросаем колодец — иначе Мгер выйдет вон и разрушит весь мир.

МГЕР СПРАВЛЯЕТ ПО СЕБЕ ПОМИНКИ

Жила в городе Мсыре старуха армянка. Было у старухи сорок коз и одна-единственная дочь. Это была та самая старуха, которая подняла на смех Козбадина, когда Козбадин шел на Сасун.

Как узнала старуха, что Мгера Сасунского привезли в Мсыр и бросили в колодец, то сказала себе:

«Наш сасунский светоч умрет без хлеба и без воды. Буду я носить ему хлеб и воду и дочку мою к нему спущу, чтобы был у меня внук сасунского рода».

Каждое утро резала старуха козу, мясо и хлеб Мгеру носила, в колодец ему бросала, чтобы он не сидел голодным. Так прошло семь дней. Старуха знала, что нынче должны Мгера камнями засыпать. Наклонилась она над срубом и крикнула:

— Мгер! Нынче сюда придут камнями тебя засыпать. Расплавленный свинец будут лить в колодец. Но ты не бойся. Рядом с твоим колодцем есть еще один колодец — о нем знают бог да я. Лови кочергу и пробей дыру в правой стенке колодца — как раз за ней тот, другой колодец. Еще я принесла два пуда немытой шерсти, чтобы тебе было чем заткнуть дыру. Когда слуги мсырского царя придут и крикнут тебе: «Мгер Сасунский! Ты жив?» — ты крикни им: «Жив!» — тотчас переходи в соседний колодец, а дыру шерстью заткни.

Выговорила старуха все свои наставления и ушла.

Через час пришли люди мсырского царя и крикнули:

— Сумасброд сасунский Мгер! Ты жив?

Мгер прорычал из колодца:

— Я-то, слава богу, жив, а вот враг мой мертв.

Тут Мгер переполз в соседний колодец, а дыру шерстью заткнул.

Завалили колодец камнями, а на камни принялись лить расплавленный свинец. Свинец скрепил камни и залил все устье колодца.

Почуял Мгер запах гари.

«Ого! Чуть было и меня не залили свинцом! — сказал он себе. — Если б я был смертен, то умер бы сразу — и дело с концом. Но смерти мне нет, и я мучился бы до скончания века. Ох, как много зла в мире! Надо разрушить его и создать заново».

Прошло сорок дней. Старуха всех своих коз порезала, мясо Мгеру снесла. Когда Мгер съел последнюю ее козу, старуха наклонилась над срубом и крикнула:

— Мгер! У меня есть дочь, женись на ней, будет у меня внук сасунского рода.

Мгер подумал-подумал и сказал:

— Приводи свою дочь!

Привела старуха дочь, и та по веревке спустилась к Мгеру. Мгер даже краем глаза на нее не взглянул. А через два часа сказал ей:

— Сестрица! Крикни матери, чтобы она тебя вытащила наверх.

— Матушка! — крикнула дочка. — Вытащи меня наверх.

Обвязал себя Мгер веревкой. Старуха тянет, тянет... Чувствует — тяжело! То ноги раскорячит, то упрется в сруб, то пригнетяся... Тянет, крихтит. Мгер ногами и руками хватается за выступы, за углубления, чтобы старухе легче было тащить.

Тянула, тянула, тянула старуха, наконец вытянула — глядь, а это совсем не дочь.

— Обманул ты меня, Мгер, — сказала она, — дочь мою в колодце оставил. Я всех моих коз для тебя порезала, кормила тебя, чтобы ты с голоду не умер и зятем мне стал. Разве так за добро платят?

— Да я же у тебя не просил дочь, — возразил Мгер. — Ты сама ее привела и в колодец ко мне спустила. Но я не хочу прослыть неблагодарным. В нашем роду неблагодарных нет.

Опустил он веревку в колодец и крикнул:

— Девушка! Обвяжись веревкой.

Обвязалась девушка веревкой. Мгер вытащил ее из колодца и сказал старухе:

— Твоя дочь мне сестра, а ты мне мать, ты мне заменила Хандут-хатун. Невеста моя все глаза проглядела, поджидая меня. Не проси с меня ничего за свое добро — подари мне его на добрую память!

Тут старуха заплакала и сказала:

— Иди с миром, Мгер! Ты — светоч нашего народа. Да пойдет мой хлеб в пользу тебе!

Мгер был измучен.

— Куда я пойду? — с болью в сердце вымолвил он. — Этот город мне чужой, в руках у меня нет оружия, подо мной нет коня, нет у меня ни воды, ни хлеба. Куда я пойду?

— Я, Мгер, порезала всех своих коз, — сказала старуха. — Я отведу тебя в один дом, там тебя сытно накормят, коня и оружие дадут.

— А что они за люди?

Старуха ему все рассказала.

В городе Мсыре проживало двести армянских семейств. Был среди них князь Маркос Дарбин, и князь этот горячо любил свой народ. Услыхав о гибели Мгера, он у себя в доме поминки по нем справлял. Для этого в переднем углу его горницы стоял престол, на котором лежали сасунские доспехи и оружие. А рядом стоял обеденный стол. Путник, зашедший к князю, наедался досыта, пил вино, с чарой в руке подходил к престолу, бил три поклона и приговаривал:

— Мир праху твоему, Мгер бессмертный, армянского народа светоч!

Старуха довела Мгера до княжьего дома.

— Вот здесь по тебе справляют поминки.

Вошел Мгер в княжий дом, смотрит: за столом сидит много армян, среди них широкоплечий мужчина с большими усами. Это и был Маркос Дарбин. Поклонился Мгер и сказал:

— Здравствуйте, армяне!

Голос у Мгера был до того громкий, что с потолка посыпалась на пол глина.

— Добро пожаловать! — молвил Маркос Дарбин. — Кто ты таков, отколь тебя бог несет?

— Я — странник голодный, — отвечал Мгер. — Дайте мне хлеба кусочек, я съем, покойника вашего помяну и пойду своей дорогой.

Хозяин приказал своим слугам:

— Дайте этому человеку еды и вина.

Один из слуг подошел к Мгеру.

— Скажи, удалец, — спросил он, — чего тебе дать сначала? Вина или еды?

— Вина, — отвечал Мгер.

Виночерпий опустил в бочку громадный кувшин, а затем протянул его Мгеру. Но Мгер оттолкнул кувшин.

— Разве из кувшина человек напьется? — сказал он. — Дайте-ка я прямо из бочки!

Все удивленно переглянулись. Хозяин приказал своим слугам:

— Придвиньте к нему бочку.

Мгер легко, словно чару, поднял полную бочку, поднес ее ко рту, выпил до дна, пустую бочку зашвырнул в угол и сказал:

— А теперь хорошо бы поесть!

Слуги принесли пол жареного тельца, целый котел плова, полное корыто хлеба и все это поставили перед Мгером. Мгер оторвал телячью ногу, в лаваш ее завернул и — хруп, хруп, хруп! — разжевал, разгрыз, проглотил.

Князь Маркос смотрел на него и думал:

«Иль он сасунского рода, или еще какой-нибудь пахлеван, о котором я ничего не знал и не ведал».

Насытившись, Мгер взял да и сел на свой престол. Хозяин и другие армяне ужаснулись и разгневались.

— Так нехорошо, братец, — сказали они. — Ты оскорбил нашу святыню. Напился, наелся, теперь поклонись престолу сасунскому и иди своей дорогой.

Засмеялся Мгер.

— На дворе ожидает старуха. Позовите ее, — сказал он.

Старуха вошла. Тогда Мгер обратился к князю:

— Здесь у тебя собрались только армяне или есть и чужане?

— Кроме тебя, никого, — отвечал Маркос. — А что?

Мгер подозвал свою избавительницу к престолу и сказал:

— Объясни этим почтенным армянам, кто я таков, имею я право сесть на свой престол или не имею.

И тут старуха все рассказала про Мгера.

Радости мсырских армян не было границ. Один за другим подходили они к Мгеру, кланялись ему, целовали ему руки и ноги и славили бога.

Пусть они ликуют и чествуют Мгера, а мы перейдем на землю сасунскую и там свой сказ поведем.

Видел сон Кери-Торос: мсырская твердыня стояла неколебимо, твердыня сасунская была вся в развалинах.

— Жена! — сказал он. — Выведи моего коня-шестинога. Наш Мгер в беде. Поеду ему на выручку.

Кери-Торос созвал всех пахлеванов своего рода:

Горлан Оган,
Пачкун Верго,
Котот Мотот,
Ануш-Котот!
Гей, Хор-Манук,
Гей, Хор-Гусан,
Чинчхапорик,
Парон-Торник,
Идемте! Сасуна
Светоч угас.
Двинемся в путь!
Мгер наш исчез,
Бесследно исчез!

Собрались сасунцы в дорогу, взяли с собой разных припасов, на мулов навьючили, сели на коней и отправились в путь.

— Багдад! Где ты? Мы спешим к тебе!..

Приехали, разбили шатры под Багдадом. Здесь спросят, там спросят: не слыхал ли кто про Мгера? Нет, никто не слыхал! А кто слышал, тот говорил:

— Мгера в Мсыр увели, в колодец бросили и камнями засыпали.

Прошировал Мгер семь дней и семь ночей, поблагодарил мсырских армян и пошел в Багдад, к Гоар-хатун.

Не прошел он и часа, как вдруг увидел: идет ему навстречу всем из-

вестный полоумный пахлеван Авдал. Волосы свисали ему на глаза, одежда на нем была вся изодрана, на спине он тащил огромный камень.

— Что это за камень, Авдал? — спросил Мгер.

Остановился Авдал и так ему на это ответил:

— Это камень для Мгера Сасунского. Слыхал я, Мгера поймали, в колодец бросили, камнями засыпали. Меня при этом не было, я не мог бросить в него камень. А теперь я туда иду — хочу свалить вот этот камень на сумасброда Мгера, хочу отомстить ему. Он мне враг. Его отец в сасунской битве отца моего убил, а сам он в багдадской битве брата моего убил. Вот какие дела!..

Засмеялся Мгер:

— Этот камень для Мгера мал, а для тебя, ей-богу, как раз!

Снял он камень со спины Авдала, самого Авдала убил, тут же похоронил, камень на него навалил и примолвил:

— Ну вот видишь: этот камень как раз тебе по росту!

Надел на себя Мгер Авдаловы лохмотья, волосы, как Авдал, спустил на глаза и в таком виде предстал перед мсырским войском. Все стали его расспрашивать:

— С какими ты вестями, Авдал?

Мгер дико, как тот пахлеван полоумный, захохотал.

— Дайте сначала поесть, а потом будет вам весть! — сказал он.

Принесли ему поесть. Мгер съел столько, сколько мог бы умять целый отряд, насытился и сказал:

— Клянусь хлебом, вином и всемогущим богом: вот этими руками я навалил камень на голову Мгера. Мгера мы погребли под камнями. Нет больше Мгера.

Мсырские военачальники возрадовались духом.

— Молодчина Авдал! — вскричали они. — Куда ж ты теперь путь держишь?

— В Багдад иду — хочу жениться на Гоар-хатун.

Военачальники так и покатались со смеху.

Мсырский царь послал их за Гоар-хатун. Но они знали, что Авдал — полоумный, и значения его словам не придали.

Попрощался Мгер с военачальниками мсырскими, помчался в Багдад и осадил коня перед самым дворцом.

Гоар, вся в черном, сидела под окном и думала свою думу. Увидев Авдала, она ему крикнула:

— Авдал! Скажи ради твоего бога: принес ли ты какую-нибудь весть о Мгере?

Мгер, подражая голосу Авдала, ответил:

— Дай сначала поесть, а потом будет тебе весть!

Гоар позвала к себе Авдала и велела его накормить. Когда же Авдал наелся, Гоар спросила:

— Скажи мне, Авдал: где Мгер?

— Клянусь хлебом, вином и вездесущим богом, — подражая голосу Авдала, отвечал Мгер: — Вот этой самой рукой я кусок хлеба положил Мгеру в рот, а пришел я сюда, чтобы тебя поздравить.

Гоар вскрикнула от радости.

— Где же он? Почему не едет ко мне?

Мнимый Авдал расхохотался.

— Скоро приедет, скоро приедет! — сказал он. — Можешь считать, что он уже здесь.

У Гоар от радости подкосились ноги, и она упала на тахту. Хотел было крикнуть ей Мгер: «Что же ты, Гоар, меня не узнала?» — но не крикнул, а сказал себе: «Пока что пойду погляжу, что подельвают Кери-Торос и другие сасунцы».

МГЕР ВНОВЬ ПРИНИМАЕТ СВОЙ ОБЛИК

Мгер, когда проезжал через город, узнал, что в Багдад приехали пахлеваны сасунские во главе с Кери-Торосом и всех о Мгере спрашивают.

Мнимый Авдал вышел из дворца Гоар и погнал коня к шатру Кери-

Тороса. Вошел в шатер, смотрит: сасунцы, подобно Маркосу Дарбину, поставили в шатре престол, скатерть расстелили и по Мгеру поминки справляют.

Увидев странствующего пахлевана, Кери-Торос обратился к нему:

— Авдал! Скажи ради твоего бога: принес ли ты какую-нибудь весть о Мгере?

— Дай сначала поесть, а потом будет тебе весть, — отвечал Мгер.

Мгер хоть и поел у Гоар, а все еще был голоден. Да разве Мгер, бог с ним, знал, что значит насытиться? То был не человек, а целая крепость!

Дали сасунцы мнимому Авдалу выпить и закусить. Мгер выпил, закусил и, подражая голосу Авдала, сказал:

— Клянусь хлебом, вином и вездесущим богом: вот этой самой рукой я положил Мгеру в рот кусок хлеба и пошел в Багдад.

Сасунцы задумались: правду говорит странник или неправду?

— Брешешь! — проворчал Верго.

— Брешет только Пачкун Верго, — сказал Мгер. — Сейчас как выкину коленце, так вы у меня сразу поверите, что Мгер жив.

— Какое коленце? — хором спросили сасунцы.

— Ответь мне, Кери-Торос, — молвил Мгер, — может ли человек единым духом осушить вот такой котел вина?

Кери-Торос глубоко вздохнул.

— Эх, Авдал! — промолвил он. — Такой котел, полный вина, выпил Мгер Старший, выпил Давид, потом настал черед пить Мгеру Младшему, но, ослепни глаза мои, Мгера Младшего нет!

Тогда мнимый Авдал снова обратился к Кери-Торосу:

— Кери-Торос! Ради твоего Мгера, налей полный котел вина, а я выпью, чтоб отлегло от сердца.

Как скоро произнес он эти слова: «ради Мгера», Кери-Торос налил полный котел вина и сказал:

— Пей!

Мгер поднес котел ко рту, пил, пил, пил, выпил все до капельки, пустой котел оземь ударил и выбил у него дно.

— Истинный господь, все выпил! — сказали сасунцы.

Мгер сел на престол.

— Эй, эй, эй! — крикнул Пачкун Верго и ударил Мгера по лицу. — Не на свое место сел!

Рассвирепел Мгер. Схватил он Верго за шиворот, повалил наземь схватил Парон-Торника, Чинчхапорика, Хор-Манука, Хор-Гусана, Котот-Мотота, Ануш-Котота, Горлана Огана, положил одного на другого, а сверху положил Кери-Тороса — живую скирду наметал.

— Теперь поняли, где место Мгера Сасунского? — спросил он.

Из-под самого низу донесся голос Пачкуна Верго:

— Если ты Мгер Сасунский, скажи нам: что знаешь ты о Сасунской земле?

— Знаю, что ты явился причиной смерти моей матери Хандут-хатун, — отвечал Мгер. — Ты нанес ей оскорбление, и она бросилась с крепостной стены... Ну что, теперь ты услышал правду о Сасунской земле?

Пачкун Верго со страху в штаны наложил.

А Кери-Торос и Горлан Оган спрыгнули со скирды, стали Мгера обнимать, целовать, заплакали и сказали:

— Ах, Мгер, солнышко ты наше! Так это ты? Ослепни у нас глаза, ты так изменился, что мы тебя не узнали.

Тут сасунцы, все как один, бросились целовать Мгера и никак не могли на него наглядеться. После взаимных излиятий чувств Мгер обратился к Кери-Торосу:

— Кери-Торос! А где мой Конек Джалали?

— Конек Джалали? — переспросил Кери-Торос. — Он убежал на Цовасар. Как мы ни бились, никого не подпустил он к себе.

Мгер достал платок из-за пазухи.

— Этот платок по́том моим пропитан, — сказал он. — Подите с ним на Цовасар и покажите издали моему коню. Почует он мой запах — сам прибежит.

Хор-Манук и Чинчхапорик взяли платок, сели на коней и помчались на Цовасар. Через три дня они вернулись и привели Конька Джалали. Доспехи Мгеровы и меч-молния как были к седлу приторочены, так там по сей день и лежали.

Мгер в шатре у Кери-Тороса вымылся, побрился, облачился в доспехи, сел на Джалали и поехал к Гоар.

Гоар, подпершись рукой, сидела у окна, на дорогу глядела, Мгера ждала.

Мгер выставил на солнце меч-молнию, отблеск ударил Гоар в глаза. Вскинула она голову и закричала:

— Ой, Мгер, ненаглядный мой!.. Это ты?

— Крест истинный, я!

Спешился Мгер, взбежал в светлицу Гоар, обнял девушку и с полудня до заката все целовал ее, целовал — никак не мог от нее оторваться. Гоар не помнила себя от радости. А когда опомнилась, то сказала:

— Слава тебе господи! Авдал говорил мне, а я не верила.

— Что тебе говорил Авдал?

— Что Мгер жив.

— Так Авдал был у тебя?

— Был.

— И ты незнакомца у себя принимала?.. Многие мне говорили, что все женщины — изменницы, а я не верил!

Заплакала Гоар.

— Мгер, дорогой! Мне хотелось узнать о тебе!

Мгер так громко захохотал, что от его хохота светильники стукнулись один о другой и зазвенели. И тут он рассказал Гоар о своей встрече с Авдалом. Теперь уже Гоар рассердилась.

— Как тебе не стыдно, Мгер? — сказала она. — Кто любит, тот не станет так бессовестно обманывать любимую девушку.

— Это я только чтоб тебя испытать, — сказал Мгер. — Помнишь, как ты меня испытывала?.. Теперь я уверился, что в любви ты крепка, как меч-молния.

Тут Гоар снова к мужу прильнула.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Мгер! — сказала она. — Не чаяла я с тобой еще разок встретиться. Вижу я, что ты жив и здоров, и теперь, если пошлет господь по мою душу, я умру с легким сердцем.

Как скоро до мсырского сераскира дошла весть о том, что Мгер бежал из плена и снова сел на Конька Джалали, он без дальних слов с полдороги поворотил свое войско и ушел к себе в Мсыр.

А Кери-Торос явился к царю Пачику и такое слово молвил ему:

— Много лет тебе здравствовать, царь! Я пришел сюда не творог продавать. Давай приданое моей невестки — я его в Сасун отвезу.

Но тут в разговор вмешался Мгер.

— Я, Кери-Торос, в Сасун не поеду, — молвил он.

— Как не поедешь, дружок? Место отца твоего пусто. Иди и займи его.

— Нет, — сказал Мгер. — Мой отец меня проклял, мой дед оскорбил мою мать так, что она руки на себя наложила. Смерти мне нет, но и наследника нет у меня. Мир на кривде стоит. Пока мир не будет разрушен и заново создан, я в Сасун не приду.

Сасунцы, одним глазом плача, другим смеясь, ушли восвояси. Вскоре царь Пачик умер, и царем Багдада стал Мгер.

КОЗБАДИНОВЫ ВНУКИ

Прошло некоторое время.

Прознали Козбадиновы внуки, что Сасун остался без правителя, собрали войско и пошли на Сасун — мстить за своего деда.

Горлан Оган письмо Мгеру послал:

Мгер! Козбадиновы внуки совсем обнаглели. Пришли в Сасун, дань собирают, жен и дев к себе угоняют, кровь проливают, все в разор разоряют. Кери-Торос помер. Деда своего Верго ты хорошо знаешь — знаешь, на что он годится. Остался я один, но я стар, нет у меня сил защищать Сасун. Как получишь мое письмо, приди и вступишь за отчизну.

Прочел Мгер письмо и сказал Гоар:

— Жена! Я поеду в Сасун, а палицу мою у ворот поставлю. Придут вороги, скажут: «Мгер спит, а палицу у ворот поставил». И тебя не тронут.

Попрощался Мгер с женой, облачился в доспехи, вооружился, сел на Джалали и помчался в Сасун.

Смеркалось. Горлан Оган двери дома своего держал на запоре. Весь город в ужасе притаился. На площади ни одной живой души. Сердце у Мгера кровью облилось. Крикнул он что было мочи:

Эй! Дед Оган! Проснись, пробудись!
Мгер твой пришел — проснись, пробудись!
Мы оба устали: и я и конь.
Сон от себя гони, пробудись!

Услыхал Оган голос Мгера и в полудремоте сказал:

— Жена! Мне родной голос слышался, и сон мой прошел.

— Спи, несносный старик! — сказала жена. — Ты запер городские ворота, запер свой дом изнутри — чего ж ты боишься?

— Как же мне не бояться? — молвил Горлан Оган. — Я стар, недруги — близко, а защитник наш — далеко.

Видит Мгер, что никто ему не отворяет, взобрался на кровлю и крикнул в окошко:

Эй! Дед Оган! Отопри мне дверь!
Под окном твоим ждать мне больше невмочь.
Мой дом далеко. На дворе уже ночь.
Я пришел родному Сасуну помочь.
Эй! Дед Оган! Отопри же мне дверь!

Вскочил Горлан Оган и отворил дверь. Мгер руку ему поцеловал, Оган Мгера поцеловал в лоб и сказал:

— Добро пожаловать, Мгер! На кого ты оставил дом?

— На попечение своей палицы.

Подивился Горлан Оган.

— Что значит твоя палица без тебя? — спросил он.

— Как увидят недруги палицу мою у ворот, скажут: «Стало быть, Мгер дома» — и не посмеют войти.

— Какой знак у твоей палицы?

— В ее рукоять вделан алмаз. Солнце выглянет, алмаз сверкнет — враг не приблизится к моему порогу. Вечеру свечу зажгут, алмаз и вечером засверкает. Недруги скажут: «Мгер дома».

Обрадовался Горлан Оган.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Мгер! — воскликнул он. — Сасун остался без защитника. Ты пришел, так будь же ты его защитником, займи место отца своего!

— Кто тебя теснит, дедушка?

— Козбадиновы внуки, — отвечал Оган. — Их четверо, и каждый из них — лютей зверь.

— Выйду на заре, всех четырех изловлю, — молвил Мгер. — Как мне поступить: на месте их уложить или живьем доставить тебе?

Подумал-подумал Оган и сказал:

— Хочешь, сам убей, а хочешь, сюда приведи — пусть их убьют сасунцы, душу себе облегчат.

На заре Мгер понесся на Леранское поле.

Еще издали завидел он шатры Козбадиновых внуков. «Что они от нас хотят? — думалось Мгеру. — Почему они не дают нам спокойно пахать и сеять, хлеб свой добывать?..»

А Козбадиновы внуки тоже еще издали завидели Мгера и прицелились в него из луков. Одна стрела в ногу Джалали впиалась. Мгер мечом ударил, стрелу пополам разрубил, половина стрелы в ране засела.

Бой длился недолго. Изловил Мгер всех четырех Козбадиновых внуков и в город привел.

Конек Джалали прихрамывал.

— Что с твоим конем? — спросил дед.

— Стрела у него в ноге, — отвечал Мгер.

Горлан Оган был искусным лекарем. Вытащил он стрелу из ноги коня, растопил яхонт и изумруд и в рану влил. Стала нога у коня здоровее, чем прежде.

Мгер Козбадиновых внуков прибил гвоздями к воротам — двоих справа, двоих слева, — чтобы враги Сасуна поглядели на них, поумнели и не смели больше подходить к Сасунским горам.

...Сорок дней жил Мгер у деда, отдохнул, утолил тоску по родине, а затем сел на Джалали и поехал к Гоар-хатун.

Долго ли, коротко ли, повстречал он сорок пахлеванов. Не на конях сидели они, а на верблюдах. Поздоровался с ними Мгер и спросил:

— Вы откуда? И что у вас за печаль?

Отвечали ему пахлеваны со вздохом:

— Мы — сыновья алепского царя. Наша сестра, старуха, захватила престол нашего отца, а нас прогнала.

— Вот тебе раз! — воскликнул Мгер. — Какая же она сестра, если братьев своих отцовского престола лишила? Хотел бы я на нее поглядеть.

— Надобно тебе знать, что сестра наша — людоедка, — продолжали пахлеваны. — Только на свет родилась — стала человечину жрать. Батюшку нашего съела, матушку нашу съела, всех отцов города съела, а мы убежали — только тем и спаслись.

Подивился Мгер.

— Мир погряз в беззакониях, — сказал он. — До чего мы дожили: человек человека ест! Нет, эту людоедку я должен уничтожить!

Братья-пахлеваны возвеселились духом.

— Будь ты нам старшим братом! — сказали они. — Нас было сорок, а теперь сорок один.

Во главе сорока братьев Мгер въехал в Алеп. Старуха-людоедка вышла навстречу, от радости зубы оскалила.

— У-уххх!.. Обильная добыча сама ко мне идет, — сказала она. — Тут мне еды на сорок дней хватит.

Одним ударом меча-молнии отрубил Мгер старухе голову. Людоедка с таким невообразимым шумом и грохотом рухнула наземь, что попрятавшиеся в погребах жители высыпали на улицу, стали друг друга поздравлять, обступили Мгера и от всей души поблагодарили его.

— Нам не под силу было справиться с людоедкой, — сказали они. — Ты ее убил, ты нас от нее избавил, царствуй же над нами. Ты — царь наш, а мы — твои верноподданные. Клянемся, что будем служить тебе до скончания дней.

Мгер краем атласной одежды людоедки очистил от крови меч-молнию и сказал:

— Нет, братцы мои, ничего мне от вас не надо: ни благодарности, ни золота, ни царства. Я — Мгер Сасунский, сын Давида Сасунского. Смерти мне нет, и нет у меня наследника. Сидеть на месте мне невмоготу.

Погнал Мгер коня в город Джзир.

Через этот город протекала большая река Джзиру-Шат. Сто сорок речек вливалось и впадало в эту реку. Она часто выходила из берегов, затопляла и разрушала город.

Мгер прочел в старинных книгах армянских: «Всегда делай добро, хоть в воду его бросай». Как скоро узнал он о бедствиях города Джзира, то взвалил на спину громадную скалу и бросил ее под городом в реку. Река разделилась на два рукава: один рукав потек направо, а другой — налево. Город теперь стоял меж двух рукавов, и река его уже не затопляла.

А на скале Мгер построил крепость и назвал ее Пестрая башня. Крепость эта и по сей день стоит.

Семь лет скитался Мгер по белу свету, семь дэвов-людоедов убил, семь крепостей построил, по Гоар-хатун стосковался и стрелой полетел в Багдад.

Как поставил Мгер палицу у ворот, когда уезжал, так она с тех пор здесь и стояла.

Вошел Мгер в покои, смотрит — на тахте лежит мертвая Гоар и держит в руке письмо.

Подполз к ней Мгер на коленях, взял письмо и прочел.

Вот что писала Гоар-хатун:

Мгер! Я умираю с тоски по тебе. Когда воротишься, исполни мою просьбу: в Сасун меня увези и похорони рядом с Хандут-хатун.

Привязал Мгер тело Гоар-хатун к седлу коня своего, привез в Сасун. Семь дней плакал над ее телом, могилу выкопал рядом с могилой Хандут-хатун и схоронил Гоар.

Затем Мгер заказал семь заупокойных обеден по сасунцам: по

Цовинар, по Санасару, Багдасару, Мгеру Старшему, Армаган, Давиду Хандут-хатун, Кери-Торосу и многим другим...

Прошло еще некоторое время.

Кончилась поминальная тризна. Не хотелось Мгеру возвращаться в свою столицу.

Раз нет на свете Гоар, то что для него царство, что для него жизнь?..

МГЕР УХОДИТ В АГРАВАКАР

Всю ночь до самой зари скитался Мгер в горах. Утром, голодный, усталый, приблизился он к пастухам и спросил:

— Чье это стадо?

— Деда Верго, — отвечали пастухи.

— Я — голодный странник, — молвил Мгер. — Зарежьте овцу, накормите меня, и я поеду своей дорогой.

— Ишь ты какой! — сказали пастухи. — Мы сами голодаем и не смеем надоить для себя ни капельки молока, а ты хочешь, чтобы мы для тебя овцу зарезали?

— А почему вы боитесь молока себе надоить? — спросил Мгер.

— Дед Верго каждый вечер стадо пересчитывает, а молоко меряет палкой с делениями. Паршивого козленка недосчитается, чашки молока недомеряет — горе нам: каждому из нас сто ударов прутьями влепит.

И снова Мгер проклял мир. Проклял и удалился.

Повстречался он с жнецами.

— Здорово, братцы! — крикнул им. — Чья это нива?

— Деда Верго, — отвечали жнецы.

— Я — голодный странник, — молвил Мгер. — Дайте мне хлеба кусок. Я съем и поеду своей дорогой.

— Ишь ты какой! — сказали жнецы. — Мы сами голодаем. Откуда у нас хлеб возьмется?

— Почему же вы голодаете? — спросил Мгер. — Как может голодать тот, кто убирает хлеб?

— Дед Верго дает каждому из нас по горсти ячменя в день. Даже в полове нам отказывает. Целый день простаивает он на кровле своего дома и смотрит. Как увидит дым, тот же час идет на поле и каждому из нас отмеряет по сотне розог.

Мгер дважды послал миру проклятье и удалился.

Тело у Мгера отяжелело. Когда же он выслушал жалобы пастухов и жнецов, отяжелела у него и душа.

Земля уже не в силах была его носить.

Копыта его коня увязали в земле.

До позднего вечера Мгер горы Сасунские конским шагом мерил, а на закате солнца подъехал к могиле матери и воззвал:

Матушка, встань! Матушка, встань!
Сасунское царство извергло меня.
Ты под сердцем своим носила меня,
Ты грудь своею кормила меня.
Материнской ласки давно я лишен —
Встань же, родимая матушка, встань!

А мать ему из могилы ответила:

Чем помочь тебе, сын, чем помочь?
Гады кишат вокруг нас,
Увял ланит моих цвет,
Блеск моих глаз погас,
В руках моих силы нет.
Чем помочь тебе, сын, чем помочь?
Перестань скитаться, сынок!
Видно, так уж судил тебе рок:
Ты гони Джалали-Конька
Прямо в Агравакар...

Долго плакал Мгер, долго молил — могила матери больше ему не откликнулась. Тогда Мгер обернулся лицом к могиле отца и воззвал:

Отец мой, вставай! Отец мой, вставай!
Места нет для меня на Сасунской земле.
Отец мой, вставай! Отец мой, вставай!
Мир мне видится точно во мгле.
Отец мой, вставай! Отец мой, вставай!
Я не помню, как пахнет тело твое.
Один-одинешенек бедный твой сын,
Без отца и без матери что за житье!
Отец мой, вставай! Уже осень пришла
И меня, голяка, до костей пробрала.
Холода завернули, и я изнемог:
Я до нитки промок, я прозяб, я продрог.
Бесприютный и сирый, куда я пойду?
Кто приветит, согреет меня, сироту?

Отец ему из могилы ответил:

Чем помочь тебе, сын, чем помочь?
Нет силы в моих руках,
И румянца нет на щеках.
Чем помочь тебе, сын, чем помочь?
Гады ползают вокруг нас,
Черный плат мне не сбросить с глаз.
Чем помочь тебе, сын, чем помочь?
Перестань скитаться, сынок!
Видно, так уж судил тебе рок!
Припусти Джалали-Конька
И уйди с ним в Агравакар.
Когда грянет великий бой,
Мир разрушит и вновь создаст
И окрепнет земля под тобой —
Жизнь тебе по заслугам воздаст.

Долго плакал Мгер, долго молил — могила отца не проронила больше ни звука.

Сел Мгер на Конька Джалали и медленным шагом поехал в Во станá-Капáн.

Земля одряхла — носить Мгера было ей уже не под силу. Копыта коня увязали в земле.

— Ой-ой-ой! Одряхла земля! — воскликнул Мгер.

Только к вечеру добрался он до города Вана.

Тут, у въезда в город, и возвышался Агравакар.

«Я сейчас ударю мечом по утесу, — сказал себе Мгер. — Если расколется — значит, на душе моей нет греха; если не расколется — значит, есть на душе моей грех».

Ударил Мгер по утесу мечом — утес раскололся надвое. Мгер и Конек Джалали вошли внутрь, и утес замкнулся за ними и сросся.

Как узнали сасунцы о том, что Мгер вошел внутрь утеса, семь дней и семь ночей горевали.

А Горлан Оган с горя скончался.

Эпиграф

*Говорят, два раза в год раздвигается Агравакар:
в Праздник роз и на Вознесенье.*

*В эти дни выходит Мгер из утеса и за один день сорокадневный путь совершает. Конь его по камням ступает,
а как ступит на землю, копыта у него увязают.*

И тогда Мгер снова уходит в утес...

*Говорят, как-то в ночь под Вознесенье одному пастуху
привелось быть у подножья Агравакара.*

*Раздвинулся Агравакар, пастух вошел внутрь и видит:
перед ним конь исполинский, а рядом с конем исполин,
брови как два утеса на очи надвинуты.*

«Верно, это Мгер Сасунский?» — подумал пастух и обратился к исполину:

— Мгер! Когда ты отсюда выйдешь?

Мгер ему на это ответил так:

— Если я выйду отсюда, земля меня не удержит. Мир на кривде стоит. Мир полон зла. Когда мир будет разрушен и создастся вновь, когда ячменное зерно будет величиною с орех, когда пшеничное зерно будет величиною с ягоду шиповника — лишь тогда я получу повеление выйти отсюда.

Говорят, по пятницам из Агравакара течет вода. Говорят, эту воду из земли выбивает копытом Конек Джалали.

Говорят, каждую пятницу путники, проходя мимо Агравакара, слышат ржанье Конька Джалали...

Последнее поминовение

Кончена песнь про сасунцев. Помянем в последний раз!
Мы добрым словом помянем праматерь Цовинар!
Пусть будет добром помянут Сасуна творец — Санасар!
Пусть будет добром помянут взыбалмошный Багдасар!
Пусть будут добром помянуты вещии Кери — Торос
И Дехцун — царь — красавица с льющимся золотом нос!
Пусть будет добром помянут миролюбивый Оган!
Мы добрым словом помянем чистую Армаган!
Пусть будет добром помянут Львораздиратель Мгер!
Пусть будет добром помянут победоносный Давид,
Народа всего десница, наш ненаглядный Давид!
Пусть вечно под ним гарцует верный Конек Джалали,
А над врагами сверкает грозный молния — меч!
Мы добрым словом помянем мудрость Хандут — хатун!
Старухи сасунской смекалку мы с вами помянем добром!
Не добром пусть будет помянут кровожадный Мсра — Мелик!
Не добром пусть будет помянут презренный трус Верго!
Не добром пусть помянута будет блудница Сарья — ханум!
Не добром пусть помянута будет дочь Хлата Чымшкик — султан!
Не добрым... нет, добрым словом помянем Исмил — хатун!
Пусть будут добром помянуты бессмертный Младший Мгер
И в разлуке с Мгером зачахшая преданная Гоар!
Сказителей златоустых мы с вами помянем добром,
Отцов наших вольнолюбивых и ласковых матерей!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об эпосе «Давид Сасунский» и об этой книге . . .	5
--	---

Ветвь первая. САНАСАР И БАГДАСАР

Часть первая

Цовинар	15
Дети моря — Санасар и Багдасар	19
Бегство халифа	24
Сасун	29
Конек Джалали и меч-молния	33

Часть вторая

Дехцун-цям	40
Медный город	47
Брат выручает брата	52
«Дехцун-цям достойна тебя»	60

Ветвь вторая. МГЕР СТАРШИЙ

С жеребенком на плече	65
Львораздиратель Мгер	71
Армаган	73
Бой Мгера с Мсра-Меликом	78
Исмил-хатун	84
Рождение Давида	87

Ветвь третья. ДАВИД САСУНСКИЙ

Часть первая

Давид в Мсыре	93
Бой с лучом солнца	96
Как Давид поймал дротик Мсра-Мелика	98
Давида испытывают огнем и золотом	103
Давид не прошел под мечом Мсра-Мелика	107
У Батманского моста	109

Часть вторая

Давид-пастух	113
Хариса и дэвы-разбойники	122

Часть третья

Давид-охотник. Сарья и сасунская старуха . . .	130
Давид восстанавливает храм, некогда воздвигнутый отцом его	136
Давид истребляет сборщиков дани	140
Мсра-Мелик готовится к нападению на Сасун . .	152
Горлан Оган	159
Давид побеждает в бою	168

Часть четвертая

Давид-жених	186
Хандут-хатун	195
Бой Давида с женихами Хандут	204
Единоборство Давида с Хандут-хатун. Давид дает клятву Чымшкик-султан	214
Рождение Мгера и смерть Давида	217

Ветвь четвертая. МГЕР МЛАДШИЙ

Часть первая

Мгер оплакивает смерть отца	231
Мгер мстит за отца	236

Часть вторая

Гоар-хатун	243
Мгер справляет по себе поминки	248
Мгер вновь принимает свой облик	254
Козбадиновы внуки	258
Мгер уходит в Агравакар	263
Эпилог	267

Для восьмилетней и средней школы

Наири Егиазарович Зарьян

ДАВИД САСУНСКИЙ

Ответственный редактор Р. Д. Кафриэлянц

Художественный редактор Л. Д. Вирюков

Технический редактор Г. В. Лазарева

Корректоры В. Е. Калинина и К. И. Каревская

Сдано в набор 28/II 1973 г. Подписано к печати 19/XI 1973 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Печ. л. 17. Усл. печ. л. 19,89. Уч.-изд. л. 15,18. Тираж 100 000 экз. Заказ № 316. Цена 87 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Зарьян Н. Е.

335   Давид Сасунский. Повесть по мотивам армянского эпоса. Перевод с армянского Н. Любимова. Рис. М. Сосояна. М., «Дет. лит.», 1973.

270 с. с ил.

Вершиной армянской устной народной поэзии справедливо считается народный героический эпос о храбрцах Сасуна. Художники слова разных поколений обращались к этому творению. Книга Н. Зарьяна занимает особое место: писатель пересказал все четыре «ветви» (сказа) великого эпоса и, пересказав их, воссоздал цельную картину.

Scan Kreyder - 11.04. 2019 - STERLITAMAK

87 коп.